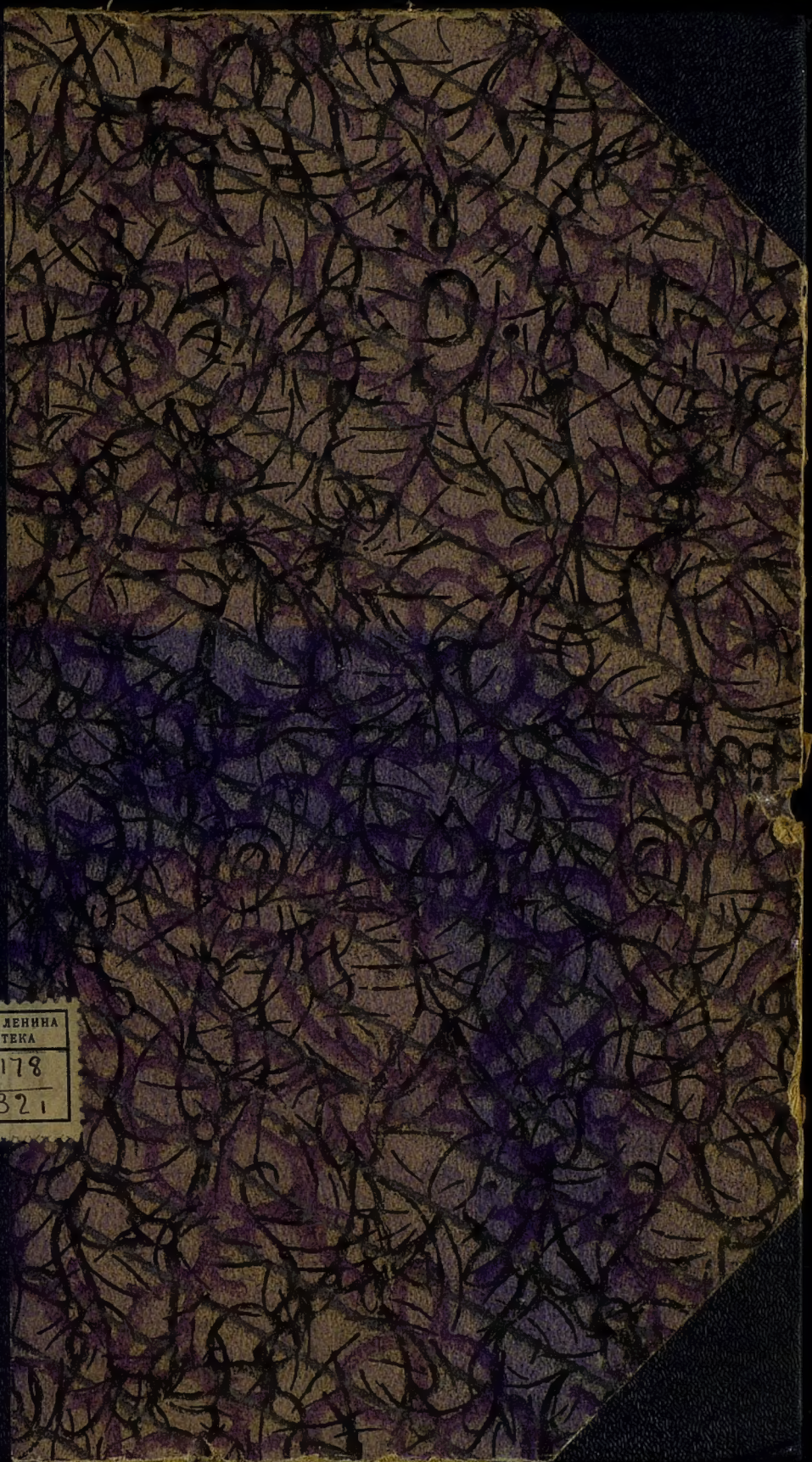


ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГВ178
Р1321

Н. Рожковъ.

ГВ178
Р132,

ПРОИСХОЖДЕНІЕ САМОДЕРЖАВІЯ ВЪ РОССІИ.

2 Т К Г

Москва.—1906.
Товарищество типографіи А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій переулокъ, д. № 5.

51

PHILADELPHIA
1905

Н. Рожковъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ САМОДЕРЖАВІЯ ВЪ РОССІИ.

Москва.—1906.
Товарищество типографіи А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій переулокъ, д. № 5.

1-6 281

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К
1984 Г

ГВ178
Р132,1 Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б-в)
1955
158982

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе . . . . . 1—2
Глава первая. Верховная власть и высшее управленіе въ Россіи до конца XV в. . . . . 3—39
Глава вторая. Основныя черты хозяйства и соціальнаго строя въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII в. . . . . 40—66
Глава третья. Организація подчиненнаго управленія въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII в. . 66—90
Глава четвертая. Управленіе разрядными дѣлами до половины XVII в. . . . . 90—109
Глава пятая. Дѣятельность верховныхъ и подчиненныхъ органовъ государственной власти въ отношеніи къ землевладѣнію. . . . . 110—125
Глава шестая. Финансовыя функціи верховнаго и подчиненнаго управленія. . . . . 126—138
Глава седьмая. Соотношеніе верховныхъ и подчиненныхъ органовъ власти въ области суда . . . . . 138—155
Глава восьмая. Полицейская дѣятельность государства. Соотношеніе между верховной властью и подчиненными органами въ дипломатической дѣятельности . . . . . 156—162
Глава девятая. Контроль и надзоръ за администраціей . . . 162—174
Глава десятая. Отношеніе между церковью и государствомъ въ Россіи до половины XVII в. . . . . 174—184
Глава одиннадцатая. Политическая сторона развитія верховной власти и высшаго управленія въ Московскомъ государствѣ до половины XVII вѣка . . . . . 184—204
Глава двѣнадцатая. Общіе выводы . . . . . 204—209
Приложенія . . . . . 209—213

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе . . . . . 1—2

Глава первая. Верховная власть и высшее управленіе въ Россіи до конца XV в. . . . . 3—39

Глава вторая. Основныя черты хозяйства и соціальнаго строя въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII в. . . . . 40—66

Глава третья. Организація подчиненнаго управленія въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII в. . . . . 66—90

Глава четвертая. Управленіе разрядными дѣлами до половины XVII в. . . . . 90—109

Глава пятая. Дѣятельность верховныхъ и подчиненныхъ органовъ государственной власти въ отношеніи къ землевладѣнію . . . . . 110—127

Глава шестая. Финансовый функціи верховнаго и подчиненнаго управленія . . . . . 128—139

Глава седьмая. Соотношеніе верховныхъ и подчиненныхъ органовъ власти въ области суда . . . . . 139—156

Глава восьмая. Полицейская дѣятельность государства. Соотношеніе между верховной властью и подчиненными органами въ дипломатической дѣятельности . . . . . 156—162

Глава девятая. Контроль и надзоръ за администраціей . . . . . 162—174

Глава десятая. Отношеніе между церковью и государствомъ въ Россіи до половины XVII в. . . . . 174—184

Глава одиннадцатая. Политическая сторона развитія верховной власти и высшаго управленія въ Московскомъ государствѣ до половины XVII вѣка . . . . . 184—201

Глава двѣнадцатая. Общіе выводы . . . . . 204—209

Приложенія . . . . . 210—213

Предисловіе.

Органами верховнаго управленія теорія государственнаго права называетъ, какъ извѣстно, такіе органы власти, которые творятъ юридическія нормы, регулирующія дѣятельность государства; дѣятельность этихъ органовъ является по существу „творческой, свободной, подчиненной закону только въ своихъ формахъ", а не въ своемъ содержаніи [1]). Въ формулировкѣ виднѣйшаго изъ современныхъ представителей государственной науки это „непосредственные органы государства, существованіе которыхъ опредѣляетъ форму государственнаго союза, и уничтоженіе которыхъ дезорганизуетъ государство или въ основѣ передѣлываетъ его" [2]). Ясно такимъ образомъ, что органы верховнаго или высшаго управленія раздѣляютъ съ верховной властью сферу ея непосредственной дѣятельности. Отсюда вытекаетъ необходимость совмѣстнаго, связнаго изученія исторіи верховной власти и устройства высшаго управленія: разъединить эти два проявленія государственной дѣятельности значило бы отказаться заранѣе отъ возможности понять ихъ развитіе.

Въ исторіи верховной власти и высшаго управленія должно различать двѣ стороны: административно-техническую и политическую. Основной вопросъ административной техники—это въ данномъ случаѣ вопросъ объ организаціи и функціяхъ учрежденій верховнаго управленія и отношеніи этихъ учрежденій къ учрежденіямъ подчиненнымъ. Полктическая сторона заключается въ опредѣленіи того, кто является носителемъ верховной власти, и если таковымъ является

1) Коркуновъ, Русское государственное право, томъ II, изданіе 2-е, Спб., 1897, стр. 3.

2) Jellinek, Das Recht des modernen Staates, Erster Band, Berlin, 1900 стр. 498.

нѣсколько физическихъ или юридическихъ лицъ, то въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ эти лица находятся.

Изученіемъ намѣченныхъ сейчасъ двухъ сторонъ развитія верховной власти и высшаго управленія исчерпывалась бы вся задача историческаго изслѣдованія, если бы изслѣдователь могъ оставаться исключительно въ области государственныхъ отношеній. Послѣднее является однако же совершенно невозможнымъ, потому что понять развитіе государства нельзя безъ вниманія къ болѣе общимъ условіямъ — соціальнымъ и хозяйственнымъ, являющимся фундаментомъ государственныхъ отношеній и порядковъ.

Въ сущности государственный строй—не что иное, какъ особая сторона того единаго цѣлаго, двѣ другихъ части котораго составляютъ хозяйство и устройство общества.

Происхожденіе самодержавія въ Россіи — тема, относящаяся, несомнѣнно къ исторіи верховной власти и высшаго управленія. Этотъ историческій процессъ надо изучать, какъ показываютъ предшествующія замѣчанія, съ точки зрѣнія административно-технической и политической и въ связи съ экономическими и соціальными явленіями. Конечный хронологическій предѣлъ этого процесса — приблизительно пятидесятые и шестидесятые годы XVII вѣка. Начальный предѣлъ — половина XVI столѣтія. Однако методологическія соображенія и самое существо дѣла требуютъ предварительнаго сжатаго разсмотрѣнія исторіи верховной власти и высшаго управленія въ Россіи на экономической и соціальной основѣ за болѣе раннее время. Такъ опредѣляется программа предлагаемаго изслѣдованія. Отдѣльные пункты этой программы уже нашли себѣ освѣщеніе въ предшествующей литературѣ. Этимъ объясняется неравномѣрность изложенія отдѣльныхъ вопросовъ въ данной работѣ: то, что привлекало раньше мало вниманія, требовало, очевидно, болѣе тщательной и детальной разработки, чѣмъ изученное хорошо другими изслѣдователями.

Имѣя въ виду сдѣлать книгу доступной для читателя-неспеціалиста и въ то же время не желая лишить ее значенія спеціальнаго изслѣдованія, авторъ постарался по возможности сжать изложеніе; такимъ путемъ ему удалось уменьшить размѣры книги приблизительно вдвое.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Верховная власть и высшее управленіе въ Россіи до конца XV вѣка.

I.

Многія стороны хозяйственнаго быта древнѣйшей Россіи — до конца XII вѣка—съ достаточной полнотой и ясностью освѣщены въ литературѣ и установлены безспорно: едва-ли кто будетъ отрицать, напр., что господствующей формой хозяйства тогда былъ домашній, семейный трудъ, что хозяйственная техника отличалась примитивностью, была крайне экстенсивна, что отдѣльныя вѣтви народнаго дохода еще не дифференцировались, не раздѣлились между разными общественными группами [1]). Тѣмъ не менѣе и здѣсь есть немаловажныя разногласія, касающіяся главнымъ образомъ соотношенія разныхъ отраслей хозяйства и формъ землевладѣнія. Нѣкоторые изслѣдователи, особенно археологи [2]), склонны преувеличивать значеніе земледѣлія и даже обрабатывающей промышленности въ хозяйственной жизни древнѣйшей Россіи, другіе придаютъ слишкомъ большое значеніе внѣшней торговлѣ [3]). Находки издѣлій, украшенныхъ перегородчатой амалью, хотя даже было доказано ихъ русское происхожденіе, конечно, не уполномочиваютъ насъ на признаніе важности въ то время обрабатывающей промышленности. Второ-

1) Сводъ относящихся сюда данныхъ см. въ нашемъ „Обзорѣ русской исторіи“, часть первая, изданіе второе, М. 1905, стр. 16—41.

2) См., напр., Самоквасовъ, Древніе города Россіи, Спб., 1873, стр. 151—152; гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. 5-й, стр. 10 и сл.

3) Ключевскій, Боярская дума древней Руси, изд. 2, глава I; см. также его Курсъ русской исторіи, часть I.

степенная роль земледѣлія, особенно до XII вѣка, представляющаго ужъ въ сущности переходъ къ слѣдующему періоду, явствуетъ изъ того, что всякій разъ, когда перечисляются предметы, которыми богата была древнѣйшая Русь, среди нихъ не встрѣчается продуктовъ земледѣлія [1]). Важное значеніе внѣшней торговли не можетъ быть признано какъ потому, что въ ней заинтересованы были только немногочисленные соціальные верхи да и то лишь отчасти, такъ какъ посредствомъ внѣшней торговли добывались не предметы необходимости, а предметы роскоши, такъ и по той причинѣ, что внѣшняя торговля того времени не была основана на коммерческой организаціи дѣла, не опиралась на хозяйственную эксплуатацію массъ—торговали только тѣмъ, что собирали даромъ въ видѣ дани [2]). Надо вообще замѣтить, что и верхи общества направляли главныя свои хозяйственныя усилія не на торговлю, а на ту же добывающую промышленность, которая составляла основное занятіе народныхъ массъ [3]).

Что касается формъ землевладѣнія, то исконность русской поземельной общины, когда то столь горячо отстаивавшаяся, въ настоящее время, кажется, уже не встрѣчаетъ защитниковъ. Но до сихъ поръ пользуется нѣкоторымъ кредитомъ мнѣніе, что въ древнѣйшей Россіи господствовала частная, личная собственность на землю въ современномъ смыслѣ слова [4]). Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что субъектами правъ на землю въ то время были два союза—вервь или родъ и семья. Землевладѣльческое значеніе верви выступаетъ ясно въ Русской Правдѣ предполагающей у верви опредѣленную территорію [5]), а также подтверждается сближеніями верви съ соотвѣтственными союзами у западныхъ славянъ [6]). Та же Рус-

---

[1]) См., напр., извѣстныя слова Святослава о томъ, чѣмъ богата была Русь въ его время,—„медомъ, скорою, воскомъ и рабами“: Начальная лѣтопись, подъ 969 годомъ.

[2]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ особенности. Константинъ Багрянородный.

[3]) См. многочисленныя лѣтописныя извѣстія объ охотничьихъ поѣздкахъ князей на долгое время съ семьей и дружиной, а также извѣстія о княжескихъ и боярскихъ стадахъ.

[4]) Неволинъ, Полное собраніе сочиненій, томъ V, стр. 338.

[5]) Русская Правда, Троицкій списокъ, статьи 3, 63, 70 (по изданію Калачева).

[6]) Леонтовичъ, О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому статуту. сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ, — въ „Журналѣ Министерства Народ. Просв.“ за 1867 г., № 4, стр. 2—19.

ская Правда ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что и семья была субъектомъ владѣльческихъ правъ на землю: въ Русской Правдѣ идетъ рѣчь о наслѣдованіи отъ отца «дома» [1]), а слово «домъ» означаетъ собою въ этомъ историко-юридическомъ памятникѣ всю семейную собственность, движимую и недвижимую: такъ въ Правдѣ говорится, что поджигатель подвергается разграбленію «дома», т.-е. конфискаціи всего имущества [2]); притомъ недвижимость, усадьба называется въ Русской Правдѣ не домомъ, а дворомъ [3]), а движимое имущество носитъ наименованіе товара [4]).

Русская Правда, какъ было уже сейчасъ указано, знаетъ опредѣленныя границы вервной территоріи, такъ что вервь или родъ и является собственникомъ земли, включенной въ эти границы. Вотъ почему Начальная лѣтопись и говоритъ о полянахъ: «живяху кождо своимъ родомъ на своихъ мѣстѣхъ». Совершенно иной представляется сущность отношеній къ землѣ семейнаго союза. Древнѣйшая Россія вслѣдствіе обилія земельнаго простора очень долго — до XII вѣка — не знала свободнаго гражданскаго оборота земли, и потому семья не осваивала этой послѣдней, а лишь временно пользовалась ею въ предѣлахъ вервной территоріи. Это видно изъ той же Начальной лѣтописи, которая въ видѣ иллюстраціи къ извѣстію, что каждый родъ владѣлъ своими мѣстами, приводитъ разсказъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди, жившихъ на родовой землѣ со своими семьями [5]). Это же подтверждается и любопытными намеками Русской Правды на порядки, подобные существующимъ и теперь въ Сибири при такъ называемомъ вольномъ землепользованіи «опахиванію» и «зачерчиванію» или «затяпыванью» временно занимаемыхъ отдѣльными семьями въ предѣлахъ волостной территоріи земельныхъ участковъ: въ Правдѣ говорится о «межѣ ролейной» [6]), т.-е. пашенной, образованной путемъ опахиванія, и о «дубѣ знаменномъ» [7]), т.-е. имѣющемъ значекъ, зачерченномъ или затяпанномъ. Приведенныя данныя подтверждаются, наконецъ, историческими аналогіями [8]),

---

1) Русская Правда, Троицкій списокъ, статья 87.
2) Тамъ же, статья 79.
3) Тамъ же, статьи 94, 95, 96 и 79.
4) Тамъ же, статья 45.
5) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 4.
6) Троицкій списокъ, статья 65.
7) Тамъ же, статья 66.
8) См. наши «Историческіе и соціологическіе очерки», М., 1906, стр. 106.

такъ что господство безпорядочнаго, неорганизованнаго вольнаго или захватнаго замлевладѣнія въ древнѣйшей Россіи не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію.

Итакъ первобытная неорганизованность составляетъ основную черту всего древнѣйшаго русскаго хозяйственнаго быта. То же приходится повторить и о соціальныхъ отношеніяхъ: ни классоваго, ни сословнаго расчлененія общества въ сущности совершенно не было [1]).

Понятно, что этому соотвѣтствовала административная техника того времени. Она отличалась прежде всего полнымъ отсутствіемъ демаркаціонной линіи между управленіемъ верховнымъ и подчиненнымъ.

Это будетъ прежде все ясно, если мы обратимъ вниманіе на законодательную дѣятельность государства, на созданіе имъ юридическихъ нормъ. Во внѣшнихъ дѣлахъ такая нормативная дѣятельность находитъ себѣ выраженіе въ заключеніи международныхъ договоровъ Документальнымъ остаткомъ ея отъ временъ древнѣйшей Россіи являются договоры Олега, Игоря и Святослава съ греками. Характерно, что здѣсь дипломатическими представителями являются не только княжескіе „слы“ или послы, но и простые купцы,— „гости“. При томъ оказывается, что ихъ послали „великій князь Игорь и бояре его и людье вси рустіи“, что они „отъ рода русскаго слы и гостье“. Утверждены были договоры клятвою князя и язычниковъ-русскихъ передъ Перуномъ и христіанъ-русскихъ въ церкви св. Иліи [2]); стало быть присягали опять всѣ свободные, а не одинъ князь. Уже изъ всего этого можно сдѣлать выводъ, что заключеніе договоровъ не было прерогативой князя, какъ носителя верховной власти. Но въ данномъ случаѣ еще возможно иное объясненіе: кромѣ князя, носителемъ верховной власти было вѣче, представителями котораго и были не только послы, но и простые купцы. Другіе факты сильнѣе и рѣзче подчеркиваютъ ту истину, что въ то время и органы подчиненнаго управленія фигурировали въ качествѣ полновластныхъ рѣшителей вопроса о войнѣ и мирѣ и объ условіяхъ заключаемыхъ договоровъ. Факты эти также общеизвѣстны: мы разумѣемъ мирный договоръ Претича съ печенѣгами въ 968 году

---

1) См. сводъ относящихся сюда данныхъ въ нашемъ «Обзорѣ русской исторіи», часть первая, изд. 2-е, стр. 43—58.

2) Начальная лѣтопись, подъ 945 годомъ.

и переговоры бѣлгородцевъ съ тѣми же печенѣгами въ 997 году [1]): Претичъ былъ простымъ воеводой, а бѣлгородское вѣче, какъ вѣче пригорода, самостоятельнаго, верховнаго значенія не имѣло въ силу извѣстнаго правила: «на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ».

Извѣстное мѣсто объ «отрокахъ Свѣнельжихъ», которые «изодѣлись оружіемъ и порты» [2]), показываетъ, что и въ вопросахъ, отсимыхъ теперь къ области финансоваго законодательства, княжескіе воеводы, по современной терминологіи, несомнѣнно, относящіеся къ числу органовъ подчиненнаго управленія, дѣйствовали вполнѣ самостоятельно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и сами князья: Свѣнельдъ, побѣдивъ улучей и тиверцевъ, обложилъ ихъ данью въ свою пользу и въ пользу своей дружины, установилъ, по собственному усмотрѣнію, особый налогъ. Такъ же, вѣроятно, поступали и многіе княжескіе посадники по разнымъ городамъ.

Извѣстно, какую важную роль въ созданіи нормъ уголовнаго права играли въ кіевскій періодъ русской исторіи, на ряду съ юридическимъ обычаемъ, судебныя рѣшенія, приговоры по отдѣльнымъ дѣламъ, имѣвшіе нерѣдко значеніе прецедента, руководящаго начала на будущее время. Въ тѣхъ случаяхъ, когда судья, — будь это даже не князь, а посадникъ,—не находилъ такого прецедента, онъ самъ творилъ правовую норму, комбинируя юридическій обычай съ собственными понятіями о справедливости. Такъ, когда на Бѣлоозерѣ въ XI в. появились «волхвы», убивавшіе старыхъ женщинъ подъ предлогомъ, что онѣ виновны въ постигшемъ эту область неурожаѣ, то посадникъ князя Святослава, Янъ, схвативъ ихъ, подвергъ сначала жестокимъ истязаніямъ, а затѣмъ предоставилъ родственникамъ убитыхъ женщинъ совершить актъ кровной мести [3]). Янъ и не подумалъ при этомъ запросить князя о томъ, какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть виновныхъ въ столь необычномъ преступленіи.

Законодательство составляетъ въ настоящее время исключительное право верховной власти. Въ кіевской Руси, какъ мы только что убѣдились, этого не было: тѣ органы, которые теперь подошли бы подъ названіе подчиненныхъ, творили правовыя нормы наряду съ органами верховнаго управленія.

---

1) Начальная лѣтопись подъ этими годами.

2) Начальная лѣтопись подъ 945 г.

3) Начальная лѣтопись, подъ 1071 г.

Смѣшеніе проникало и въ область судебной дѣятельности государственной власти, при чемъ самой характерной чертой этой дѣятельности надо признать то, что органы верховнаго управленія функціонировали въ сферѣ суда непосредственно, играли роль трибунала первой инстанціи. На непосредственную судебную дѣятельность князя мы имѣли цѣлый рядъ указаній въ нашихъ источникахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего Русская Правда, предполагающая жалобу закупа князю на обиду отъ господина и говорящая о тяжбѣ братьевъ изъ-за наслѣдства передъ княземъ, о наказаніяхъ отъ князя за разныя преступленія, о приводѣ вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія на княжъ дворъ[1]) и т. д. Въ лѣтописяхъ также встрѣчаемъ неоднократныя указанія на княжескій судъ: въ 1024 г. Ярославъ судилъ и казнилъ волхвовъ въ Суздалѣ; въ 1071 г. бѣлозерскіе волхвы требовали, чтобы ихъ судилъ самъ князь Святославъ; кіевляне поставили условіемъ Игорю Ольговичу, чтобы онъ самъ судилъ въ Кіевѣ и пр. Всеславъ Полоцкій, по „Слову о полку Игоревѣ“, „людемъ судяше“. Наконецъ, и изъ Поученія Владиміра Мономаха видно, что судъ входилъ въ кругъ ежедневныхъ занятій князей. Замѣчательно при этомъ, что посадникъ, получая назначеніе отъ князя, облекался всею полнотой судебной власти послѣдняго: инстанцій не существовало, жалоба и апелляція не признавалась: Янъ не обратилъ никакого вниманія на требованіе бѣлозерскихъ волхвовъ, чтобы ихъ судилъ самъ князь[2]).

Переходя къ третьей сферѣ государственной дѣятельности, къ управленію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, приходится опять констатировать фактъ полнаго смѣшенія функцій верховной и подчиненной власти. Къ числу административныхъ дѣйствій власти принадлежитъ прежде всего назначеніе различныхъ должностныхъ лицъ. Конечно, только князь назначалъ своихъ замѣстителей по городамъ—посадниковъ: такъ Рюрикъ посадилъ своихъ „мужей“ въ Ростовѣ, Бѣлоозерѣ и Полоцкѣ, а Олегъ—въ Смоленскѣ и Любечѣ; въ 977 г. Ярополкъ послалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ; въ 980 г. Владиміръ назначилъ туда же посадничать Добрыню; въ 1096 г. Олегъ Святославичъ посадилъ посадниковъ по городамъ въ ростовско-суздальскомъ краѣ, а въ 1097 г. Святополкъ сдѣлалъ посадникомъ во

---

[1]) Троицкій списокъ, статьи 55, 36 и др.

[2]) Начальная лѣтопись подъ 1071 г.

Владимірѣ Волынскомъ Василія; въ 1176 г. Ростиславичи роздали въ ростовской землѣ посадничество южнорусскимъ дѣтскимъ [1]). Эти посадники, вѣроятно, уже сами поручали исполненіе тѣхъ или другихъ административныхъ функцій своимъ дружинникамъ — „отрокамъ“ и хозяйственнымъ слугамъ, большею частью изъ рабовъ,—„тіунамъ“: всѣ эти метельники или писцы, мечники, ябетники, данники, мытники, осменики, мостники, городники, если они исполняли свои обязанности въ области, находившейся въ вѣдѣніи посадника, получали свою власть, несомнѣнно, отъ послѣдняго, а не отъ князя. За это, говорятъ, и данныя о намѣстникахъ и ихъ подчиненныхъ болѣе поздней эпохи, и прямыя свидѣтельства въ родѣ указанія Русской Правды, что отрока посылалъ для поимки бѣглаго холопа именно посадникъ [2]). Но по той же Русской Правдѣ князь посылаетъ отрока дѣлить наслѣдство между братьями [3]); мы знаемъ также, что князья держали для суда своихъ тіуновъ. Слѣдовательно, въ предѣлахъ той территоріи, которая оставалась нерозданной посадникамъ, князь самъ назначалъ всѣхъ должностныхъ лицъ и раздавалъ всѣ административныя порученія до самыхъ мелкихъ включительно. Отказываясь совершенно на время даже отъ своихъ верховныхъ правъ по управленію тамъ, гдѣ былъ посадникъ, князь въ извѣстной части своего княжества въ дѣлѣ назначенія административныхъ органовъ бралъ на себя функціи подчиненныхъ властей. Это и составляетъ характерную черту изучаемаго времени.

Подчиненными органами при внѣшнихъ сношеніяхъ, при дипломатическихъ переговорахъ являются, несомнѣнно, послы или повѣренные договаривающихся сторонъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда древнерусскимъ князьямъ приходилось вступать въ соглашенія съ властителями болѣе культурныхъ странъ, чѣмъ древнѣйшая Россія, напр., съ византійскими императорами, дѣйствительно снаряжались посольства. Бывало это, иногда, и въ другихъ случаяхъ. Но часто князья сами брали на себя веденіе переговоровъ: припомнимъ, напр., личные переговоры Владиміра съ Ярополкомъ, ознаменовавшіеся убійствомъ послѣдняго, переговоры Мстислава съ Редедей, съѣзды князей въ Любечѣ и Витичевѣ и т. д.; особенно яркой картиной такого

---

[1]) См. Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, томъ I, подъ указанными годами.

[2]) Троицкій списокъ, статья 108.

[3]) Тамъ же, статья 100.

личнаго веденія переговоровъ между князьями является разсказъ лѣтописи о съѣздѣ князей на Долобскомъ озерѣ [1]).

Нѣтъ нужды, далѣе, приводить многочисленные и общеизвѣстные факты личнаго предводительства князей на войнѣ: князья опять-таки брали здѣсь на себя чисто-исполнительныя функціи.

Наконецъ, во всѣхъ сферахъ внутренняго управленія князь сплошь и рядомъ выступалъ въ роли не только верховнаго распорядителя, но и подчиненнаго исполнителя-администратора: княжеское полюдье было сборомъ дани, производившимся княземъ лично [2]); по хозяйству князь распоряжался всѣми мелочами большею частью самъ: такъ поступали, напр., Ольга и Владиміръ Мономахъ [3]), и т. под.

Спрашивается, наконецъ, какъ слѣдуетъ характеризовать верховную власть и высшее управленіе въ древнѣйшей Россіи съ политической точки зрѣнія? Иначе: кто являлся тогда носителемъ верховной власти?

Этотъ вопросъ неодинаково рѣшается всѣми изслѣдователями. Высказаны два главныхъ взгляда: одни полагаютъ, что въ кіевскій періодъ русской исторіи (до конца XII в.) господствовало двоевластіе вѣча и князя [4]); по мнѣнію другихъ, тогда существовали троевластіе вѣча, князя и боярской думы [5]).

Уже изъ простого сопоставленія этихъ двухъ мнѣній видно, что вѣче и князь всѣми неоспоримо признаются носителями верховной власти. И это, дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, потому что и вѣче и князь утверждали своею дѣятельностью самые основные устои государственнаго строя того времени: извѣстно, что ихъ воля имѣла рѣшающее значеніе въ вопросахъ о замѣщеніи княжескихъ столовъ, въ установленіи экстренныхъ денежныхъ сборовъ и постоянныхъ даней, въ законодательствѣ, въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній между органами управленія и т. д. Внимательному разбору подлежитъ, слѣдовательно, лишь дѣятельность боярской думы, политическое значеніе которой вызываетъ разногласія.

---

[1]) Начальная лѣтопись подъ 1103 г.

[2]) См. извѣстный лѣтописный разсказъ о полюдьѣ Игоря въ землѣ древлянъ.

[3]) Начальная лѣтопись подъ 947 г.; Поученіе Владиміра Мономаха.

[4]) См. напр., Соловьевъ, Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 16; Градовскій, Собраніе сочиненій, т. I, Спб., 1899, стр. 339—381 и др.

[5]) Владимірскій-Буда новъ, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е, стр. 40; Малиновскій, Рада великаго княжества Литовскаго, часть I, Томскъ, 1903, стр. 50.

Нѣтъ сомнѣнія, что народное правосознаніе кіевской Руси признавало необходимымъ свойствомъ хорошаго князя любовь его къ совѣщанію съ боярами, склонность выслушивать боярскіе совѣты [1]). Но отсюда еще далеко до признанія боярской думы носительницей верховной власти. Это признаніе было бы неизбѣжнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что приговоры думы имѣли принудительное, обязательное для князя и вѣча, рѣшающее значеніе. Между тѣмъ такого рѣшающаго значенія боярская дума древнѣйшей Россіи не имѣла. Въ самомъ дѣлѣ, ни изъ чего не видно, чтобы князь въ своихъ законодательныхъ постановленіяхъ долженъ былъ подчиняться рѣшеніямъ бояръ, хотя онъ обыкновенно и совѣщался съ послѣдними въ такихъ случаяхъ; извѣстно, что и вѣчевыя сходки и отдѣльныя князья своею одностороннею волею часто вліяли на замѣщеніе княжескихъ столовъ и вообще на порядокъ княжескаго владѣнія русской землей, но мы ни разу до конца XII в. не видимъ, чтобы рѣшающій голосъ въ данномъ вопросѣ принадлежалъ боярскому совѣту [2]); въ вопросахъ о войнѣ и мирѣ князь иногда долженъ былъ подчиняться вѣчу, но никогда—совѣту бояръ: такъ, хотя бояре въ 1169 г. отказались итти за Владиміромъ Мстиславичемъ противъ Мстислава Изяславича, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что князь не посовѣтовался съ ними, но это привело только къ тому, что князь отказался отъ ихъ услугъ, уволилъ ихъ изъ своей дружины, а въ походъ все-таки пошелъ [3]); указываютъ обыкновенно на то, что, по лѣтописному разсказу, въ Бѣлгородѣ въ 997 г. вѣче рѣшило сдаться осаждавшимъ городъ печенѣгамъ, а потомъ уже не вѣче, а „старѣйшины града“ самостоятельно рѣшили послѣдовать совѣту одного старика, предложившаго хитрость, и видятъ въ этомъ доказательство того, что боярская дума была органомъ верховной власти [4]), но вѣдь совершенно ясно, что не можетъ быть и рѣчи о боярской думѣ, какъ органѣ верховной власти, въ Бѣлгородѣ, какъ пригородѣ, не имѣв-

---

[1]) Ключевскій, Боярская дума древней Руси, изд. 2, стр. 53—55.

[2]) Ссылка на фактъ 1177 г. (Малиновскій, Рада велик. княж. Литовскаго, ч. I, стр. 58) не имѣетъ значенія: Мстиславъ Ростиславичъ былъ призванъ собраніемъ изъ бояръ и простыхъ людей, т.-е. вѣчемъ, а не боярской думой.

[3]) См. Полное Собраніе Русск. Лѣт., т. I, подъ указаннымъ годомъ.

[4]) Малиновскій, Рада великаго княжества Литовскаго въ связи съ боярской думой древней Россіи, ч. I, стр. 57.

шемъ князя [1]), такъ что „старѣйшинъ града“ нельзя здѣсь разсматривать какъ думу: это просто начальники городского ополченія, тысяцкій и сотскіе. Наконецъ, въ доказательство верховнаго значенія боярской думы ссылаются на помѣщенный въ Начальномъ лѣтописномъ сводѣ разсказъ о крещеніи Владиміра: по этому разсказу, вопросъ о необходимости отправить пословъ для ознакомленія съ различными религіями рѣшенъ вѣчемъ, а принятіе христіанства по возвращеніи пословъ установлено боярской думой самостоятельно [2]). Ясно однако же, что дума въ данномъ случаѣ была простой исполнительницей вѣчевого рѣшенія, потому что вѣчемъ ранѣе опредѣлено было принять ту именно религію, которая понравится посламъ.

Все сказанное приводитъ къ тому заключенію, что о троевластіи въ кіевскій періодъ не можетъ быть и рѣчи. Существовало лишь двоевластіе вѣча и князя. Но мало сказать, что было двоевластіе; надо еще прибавить, что это двоевластіе было неорганизованнымъ, неопредѣленнымъ, непрочнымъ, что обѣ власти постоянно сталкивались, перепутывались, перебивали одна другую, не были правильно размежеваны: вѣче то предоставляло князю пользоваться властью совершенно неограниченно, какъ то было, напр., въ Кіевѣ при Владимірѣ Мономахѣ, [3]) то дѣйствовало съ повышенной энергіей, сосредоточивая въ своихъ рукахъ всѣ высшія функціи управленія, выбирая и изгоняя князей, заключая съ ними „ряды“ и т. д. Эта неорганизованность, безпорядочность характеризуется всего ярче сдѣланными уже въ литературѣ наблюденіями, что изъ 50-ти князей, занимавшихъ кіевскій столъ до нашествія татаръ, только 14 были призваны вѣчемъ [4]), и за то же время кіевское вѣче только четыре раза заключило рядъ съ князьями [5]).

Итакъ носителями верховной власти въ древнѣйшей Россіи были князь и вѣче, при чемъ это двоевластіе было неорганизованнымъ, безпорядочнымъ. Это была типичная первобытная демократія, примѣры которой легко можно встрѣтить въ первоначальной исторіи каждаго народа, древнѣйшихъ грековъ, римлянъ, германцевъ, славянъ и т. д. И вездѣ подобный политическій складъ или

---

1) Это признаетъ и самъ г. Малиновскій въ другомъ мѣстѣ (см. стр. 91 его книги).

2) Малиновскій, Рада великаго княжества Литовскаго, ч. I, стр. 57.

3) Грушевскій, Очеркъ исторіи кіевской земли, Кіевъ, 1891, стр. 133.

4) Тамъ же, стр. 308.

5) Тамъ же, стр. 309.

вѣрнѣе политическая нескладица представляла собою естественное дополненіе къ неорганизованности хозяйственной и соціальной.

II.

Что внѣшняя торговля стала играть первостепенную роль въ экономической жизни русскихъ вольныхъ городовъ XIII, XIV и XV вѣковъ, это общепризнано и въ доказательствахъ не нуждается. Не слѣдуетъ, однако, забывать, какъ нѣкоторые, что хотя внѣшняя торговля захватила не одни высшіе, но отчасти и средніе слои населенія Новгорода и Пскова, однако масса населенія имѣла лишь косвенное къ ней отношеніе, а большею частью не имѣла и совсѣмъ никакого. Ея хозяйственная энергія направлялась приблизительно равномѣрно на добывающую промышленность и сельское хозяйство [1]).

Это соотношеніе разныхъ отраслей хозяйства, во многомъ отличающихся отъ того, какое существовало въ древнѣйшей Россіи, сильно отразилось на формахъ землевладѣнія: первоначальное вольное или захватное землевладѣніе вслѣдствіе вліянія сельско-хозяйственной промышленности, главнымъ образомъ земледѣлія, сдѣлалось болѣе осѣдлымъ, превратилось въ семейную собственность на землю, при чемъ къ обширному семейному союзу мало-по-малу стали примѣшиваться чужеродцы, и образовалось такимъ образомъ землевладѣніе, такъ называемыхъ, „сябровъ“ („шабровъ“), „складниковъ“ или „сосѣдей“; приливъ капиталовъ, явившійся результатомъ внѣшней торговли и связанныхъ съ нею кредитныхъ операцій, имѣлъ слѣдствіемъ переходъ массы земель изъ рукъ простого свободнаго населенія—смердовъ—въ собственность монастырей и особенно бояръ. Утвердилось такимъ образомъ понятіе о полной собственности на землю.

Усложнились далѣе и формы хозяйства путемъ примѣси къ домашнему производству наемнаго и несвободнаго труда, а также посредствомъ развитія крестьянской аренды за натуральный оброкъ, вносимый долей урожая или опредѣленнымъ количествомъ мѣръ разнаго хлѣба. Стала менѣе экстенсивной хозяйственная техника. Наконецъ, наблюдается выдѣленіе земельной ренты и прибыли на

---

1) См. нашъ Обзоръ русской исторіи, ч. 2, вып. I, стр. 9—12.

капиталъ въ особыя вѣтви народнаго дохода, составляющія уже достояніе отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. [1]).

Естественна поэтому классовая дифференціація новгородскаго и псковскаго общества: боярство сдѣлалось классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ-банкировъ, [2]) купечество спеціализировалось на коммерческой дѣятельности. Все это не могло не отразиться и на образованіи элементовъ сословности, юридическихъ различій между соціальными группами: боярство присвоило себѣ исключительныя права занимать высшія административныя должности и черезъ посредство этого участвовать въ высшемъ правительственномъ учрежденіи; купечество черезъ выборныхъ старостъ стало руководить коммерческимъ судомъ и судомъ между русскими и иностранцами по всѣмъ дѣламъ [3]). Словомъ, и въ соціальныхъ отношеніяхъ, какъ и въ хозяйствѣ, наблюдается уже нѣкоторая болѣе или менѣе стройная организація съ замѣтно выраженнымъ перевѣсомъ аристократическихъ элементовъ. Конечно, продолжавшееся господство натуральнаго хозяйства оставляло попрежнему недифференцированной, безформенной народную массу.

Такіе же задатки организаціи, какіе наблюдается въ хозяйствѣ и устройствѣ общества вольныхъ городовъ, замѣтны и въ верховной власти и въ высшемъ управленіи, если ту и другое разсматривать съ точки зрѣнія административно-технической. На ряду съ этимъ мы видимъ, конечно, и многочисленые остатки старинной безпорядочности.

Нормативныя функціи въ области внѣшней политики, т.-е. заключеніе разныхъ договоровъ и объявленіе войны, были въ Новгородѣ и Псковѣ неотъемлемымъ достояніемъ верховной власти, — именно вѣча: достаточно взглянуть въ любой изъ договоровъ, чтобы убѣдиться въ этомъ; для примѣра укажемъ самый древній договоръ съ нѣмцами 1195 года, заключенный княземъ и „всѣми новгородцы“ [4]), и одинъ изъ позднѣйшихъ договоровъ — съ Казимиромъ IV

---

[1]) Подробности см. нашъ Обзоръ русской исторіи, часть 2-я, вып. 1-й, стр. 24—29.

[2]) Никитскій, Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, стр. 39 и слѣд.; Ключевскій, Боярская Дума, изд. 1-е, стр. 248 – 249.

[3]) Никитскій, Исторія экономич. быта В. Новгорода, стр. 21.

[4]) Владимирскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, вып. 1, изд. 2-е, Кіевъ, 1876, стр. 89.

въ 1440 году [1]). Однако здѣсь были отголоски прошлаго: новгородскіе пригороды нерѣдко присваивали себѣ право договариваться съ иностранными государями [2]).

Финансовое законодательство—установленіе налоговъ и чеканка монеты—также попреимуществу подлежало уже вѣдѣнію верховнаго учрежденія—вѣча: новгородцы на вѣчѣ назначали и раскладывали экстренные прямые сборы, тамъ же былъ данъ великому князю Василію Васильевичу «черный боръ» [3]); введеніе чеканной монеты въ Новгородѣ и Псковѣ XV вѣка произошло путемъ вѣчевыхъ рѣшеній [4]): въ 1447 г. „посадникъ и тысяцкій и весь Новгородъ уставили 5 денежниковъ и начаша переливати старыя деньги, а новыя ковати“ [5]). Однако на ряду съ этимъ и органы подчиненнаго управленія иногда законодательствуютъ въ финансовой области: такъ новые налоги установлены были княземъ-кормленщикомъ Патрикіемъ Наримунтовичемъ въ пригородахъ, ему данныхъ; контрибуціи неоднократно опредѣлялись не вѣчемъ, а военачальниками [6]) и т. д.

Заканчивая обзоръ организаціи нормативной, законодательной дѣятельности государства въ древнерусскихъ вольныхъ городскихъ общинахъ, необходимо замѣтить, что здѣсь законодательное творчество путемъ отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній было сильно стѣснено, если не исчезло совершенно: появились впервые офиціальные законодательные кодексы, исходившіе отъ вѣча; Новгородскую судную грамоту составили „бояре, и житьи люди и купцы, весь государь Великій Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ“ [7]); Псковская судная грамота составлена „всѣмъ Псковомъ на вѣчи“ [8]). Въ ней даже прямо запрещено юридическое творчество судьи помимо верховной власти,—именно сказано: „а которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ да тая строка написать“ [9]).

---

1) Акты Западной Россіи, т. I, № 39.

2) Ср., напр., Никитскій, Очеркъ внутр. исторіи Пскова.

3) Акты Археограф. Экспед., т. I, № 32.

4) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. III, стр. 109; т. IV, стр. 203; т. V, стр. 24.

5) Пол. Собр. Рус. Лѣт., томъ IV, стр. 125.

6) Это особенно бывало при усмиреніи инородцевъ и жителей сѣверныхъ владѣній Новгорода.

7) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 92.

8) Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія по исторіи русскаго права, вып. I, изд. 2, стр. 128.

9) Тамъ же, стр. 166.

Переходя къ суду, нельзя не замѣтить, что нормальнымъ порядкомъ считалось уже отправленіе суда въ первой инстанціи органами подчиненнаго управленія—княземъ и посадникомъ совмѣстно, тысяцкимъ съ купеческими старостами, владыкой, пригородскими посадниками, кончанскими и уличанскими старостами. Однако въ роли трибунала первой инстанціи выступали и органы верховнаго управленія—вѣче и боярскій совѣтъ. Такъ, судъ по политическимъ и должностнымъ преступленіямъ входилъ въ сферу непосредственной компетенціи новгородскаго вѣча [1]). Въ Псковѣ въ 1484 г. вѣче судило посадниковъ, которые „грамоту новую списали и въ ларь вложили на сѣнѣхъ съ княземъ Ярославомъ, а Псковъ того не вѣдаетъ“ [2]). Въ Псковѣ на вѣчѣ судились въ первой инстанціи и важнѣйшія уголовныя преступленія: измѣна, подлогъ, кража въ крому, конокрадство и волхвованіе [3]). Совѣтъ „господъ“, т.-е. бояръ, разбиралъ въ XIV в. дѣло объ обидахъ, нанесенныхъ нѣмцамъ въ Новгородѣ [4]). Надо прибавить, что пригородскіе посадники обладали попрежнему всею полнотою судебной власти въ своихъ областяхъ и не были обязаны обращаться къ высшимъ инстанціямъ въ опредѣленныхъ случаяхъ. Правда, существовалъ особый судъ второй инстанціи—присутствіе для „доклада во владычнѣ комнатѣ“ [5]), но отъ усмотрѣнія посадниковъ зависѣло обращеніе къ этому присутствію, а жалобы на несправедливости и обиды властей, повидимому, поступали не сюда, а въ вѣче, какъ то показываетъ приводившійся уже примѣръ жалобы пригорожанъ на Патрикія.

Такая же пестрота, смѣсь стараго съ новымъ, характерна и для устройства управленія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Правда, назначеніе должностныхъ лицъ не входило въ вѣдомство вѣча и боярскаго совѣта, это было дѣломъ князя съ посадникомъ въ ихъ совмѣстной дѣятельности [6]) Но такое положеніе не создалось въ силу понятія о томъ, что это выходитъ изъ сферы верховнаго управленія, а было вызвано приниженіемъ княжеской власти въ воль-

---

1) См. Новгородскія лѣтописи подъ 1209, 1218, 1228, 1230, 1318, 1384 годами.

2) Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, М., 1869, стр. 291.

3) Псковская судная грамота, статья 7-я.

4) Никитскій, Правительственный совѣтъ въ Великомъ Новгородѣ.

5) Акты Археогр. Комиссіи, т. I, № 92.

6) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, т. I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15.

ныхъ городахъ, гдѣ князь изъ носителя верховной власти превратился въ простой подчиненный органъ. Въ сущности назначеніе всѣхъ, даже высшихъ правителей въ областяхъ княземъ, какъ подчиненнымъ, исполнительнымъ органомъ, было несомнѣннымъ признакомъ невысокаго уровня развитія административной техники, такъ какъ высшія областныя власти обыкновенно при развитой техникѣ управленія получаютъ свои полномочія отъ обладателя верховныхъ правъ.

Отмѣченнымъ сейчасъ приниженіемъ княжеской власти въ вольныхъ городахъ объясняется и то, что сборъ налоговъ производился не органами верховнаго управленія, а княземъ и подчиненными ему лицами. Впрочемъ, и здѣсь остались слѣды непосредственнаго вмѣшательства верховной власти: иногда вѣче обязывало князя „продаяти дань своя новгородцу“ [1]), не говоря уже о томъ, что оно регулировало сроки сборовъ и количество сборщиковъ [2]).

Древнѣйшая Россія, не знавшая свободнаго гражданскаго оборота недвижимости, не ощущала ни малѣйшей потребности и въ укрѣпленіи правъ собственности на послѣднюю. Съ новыми формами землевладѣнія, вызванными къ жизни примѣсью къ добывающей промышленности земледѣлія и внѣшней торговли, родилась и подребность въ нотаріальномъ укрѣпленіи правъ. Какъ нѣчто новое, казавшееся поэтому необычнымъ, изъ ряда вонъ выходящимъ, это укрѣпленіе вызвало къ себѣ особое вниманіе верховной власти, тѣмъ болѣе, что авторитетъ подчиненныхъ органовъ стоялъ недостаточно высоко, и потому роль нотаріуса играли верховныя учрежденія — вѣче и боярскій совѣтъ. Характерны въ этомъ отношеніи слѣдующіе примѣры: св. Зосимѣ утвержденіе правъ его монастыря на землю было дано „боярами, содержащими градъ“, т.-е. боярскимъ совѣтомъ; въ XV в. тотъ же совѣтъ укрѣпилъ права на землю, принадлежавшія монастырю св. Саввы Вишерскаго [3]).

Совершенно неорганизована была, какъ и прежде, полиція безопасности и особенно полиція благосостоянія, потому что подобныя функціи государственной власти возникаютъ вообще поздно.

Здѣсь заслуживаетъ особаго вниманія новгородскійуставъ „о мостѣхъ“, относящійся къ концу XIII вѣка: верховная власть регу-

---

1) Тамъ же, № 10; ср. № 9: «За Волокъ слати новогородца, а тобѣ серебро емати».

2) Тамъ же, №№ 6, 7, 8.

3) Ключевскій, Боярская Дума древней Руси, изд. 1-е, стр. 263, 266.

при Ц.К. Р.К.П. (б.)

лируетъ въ немъ сама устройство мостовыхъ въ Новгородѣ [1]). Въ случаѣ эпидеміи и усиленной смертности заботу о погребеніи умершихъ бралъ на себя, за отсутствіемъ постоянныхъ органовъ, вѣдавшихъ это дѣло, владыка повгородскій [2]). Если что въ полицейскихъ функціяхъ и было сколько-нибудь организовано, то лишь наблюденіе за правильностью мѣръ и вѣсовъ, возложенное на архіепископа совмѣстно съ сотскими [3]).

Необходимо, наконецъ, отмѣтить, что въ Новгородѣ и Псковѣ существовали нѣкоторые зародыши раздѣленія властей: носителемъ законодательной власти являлось вѣче, законосовѣщательныя и высшія исполнительныя функціи принадлежали боярскому совѣту, высшій судъ вѣдался особыми учрежденіями: въ Псковѣ для этого существовала „господа“, состоявшая изъ князя, посадниковъ и сотскихъ [4]), а въ Новгородѣ, по Новгородской судной грамотѣ, установлено было „докладу быти во владычнѣ комнатѣ, а у докладу быти изъ конца по боярину, да по житьему, да кои люди въ судѣ сидѣли, да и приставомъ“ [5]). Выше, однако, было уже отмѣчено, что въ роли высшаго, безапелляціоннаго судилища выступали нерѣдко и вѣче и боярскій совѣтъ. Тотъ же совѣтъ, пользуясь своимъ правомъ давать совѣты вѣчу по всѣмъ дѣламъ, поступавшимъ на вѣчевую сходку непремѣнно съ совѣтскимъ заключеніемъ, на дѣлѣ часто превращался въ законодательное, рѣшающее всѣ важнѣйшія государственныя дѣла учрежденіе. Такъ, въ началѣ XV вѣка купцы жаловались, что совѣтъ не обо всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ и договорахъ доводилъ до свѣдѣнія вѣча [6]); въ 1478 г. Иванъ III заставилъ совѣтъ безъ вѣча утвердить запись, по которой Новгородъ долженъ былъ цѣловать ему крестъ [7]).

Послѣднія замѣчанія освѣщаютъ уже политическую сторону организаціи верховной власти и высшаго управленія въ вольныхъ городахъ. Они подчеркиваютъ то обстоятельство, что хотя совѣтъ юридически былъ подчиненъ вѣчу, но фактически вѣче подпадало весьма сильному его вліянію [8]). Причина этого понятна: боярство, сослов-

[1]) Русская Правда, Карамзинскій списокъ, статья 134.
[2]) Новгородскія 1 и 4 лѣтописи подъ 6738 годомъ.
[3]) Дополненія по Актамъ Историческимъ, томъ I, № 3.
[4]) Псковская судная грамота, статья 10-я.
[5]) Акты Археографической Экспедиціи, т. I, № 92.
[6]) Ключевскій, Боярская Дума древней Руси, изд. 1-е, стр. 259
[7]) Тамъ же, стр. 265.
[8]) Тамъ-же, стр. 267.

нымъ учрежденіемъ котораго является совѣтъ, сосредоточивало въ своихъ рукахъ земельный и денежный капиталъ; какъ землевладѣльцы, бояре подчиняли себѣ черныхъ людей, жившихъ въ большинствѣ на ихъ земляхъ; какъ капиталисты-банкиры, они держали въ повиновеніи купцовъ, нуждавшихся въ кредитѣ вслѣдствіе широкихъ оборотовъ внѣшней торговли.

Хорошо извѣстно и прочно установлено, что князь въ древнерусскихъ вольныхъ городахъ во всѣхъ отношеніяхъ утратилъ тѣ прерогативы, которыя давали ему прежде право на участіе въ верховной власти. Изъ обладателя этой власти, только дѣлившаго ее съ вѣчемъ, князь сдѣлался простымъ наемнымъ слугой Новгорода и Пскова. Онъ необходимъ былъ лишь въ качествѣ военачальника и сохранилъ поэтому неприкосновеннымъ изъ старины право предводительствовать надъ войскомъ, хотя и тутъ его нерѣдко сопровождалъ посадникъ. При томъ это право было скорѣе обязанностью, видомъ службы князя вольному городу, его повинностью, за исполненіе которой князь получалъ опредѣленный доходъ. По счастливому выраженію псковскаго лѣтописца XV вѣка, князь въ вольныхъ городахъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ «воеводою, княземъ кормленымъ, о которомъ было псковичамъ стояти и боронитися» [1]).

Такимъ образомъ, республиканскій характеръ политическаго строя древнерусскихъ городовъ не подлежитъ сомнѣнію. Но для полноты характеристики необходимо еще замѣтить, что государство вольныхъ городовъ было аристократическимъ и муниципальнымъ. Оно не было, правда, крѣпостнымъ государствомъ, основаннымъ на принципѣ обязанности, но принципъ права вырождался въ немъ въ начало сословной привилегіи, и при томъ фактически вся власть находилась въ рукахъ населенія державнаго города, «государя Великаго Новгорода» и «господина Пскова», и даже не всего населенія, а группы богатыхъ банкировъ, землевладѣльцевъ и купцовъ.

III.

Хозяйственный бытъ сѣверовосточной приволжской и прикской Руси въ XIII, XIV и XV вѣкахъ характеризуется, какъ извѣстно, господствомъ земледѣлія при сохраненіи натуральнаго хозяйства, обезземеленіемъ крестьянства и ростомъ княжескаго, монастырскаго,

[1]) Подробности о положеніи князя въ вольныхъ городахъ см. въ нашемъ Обзорѣ русской исторіи, часть 2-я, вып. I-й, стр. 53—61.

церковнаго, архіерейскаго и боярскаго землевладѣнія—вотчиннаго и помѣстнаго,—преобладаніемъ крестьянской аренды за натуральный оброкъ, менѣе экстенсивной, чѣмъ въ древнѣйшей Россіи, системой или техникой производства, наконецъ, замѣтнымъ выдѣленіемъ земельной ренты въ особую вѣтвь народнаго дохода, сдѣлавшуюся достояніемъ землевладѣльческаго класса [1]).

Соотвѣтственно такому сочетанію элементовъ хозяйственной жизни намѣчается два общественныхъ класса, довольно рѣзко различающихся между собою,—классъ землевладѣльцевъ и классъ безземельныхъ земледѣльцевъ-арендаторовъ. Въ свою очередь классовое расчлененіе общества вызвало къ жизни зародыши его сословнаго дѣленія. Первая сословная группа начала слагаться изъ бояръ и слугъ вольныхъ. Уже въ сферѣ гражданскихъ правъ мы наблюдаемъ въ этой общественной группѣ зародыши нѣкоторыхъ привилегій. Именно: по Двинской уставной грамотѣ конца XIV вѣка вознагражденіе за безчестье полагается «по отечеству», т.-е. по степени знатности происхожденія [2]), а по Судебнику 1479 года за рану слѣдуетъ присуждать вознагражденіе «посмотря по человѣку» [3]). Этимъ, равно какъ и зарождавшимся уже мѣстничествомъ [4]), подчеркивался, несомнѣнно, сложившійся уже до нѣкоторой степени принципъ знатности происхожденія, «великой породы», какъ говорили позднѣе. Еще важнѣе были преимущества, вытекавшія изъ имущественныхъ правъ служилыхъ людей, сросшіяся съ владѣніемъ землею: обладаніе землей—все равно на помѣстномъ или на вотчинномъ правѣ—обусловливало собою и принадлежность помѣщику или вотчиннику правъ суда надъ всѣми жителями его имѣнія и сборъ податей съ нихъ. Это засвидѣтельствовано множествомъ жалованныхъ грамотъ—несудимыхъ, тарханныхъ и льготныхъ,—которыя дошли до насъ отъ удѣльнаго періода. Болѣе 80-ти такихъ княжескихъ грамотъ, данныхъ свѣтскимъ землевладѣльцамъ, сохранились отъ XV и первой половины XVI в. [5]). Не слѣдуетъ думать, что дача жалованныхъ грамотъ князьями свидѣтельствуетъ о происхожденіи всѣхъ этихъ преимуществъ изъ княжескаго пожалованія; жалованныя грамоты только формулировали

---

[1]) См. подробности въ нашемъ Обзорѣ русской исторіи, частья 2-я, вып. I-й, стр. 122—140.

[2]) Акты Археогр. Эксп. т. I, № 13.

[3]) Акты Историческіе, т. I, № 105.

[4]) Извѣстія Академіи Наукъ по II-му отдѣленію, томъ V, стр 351.

[5]) См. большое ихъ количество въ Актахъ, изданныхъ г. Юшковымъ.

давно сложившійся и господствовавшій обычай и подтверждали, укрѣпляли права, подобно тому какъ теперь имущественныя права нуждаются въ нотаріальномъ актѣ укрѣпленія [1]). Что политическія права тогда дѣйствительно срослись съ владѣльческими, поземельными,— это видно изъ многихъ фактовъ: въ одномъ судномъ дѣлѣ XV в. встрѣчается ссылка на старину, давность, какъ основу связанныхъ съ землей судебныхъ и податныхъ привилегій [2]); видимъ свидѣтельства отдѣльныхъ грамотъ о томъ, что къ деревнѣ «изстари тянутъ» не только «хлѣбъ земляной», но и «душегубство и татьба» [3]); вотчинникъ того времени ставилъ рядомъ въ свой доходъ «татины рубли» и «хлѣбъ земляной» [4]). Наконецъ, когда на службу къ московскимъ князьямъ въ XIV в. стали поступать бывшіе великіе и удѣльные князья другихъ княжествъ, то они удержали вмѣстѣ со своими вотчинами и рядъ политическихъ правъ: они не только судили всѣхъ, кто жилъ въ ихъ вотчинахъ, и собирали съ нихъ подати и пошлины, но и выдавали несудимыя и тарханныя грамоты. И хотя привилегіи служебныхъ князей утверждались великимъ княземъ московскимъ, принимавшимъ ихъ къ себѣ на службу, но отсюда нельзя выводить происхожденіе этихъ привилегій изъ пожалованія великаго князя. Не надо только преувеличивать значеніе и объемъ податныхъ и судебныхъ привилегій того времени, почему и не слѣдуетъ говорить о «феодальныхъ отношеніяхъ» въ удѣльной Руси, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи [5]). Даже служебные князья, не говоря уже о другихъ землевладѣльцахъ, не обладали полнотой суверенныхъ правъ: монета чеканилась не ими, а удѣльными *самостоятельными* князьями, и, кромѣ того, у нихъ не было права войны, иностранныхъ сношеній, права на непремѣнное участіе въ законодательныхъ съѣздахъ и суда пэровъ, а между тѣмъ всѣ эти права составляютъ непремѣнную принадлежность феодальнаго порядка въ развитомъ, сложившемся видѣ. Феодальныхъ отношеній въ удѣльной Руси не было, были на лицо только ихъ элементы, не вышедшіе изъ первоначальной стадіи развитія.

---

1) Энгельманъ, О пріобрѣтеніи права собственности по русскому праву, стр. 28—29; Дмитріевъ, Сочиненія, томъ II, М. 1900, стр. 265—266.

2) Ѳедотовъ-Чеховскій, Акты, относящіеся до гражданской расправы, т. I, № 4.

3) Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 246.

4) Тамъ-же.

5) См. Павловъ-Сильванскій, Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси, въ «Журналѣ Мин. Народ. Просв.» за 1901 годъ.

Таковы были юридическія отличія служилыхъ людей удѣльнаго сѣверовостока Россіи отъ людей черныхъ. Нельзя, конечно, признать эти отличія настолько развитыми и сложившимися, чтобы сомкнуть обѣ эти общественныхъ группы въ опредѣленныя сословія. Сословный строй только слабо намѣчался. Эта незаконченность особенно ясно выступаетъ на видъ, если мы обратимъ вниманіе на основное юридическое сходство между обѣими группами, на личную свободу членовъ каждой изъ нихъ: бояринъ и вольный слуга обладалъ правомъ отъѣзда отъ одного князя къ другому, а черный человѣкъ столь же свободно пользовался правомъ перехода или «выхода» отъ одного землевладѣльца къ другому. Мы не останавливаемся здѣсь пока на зародышахъ новыхъ соціальныхъ отношеній, которыя начали слагаться къ концу удѣльнаго времени и знаменовали собою уже переходъ къ слѣдующему періоду.

Въ общемъ надо признать, что и хозяйство и соціальный строй проникнуты были однимъ основнымъ, вотчиннымъ принципомъ: хозяйство организовывалось хозяиномъ-вотчинникомъ земли, въ соціальныхъ отношеніяхъ главную роль играла неразлучимость политическихъ правъ съ правомъ собственности на землю. Понятно, что при такихъ условіяхъ управленіе княжествомъ разсматривалось какъ простой видъ хозяйственной дѣятельности князя, который и въ этой сферѣ старался всюду проникнуть своимъ хозяйскимъ глазомъ, стремился вникнуть во всѣ подробности подчиненнаго управленія. Такъ объясняется состояніе административной техники въ сѣверовосточной Руси XIII, XIV и XV вѣковъ. Каждая подробность, каждая частность административно-технической организаціи служитъ подтвержденіемъ этого.

И прежде всего это надо сказать о техникѣ внѣшнихъ сношеній, дипломатическихъ переговоровъ и заключенія договоровъ съ иностранными государствами. Характерно тутъ то, что даже въ XV и XVI вѣкахъ московскіе князья шагу не давали ступить самостоятельно своимъ посламъ, давали имъ инструкціи, предусматривавшія всѣ самыя мелкія подробности. Напр., въ «памяти» Тимофею Васильевичу Заболоцкому-Бражникову, посланному въ Литву въ 1533 году, значится: если о чемъ-либо спросятъ, то сказать, что ни о чемъ другомъ наказу отъ государя говорить ему не дано, а потомъ слѣдуютъ подробнѣйшія указанія на частности [1]). При томъ въ Москвѣ

[1]) Акты Западной Россіи, томъ II, № 175, стр. 227—228.

всегда устраивали такъ, чтобы всѣ важные переговоры велись не заграницей, а именно въ Москвѣ; это дѣлалось съ цѣлью предоставить возможность московскимъ боярамъ по поводу каждой мелочи обратиться къ верховной власти за указаніемъ; и этой возможностью обыкновенно пользовались очень часто [1]). Нечего и говорить о томъ, что князья XIII и XIV вѣковъ предоставляли еще меньше свободы своимъ посланцамъ. Они нерѣдко и сами вступали въ переговоры. Поѣздки князей въ Орду, конечно, вызывались далеко не всегда требованіями хановъ, но также собственнымъ стремленіемъ князей лично вести дѣла, бросить и на отношенія къ татарамъ свой хозяйскій взглядъ. Впрочемъ все-таки сравнительно съ древнѣйшей Россіей князья удѣльнаго времени рѣже выступаютъ во внѣшнихъ сношеніяхъ въ роли приличествующей подчиненнымъ органамъ, и—что главное—эти подчиненные органы не отправляютъ уже въ дѣлахъ иностранной политики, какъ то было прежде, функцій, свойственныхъ верховной власти.

Мы видѣли, что въ финансовой своей дѣятельности князь древнѣйшей Россіи исполнялъ всѣ обязанности отъ высшихъ до низшихъ, не только устанавливалъ налоги, но и самъ ихъ собиралъ, отправляясь на полюдье. Въ удѣльный періодъ полюдье исчезаетъ, князь передаетъ сборъ налоговъ подчиненнымъ органамъ и себѣ оставляетъ только нормативно-финансовую дѣятельность,—установленіе податей и повинностей, дарованіе финансовыхъ льготъ, пожалованіе земель, опредѣленіе вознагражденія должностнымъ лицамъ и т. д. Это — несомнѣнный признакъ зарождающагося выдѣленія сферы верховнаго управленія. Не слѣдуетъ однако преувеличивать такое выдѣленіе, нельзя предполагать, что оно было проведено хоть сколько-нибудь систематически, планомѣрно. Напротивъ, надо думать, что князь принималъ постоянное, ежедневное участіе въ текущихъ дѣлахъ финансоваго управленія, даже самыхъ мелкихъ, что ни одинъ расходъ не производился безъ вѣдома князя, и, вѣроятно, о всякомъ поступившемъ доходѣ ему докладывали. Вообще и въ финансахъ, какъ и въ иностранной политикѣ, верховная власть и органы высшаго управленія нерѣдко вторгались въ сферу дѣятельности чисто-исполнительной, подчиненной. Такъ отъ начала XVI вѣка до насъ дошла любопытная грамота рязанскаго великаго князя Ивана Ивановича объ отводѣ земли, пожалованной одному служилому чело-

---

1) Акты Западной Россіи, томъ II, № 175.

вѣку; оказывается, что эта грамота адресована «бояромъ нашимъ Ѳедору Ивановичю Сунбулову съ товарыщи», т.-е. боярской думѣ [1]): верховное учрежденіе здѣсь отводитъ пожалованную землю, т.-е. исполняетъ обязанность подчиненнаго органа.

Законодательства въ собственномъ смыслѣ этого слова въ XIII, XIV и въ теченіе большой части XV в. не было, и зародыши его, какими въ извѣстной степени можно считать жалованныя грамоты князей отдѣльнымъ лицамъ и указныя ихъ грамоты областнымъ властямъ, имѣли характеръ хозяйственныхъ распоряженій, не представляли собою фирмулировки общихъ юридическихъ нормъ. Въ этомъ отношеніи недалеко ушелъ впередъ и Судебникъ Ивана III, представлявшій собою исключительно кодексъ процессуальнаго права. Въ сущности удѣльный князь каждымъ своимъ правительственнымъ актомъ законодательствовалъ для даннаго отдѣльнаго случая. Исполнительная дѣятельность, свойственная органу подчиненнаго управленія, перемѣшивалась съ законодательной и, можно сказать, подавляла послѣднюю.

Та же чрезвычайная обширность функцій, тотъ же захватъ верховной властью и органами высшаго управленія въ свои руки ряда обыденныхъ дѣлъ наблюдается и въ судѣ. Можно прямо сказать, что не было такого судебнаго дѣла, по которому нельзя было бы обратиться непосредственно къ князю, въ первой инстанціи. На этотъ счетъ не существовало никакихъ не только законодательныхъ постановленій, но и обычаевъ: все зависѣло отъ удобства и отъ усмотрѣнія тянущихся. И такъ было даже въ концѣ удѣльнаго періода. Въ 1506 г. углицкій удѣльный князь Дмитрій Ивановичъ рѣшилъ поземельный споръ Троицкаго Сергіева монастыря съ Семеномъ Бородатымъ: князь самъ «обыскалъ своимъ обыскомъ» и «по тому обыску» монастырскаго посельскаго «оправилъ», а Бородатаго обвинилъ [2]). Въ 1519 г. поземельную тяжбу Спасо-Евѳиміева монастыря съ Матвѣемъ Судимантовымъ разбирали бояре въ Москвѣ (т.-е. боярская дума), «да сказали мнѣ, великому князю, и азъ велѣлъ боярамъ старцевъ Спаскаго монастыря въ тѣхъ земляхъ оправити, а Матвѣя Судимантова велѣлъ обвинити да и грамоту правую на Матвѣя въ тѣхъ земляхъ велѣлъ дати" [3]). Отъ XV вѣка сохранилось много указаній на поземельныя тяжбы, разбиравшіяся

[1]) Акты г. Юшкова, № 47.
[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 145.
[3]) Акты Историческіе, т. I, № 126.

князьями въ первой инстанціи [1]). Наряду съ этимъ однако такія же тяжбы разбирались тогда въ первый инстакціи [2]) и судьями, и писцами, составлявшими писцовыя книги [3]), и намѣстничьими тіунами [4]). Во второй половинѣ XV вѣка великій князь Иванъ III самъ разбиралъ дѣла о крестьянскомъ выходѣ отъ одного землевладѣльца къ другому [5]). Въ концѣ того же столѣтія рязанскій великій князь Иванъ Васильевичъ разбиралъ въ первой инстанціи дѣло о подговорѣ обельныхъ холоповъ къ бѣгству отъ ихъ господина. [6]) Въ 1517 г., великому князю Василію III били челомъ по цѣлому ряду дѣлъ о долгахъ и грабежахъ, и онъ самъ ихъ разбиралъ. [7]) Въ началѣ XVI вѣка, нѣкоего Иванова по дѣлу о боѣ и грабежѣ судила въ первой инстанціи боярская дума [8]). Эта путаница, сильно осложнявшая и затруднявшая дѣятельность верховной власти и высшихъ учрежденій, особенно съ усложненіемъ хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній, заставляла прибѣгать къ нѣкоторымъ поправкамъ и облегченіямъ. Иногда великіе князья передавали уже жалобы, къ нимъ обращенныя, на разсмотрѣніе областныхъ правителей, но съ непремѣнной оговоркой о представленіи разсмотрѣнныхъ дѣлъ на ихъ собственное окончательное рѣшеніе путемъ доклада. Типичнымъ въ этомъ отношеніи является наказъ великаго князя Василія Ивановича Карандушу-Свиньину о производствѣ раздѣла по межевому дѣлу: „ты-бъ... къ нимъ бы еси на ту землю ѣхалъ да того-бъ еси дозрилъ да обыскалъ, чія та земля. А о чемъ ся сопрутъ, и ты бы ихъ судилъ, а судъ свой скажи отцу моему великому князю“ [9]). Позднѣе, когда стали слагаться приказы, эта юрисдикція князя въ первой инстанціи начала мало-по-малу сокращаться, и слѣды ея сохранились только въ пустой, лишенной реальной подкладки формулѣ: „по княжу слову“. Напр., въ 1530 г.

---

[1]) См., напр., Ѳеодотъ-Чеховскій, Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Россіи, томъ I, №№ 2, 4, 10. Акты г. Юшкова, №№ 13, 104.

[2]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго, томъ I, №№ 5, 7, 15, 20, 21, 22, 23, 26, 29, 30, 34, 35, 38, 46, 47, 53, 54.

[3]) Тамъ-же, №№ 16, 19, 24, 25, 31, 51, 55, 56.

[4]) Тамъ-же, №№ 45, и 57.

[5]) Акты Археографич. Эксп., т. I, №№ 73 и 83.

[6]) Акты г. Юшкова, № 30.

[7]) Тамъ же, № 104.

[8]) Тамъ же, № 48.

[9]) Тамъ же, № 36; подобное же см. № 37.

судъ о денежномъ займѣ „судилъ дворецкой Иванъ Ивановичь Колычевъ“, «и по княжъ Андрееву слову Ивановича дворецкой ищею оправилъ, а отвѣтчика обвинилъ... А на судѣ у дворецкаго у Ивана Ивановича были дворцовой (дьякъ) Жюкъ Прокофьевъ, да Сѣрка Яковлевъ сынъ Лысцевъ, да подьячей Копыта Григорьевъ сынъ“ [1]). Но это уже — новообразованіе, переходная ступень къ позднѣйшему времени.

Далѣе, мы ошиблись бы, если бы предположили, что существовалъ какой-либо установленный порядокъ инстанцій и опредѣленный кругъ дѣлъ или извѣстныя ихъ свойства, дѣлавшія необходимой передачу рѣшенія изъ рукъ подчиненныхъ органовъ въ руки высшихъ учрежденій или князя. Это какъ нельзя лучше видно даже изъ такого поздняго памятника, какъ Судебникъ 1497 года, гдѣ прямо сказано: „а котораго жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю“ [2]) Мало того, когда судья чувствовалъ себя не въ силахъ рѣшить дѣло, затруднялся рѣшеніемъ, онъ не зналъ, къ кому собственно онъ обратится съ „докладомъ“ по дѣлу; въ этомъ отношеніи характерно одно замѣчаніе въ уцѣлѣвшемъ судномъ дѣлѣ XV вѣка: „судья рекся доложити государя великаго князя или человѣка старѣйшаго“ [3]). И дѣйствительность оправдывала подобныя колебанія: нерѣдко, обращаясь съ докладомъ къ князю, судьи оказывались лицомъ къ лицу съ другимъ должностнымъ лицомъ, которому они и докладывали дѣло. Такъ въ концѣ XV вѣка, разбирая дѣло о пожнѣ между Ферапонтовымъ и Кирилловымъ монастырями, „судьи реклись доложити великаго князя“, но, какъ видно изъ помѣты на оборотѣ, доложили Аѳанасія Курицына [4]). Лишь въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ личный судъ князя былъ обязателенъ, неизбѣженъ и не могъ быть замѣненъ судомъ другого лица. Такъ, въ первой половинѣ XV вѣка, великому князю принадлежалъ обязательный третейскій судъ въ случаѣ, если его судья и судьи удѣльнаго князя „[illegible] сопрутъ“, т.-е. не сойдутся въ рѣшеніи какихъ-либо дѣлъ и не придутъ къ соглашенію о выборѣ третейскаго судьи [5]). Привилегированные землевладѣльцы и

---

[1]) Тамъ же, № 128.
[2]) Акты, Историческое, т. I, № 105.
[3]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго, т. I, № 20.
[4]) Тамъ же, № 5, ср. № 14.
[5]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 29.

ихъ приказчики были также подсудны непосредственно князю [1]). Наконецъ, существовалъ обычай, по которому дѣла о мѣстничествѣ вѣдались также верховной властью.

Выше было уже указано, что жалованныя грамоты на землю часто обозначали собою не актъ пожалованія, а нотаріальныя укрѣпленія владѣльческихъ правъ, которыя существовали уже у землевладѣльцевъ до времени выдачи жалованной грамоты. Такой характеръ жалованныхъ грамотъ съ особенною ясностью выступаетъ въ жалованныхъ подтвердительныхъ грамотахъ, которыя часто выдавались каждымъ новымъ княземъ монастырямъ на ихъ земельныя владѣнія. При вотчинномъ характерѣ княжеской власти, при взглядѣ на правительственныя функціи, какъ на предметъ частной собственности, естественно представленіе о томъ, что со смертью стараго князя теряютъ свое значеніе его обязательства охранять чужую собственность, и новый князь долженъ выдать новое подобное обязательство. Такимъ образомъ носитель верховной власти выступалъ въ роли простого нотаріуса, бралъ на себя исполнительныя функціи простого незначительнаго подчиненнаго органа. Нотаріальное укрѣпленіе различныхъ сдѣлокъ княземъ вообще было обычнымъ явленіемъ въ удѣльной Руси. Такъ, напр., въ 1487 г. Василій Андреевъ занялъ у Ѳедора Васильевича 5 рублей, и актъ этотъ былъ „доложенъ“ рязанскому великому князю Ивану Васильевичу [2]); въ 1492 г. ему же доложили о займѣ въ 1 рубль [3]). Завѣщаніе вдовы нижегородскаго князя княгини Маріи было утверждено великимъ княземъ Иваномъ III лично, какъ видно изъ приписки, что великій князь утвердилъ этотъ документъ, „коли былъ въ Суздалѣ“. Впрочемъ къ концу удѣльнаго времени мало-помалу начинаетъ устанавливаться обычай передавать гражданскія сдѣлки для ихъ нотаріальнаго укрѣпленія какому-либо боярину, замѣнявшему здѣсь князя, такъ что начинаетъ въ данномъ случаѣ отдѣляться подчиненное управленіе отъ верховнаго. Примѣровъ много: такъ, въ 1498 г. доложили о займѣ въ 4 рубля „великаго князя Ивана Васильевича боярину Ивану Ивановичу Измайлову“ [4]); ему же въ 1500 г. сдѣланъ былъ докладъ о займѣ въ 2 рубля [5]); въ 1510 г. „доложа

---

[1]) См. всѣ жалованныя грамоты въ Актахъ Арх. Эксп. Актахъ Историч., Актахъ г. Юшкова и т. д.

[2]) Акты г. Юшкова, № 32.

[3]) Тамъ же, № 35.

[4]) Акты г. Юшкова, № 41.

[5]) Тамъ же, № 44.

великой княгини Ографены боярина Ѳедора Ивановича Сунбула", Афимья, жена Дмитрія Ѳедоровича, заняла 5 руб. подъ закладъ вотчины [1]); въ 1515 г. „доложа великаго князя Иванъ Ивановичъ боярина Ивана Дмитріевича Кобякова", Подивниковъ занялъ у Кожи 2 рубля [2]) и т. д. [3]).

Относительно порядка назначенія разнаго рода должностныхъ лицъ по управленію надо повторить то, что было сказано по этому вопросу о древнѣйшей Россіи: такого порядка въ сущности не было; предоставляя важнѣйшимъ лицамъ, служившимъ ему по управленію, дворецкому, казначею, начальникамъ дворцовыхъ „путей", намѣстникамъ, волостелямъ — выбирать себѣ въ помощники „своихъ людей" въ качествѣ тіуновъ, доводчиковъ, праветчиковъ, пошлинниковъ, приставовъ, князь удѣльнаго времени сплошь и рядомъ не только въ областяхъ, находившихся подъ непосредственнымъ его вѣдѣніемъ, держалъ и назначалъ самъ такихъ же „своихъ людей", но и производилъ назначеніе на всѣ должности высшія и низшія во всѣхъ областяхъ, назначалъ намѣстниковъ, [4]) волостелей, [5]) „разъѣщиковъ" (т.-е. межевщиковъ) [6]), сборщиковъ разныхъ податей и пошлинъ [7]).

Чтобы закончить характеристику административно-технической стороны верховнаго управленія въ удѣльной сѣверовосточной Руси, остается отмѣтить взаимоотношеніе между княземъ и боярской думой того времени. Никто не оспариваетъ того, что дума имѣла лишь совѣщательный, а не рѣшающій голосъ. Что касается состава думы, то въ этомъ отношеніи существуютъ нѣкоторыя разногласія: одни изслѣдователи полагаютъ, что удѣльная дума состояла по преимуществу изъ княжескихъ приказчиковъ, завѣдовавшихъ казной, дворцомъ и разными дворцовыми „путями" [8]); по мнѣнію другихъ, составъ думы былъ вообще неопредѣленный, мѣнялся по усмотрѣнію князя [9]). Надо замѣтить, что, конечно, мелкій удѣльный князь, политическій кругозоръ котораго былъ очень узокъ именно вслѣдствіе ничтожныхъ размѣровъ его княжества, ни къ кому другому не могъ

---

1) Тамъ же, № 77.
2) Тамъ же, № 93.
3) Тамъ же, №№ 78, 90, 94, 98, 101, 102, 103, 106, 107.
4) См., напр., акты г. Юшкова, № 105.
5) Акты г. Юшкова, №№ 56, 59, 60, 61, 63, 64, 72, 74, 82 и др.
6) Тамъ же, № 86.
7) Тамъ же, №№ 73, 85, 135.
8) Ключевскій, Боярская дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 128—129.
9) Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности, томъ II, вып. I.

обращаться, какъ именно къ своимъ ближайшимъ помощникамъ по дворцовому хозяйству. Но по мѣрѣ собиранія Руси являлась нужда и въ совѣтахъ другихъ лицъ. Общая черта, объединяющая эти два момента въ исторіи думы удѣльнаго періода, состоитъ въ томъ, что все время постояннаго, неизмѣннаго числа совѣтниковъ не было; совѣщанія князя съ думой слагались по типу не постоянной функціи, а временнаго личнаго со стороны князя порученія отдѣльнымъ лицамъ принять участіе въ дачѣ совѣтовъ по дѣламъ управленія. Это принципіально не отличается отъ совѣтовъ „самъ третей у постели“ при Василіи III. Такимъ образомъ, и здѣсь точка зрѣнія князя-хозяина оставалась проведенной до конца.

Послѣдній выводъ равно какъ и другія наблюденія, выше изложенныя, позволяютъ намъ, наконецъ, характеризовать удѣльное княжество и съ политической стороны: это было типическое вотчинное государство, въ которомъ верховная власть не только принципіально, но и фактически не отдѣлялась отъ землевладѣнія, носитель верховной власти былъ таковымъ именно по той причинѣ, что онъ обладалъ землей, верховныя права являлись не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ хозяйственныхъ аттрибутовъ земельнаго владѣнія, въ родѣ отдѣльныхъ земельныхъ угодій.

IV.

Исторія сѣверовосточной удѣльной Руси и въ частности исторія въ ней верховной власти и высшаго управленія находитъ во многомъ поучительную параллель себѣ въ соотвѣтствующихъ и при томъ одновременныхъ явленіяхъ жизни Руси западной.

Хозяйственное положеніе западной Руси въ XIII, XIV и XV вѣкахъ характеризуется такъ же, какъ и положеніе удѣльнаго сѣверовостока, преобладаніемъ земледѣлія. Уже въ XIII вѣкѣ въ Берестейской землѣ дань князю вносилась отчасти продуктами земледѣлія и скотоводства [1]). Въ актахъ XV вѣка постоянно встрѣчаются „земли пашныя“, „сѣножати“, луга, выгоны, иногда и „хмѣлища“. Мало того: пашня обыкновенно выдвигается на первый планъ, и нерѣдки случаи, когда вся хозяйственная цѣнность имѣнія покоится на пахотныхъ и сѣнныхъ угодьяхъ [2]). Въ „книгѣ данинъ“ великаго князя

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 521.

[2]) Акты Зап. Рос., томъ I, №№ 26, 30, 84, 1, 168, 171, 178; Леонтовичъ, Акты Литовской Метрики, т. I, вып. I, №№ 474, 503, 520, 525, 538,

Казимира упоминается между прочимъ „пшеничная земля“ [1]). т.-е. такая, съ которой владѣлецъ получалъ отъ крестьянъ пшеницу,—несомнѣнное свидѣтельство о развитіи земледѣлія. Еще съ конца XIV вѣка въ собственной Литвѣ стала собираться новая денежная подать—серебщина, и замѣчательно, что она собиралась съ сохи [2]), т.-е. окладная единица пріобрѣла чисто-земледѣльческій характеръ. Въ 1496 г. „великій князь казалъ Высокодворцамъ, ходити на работу, орати на паренину два дни, а на яръ бороновати день, жита жати два дни, а яръ жати два дни“ [3]): здѣсь чисто-земледѣльческая организація работъ. Въ 1497 г. въ Лидскомъ повѣтѣ „дякло“, т.-е. дань землевладѣльцу, платилось почти исключительно хлѣбомъ, житомъ и овсомъ [4]). Исключеніе представляетъ только часть югозападной Руси, гдѣ добывающая промышленность оставалась господствующей [5]).

Существеннымъ отличіемъ отъ сѣверовостока являлся только болѣе быстрый темпъ хозяйственнаго развитія, скорѣе приближавшій западную Русь къ періоду денежнаго хозяйства [6]). Понятно, что при такихъ условіяхъ въ формахъ землевладѣнія и хозяйства и въ хозяйственной техникѣ наблюдаются въ западной Руси также знакомыя уже намъ явленія, только быстрѣе приближающіяся къ порядкамъ, свойственнымъ болѣе позднему времени; обезземеленіе крестьянства сопровождалось установленіемъ вотчины и помѣстья, при чемъ послѣднее быстро стало сближаться съ вотчиной путемъ распространенія „выслуги“, называвшейся также „даниной на вѣчность“ или „вѣчистой даниной“, которая, будучи по происхожденію своему временнымъ и условнымъ владѣніемъ, обыкновенно отчуждалась и передавалась по наслѣдству съ согласія великаго князя [7]); господство аренды за натуральный оброкъ осложнялось уже особенно къ концу періода

543, 558 и др.; Давнаръ-Запольскій, Акты Литовско-русскаго государства, №№ 22, 23, 48, 63 и др.

[1]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, № 1.

[2]) Давнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, томъ I, Кіевъ, 1901, стр. 717 и сл.

[3]) Леонтовичъ, Акты Лит. Метрики, т. I, вып. I, № 276.

[4]) Довнаръ-Запольскій, Акты Литовско-русскаго государства, № 58.

[5]) См., напр., Акты Зап. Рос., т. I, № 161; Довнаръ-Запольскій, Госуд. хоз., стр. 224; Ясинскій, Уставныя земскія грамоты Лит. государ., стр. 158 и т. д.

[6]) См. подробности въ Обзорѣ рус. исторіи, ч. 2-я, вып. 2 й, стр. 10—18.

[7]) Обзоръ русской исторіи, ч. 2-я, вып. 2-й, стр. 21—24.

примѣсью барской запашки и барщины [1]); наконецъ, къ переложной системѣ все болѣе стало примѣшиваться трехполье [2]).

Параллельно всему этому появилось классовое расчлененіе общества на землевладѣльцевъ, безземельныхъ земледѣльцевъ и къ концу періода—городскихъ торговцевъ и ремесленниковъ. Такъ какъ въ хозяйственной области къ старымъ натурально-хозяйственнымъ порядкамъ примѣшивались все сильнѣе элементы денежнаго хозяйства, то естественно, что довольно рѣзко, рѣзче, чѣмъ на сѣверовостокѣ, обособились сословія, особенно служилое и крестьянское. Паны и шляхта стали обладать весьма значительными привилегіями, во всей своей полнотѣ свойственными высшему слою дворянства: личнымъ наказаніямъ и конфискаціи имущества ихъ можно было подвергать не иначе, какъ по суду и на основаніи закона; суду подчиненныхъ властей дворянство подлежало только по нѣкоторымъ дѣламъ, какъ насильственное нападеніе, насиліе надъ женщиной, пораненіе шляхтича, разбой; по прочимъ дѣламъ они только собирали данныя и разбирали дѣло, приговоръ же постановлялся господаремъ съ радой. Затѣмъ, служилые люди имѣли право судить и брать поборы въ свою пользу съ крестьянъ и всѣхъ вообще лицъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. Наконецъ, западнорусское дворянство пріобрѣло также и важныя корпоративныя права, именно право собираться на сеймы, занимать высшія должности или „вряды“, избирать господаря и посредствомъ мѣстныхъ дворянскихъ „соймовъ“ принимать дѣятельное участіе въ областной администраціи и судѣ [3]).

Крестьяне въ западной Руси были первоначально свободны, свободно переходили отъ одного землевладѣльца къ другому. При уходѣ они должны были только уплатить „сходельное“ и въ случаѣ полученія пособія („рукоема“) проценты на это пособіе—„остатнее“. Но уже вліяніе земледѣлія, требовавшаго капитала, приводило, какъ и на сѣверовостокѣ, къ задолженности крестьянъ землевладѣльцамъ, а зарождавшіеся элементы денежнаго хозяйства обострили потребность крестьянъ въ капиталѣ, увеличили тѣмъ задолженность и вмѣстѣ вызвали потребность въ постоянномъ контингентѣ рабочихъ, которые

---

[1]) Тамъ же, стр. 24—25.

[2]) Тамъ же, стр. 25—26.

[3]) Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства, стр. 861—878; Лаппо, Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія, стр. 515—556; Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, стр. 428—508.

регулярно отправляли бы барщину на постепенно увеличивавшейся барской запашкѣ. Такимъ образомъ, значительная масса задолжавшихъ и обязанныхъ барщиной крестьянъ надолго, часто на всю жизнь и даже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ связывалась съ опредѣленными землевладѣльцами. Давность этой связи послужила юридическимъ основаніемъ для первыхъ элементовъ крѣпостного права. Уже въ удѣльное время наблюдаются такимъ образомъ „отчичи", „люди засядлые" или „засѣдѣлые", „непохожіе". Первая форма прикрѣпленія носила условный характеръ: крестьянинъ могъ уйти, но подъ условіемъ оставить на свое мѣсто другого. Но уже въ 1457 г. сдѣланъ былъ второй шагъ: было запрещено принимать въ господарскія волости изъ частновладѣльческихъ имѣній всѣхъ людей „данныхъ, извѣчныхъ, селянитыхъ", и тѣмъ былъ проведенъ законодательнымъ путемъ принципъ прикрѣпленія на основѣ давности [1]).

Такимъ образомъ экономическій бытъ и соціальный строй западной Руси отличались уже не чисто-вотчиннымъ характеромъ, свойственнымъ эпохѣ натуральнаго хозяйства при господствѣ земледѣлія: развитіе шло дальше, къ денежному хозяйству и связанному съ первой ступенью его развитія сословному строю.

Обращаясь къ изученію техники высшаго управленія въ Литовско-русскомъ государствѣ и останавливая прежде всего вниманіе на техникѣ законодательства, необходимо отмѣтить, что поскольку дѣятельность господаря въ области созданія юридическихъ нормъ не выходила изъ рамокъ вотчиннаго управленія, она была на практикѣ единоличной, и если и призывались совѣтники, то этотъ призывъ не отличался систематичностью и постоянствомъ. Технически онъ не былъ всегда необходимъ: князь-хозяинъ въ несложныхъ случаяхъ не нуждался въ помощникахъ. Однако, новыя хозяйственныя и соціальныя условія давали себя чувствовать особенно къ концу періода и призвали къ дѣятельному участію въ законодательной дѣятельности раду, совѣтъ великаго князя литовскаго и русскаго. Такъ съ участіемъ совѣта составлялись и утверждались общеземскіе привилеи [2]), устав-

---

[1]) См. Леонтовичъ, Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI ст. въ «Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» за 1863 годъ; Новицкій, Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи; Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго гос., стр. 373 и сл.

[2]) См. напр., Леонтовичъ. Акты Лит. Метрики, т. I, вып. I, №№ 1, 6 и др.; Акты Зап. Рос., т. I, № 61 и др.

ныя земскія грамоты [1]), грамоты на магдебургское право [2]). Одинъ разъ мы встрѣчаемся даже съ законодательной дѣятельностью сейма, раньше занимавшагося только вопросомъ объ избраніи господаря и внѣшней политикой [3]): въ 1468 году великій князь Казимиръ „урядилъ“ свой Судебникъ „съ князьями и паны-радою нашею великаго княжества Литовскаго и со всимъ поспольствомъ согадавши“ [4]).

Наши источники содержатъ много фактовъ, доказывающихъ, что даже къ концу удѣльнаго времени къ господарю стекались не только въ высшей инстанціи, но и въ первой, самыя разнообразныя, нерѣдко ничтожныя судебныя дѣла. Сюда относились поземельныя тяжбы и споры о межахъ. Вотъ типическіе примѣры, взятые изъ цѣлаго ряда другихъ: въ 1488 г. поземельная тяжба была разобрана и рѣшена великимъ княземъ Казимиромъ [5]); въ 1492 г. подобное же дѣло разсмотрѣлъ и рѣшилъ великій князь Александръ [6]). Дѣла о холопствѣ также часто направлялись къ господарю, какъ къ судьѣ первой инстанціи: факты относятся, напр., къ 1494 [7]), 1495 [8]), 1496 [9]), 1497 [10]), 1498 [11]) годамъ и т. д. Споры о долгахъ и вообще денежныя тяжбы великій князь тоже нерѣдко судилъ, какъ обыкновенный судья: таковы дѣла 1494 [12]), 1496 [13]), 1497 [14]) и др. годовъ. Сюда относились также дѣла о грабежахъ [15]). Споры о безчестьи нерѣдко разбиралъ въ первой инстанціи самъ великій князь: напр., въ 1496 г. это сдѣлалъ Александръ по дѣлу о родовой чести между смоленскими боярами Плешкинымъ и Олтуфьевымъ, изъ которыхъ первый назвалъ

---

[1]) Ясинскій, Уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства, стр. 196—199.

[2]) См., напр., Давнаръ-Запольскій, Акты Литовско-русскаго государства, №№ 1 3, 7, 8, 59 и др.

[3]) Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, стр. 28, 29, 35, 65, 111, 119, 120, 123, 125, 130, 133, 134, 137, 142.

[4]) Акты Зап. Россіи, т. I, № 67.

[5]) *Леонтовичъ*, Акты Литовской Метрики, томъ I, вып. 1-й, № 56.

[6]) Тамъ же, № 69.

[7]) Тамъ же, № 94.

[8]) Тамъ же, № 172.

[9]) Тамъ же, № 319.

[10]) Тамъ же, № 345.

[11]) Тамъ же, № 366.

[12]) Тамъ же, № 89.

[13]) Тамъ же, № 278.

[14]) Тамъ же, №№ 351, 416.

[15]) Тамъ же, №№ 220, 255.

второго «коробейникомъ, купцомъ» [1]). Наконецъ, то же надо повторить о дѣлахъ, касающихся незаконныхъ поборовъ, производимыхъ должностными лицами: такъ было, напр., въ 1496 г., когда жмудскій тивунъ неправильно потребовалъ съ шляхтича дякла [2]). Вторженіе органовъ верховнаго управленія въ сферу дѣйствія подчиненныхъ властей по тѣмъ же самымъ судебнымъ дѣламъ подтверждается многочисленными фактами, устанавливающими участіе рады въ господарскомъ судѣ: нерѣдко великіе князья вмѣстѣ съ радой судили въ первой инстанціи поземельныя и межевыя дѣла [3]), дѣла о холопствѣ [4]), долгахъ [5]) и т. д. Эти данныя важны для насъ еще въ томъ отношеніи, что намѣчаютъ процессъ, уже извѣстный намъ изъ наблюденій надъ техникой законодательной работы: великій князь постепенно все болѣе склонялся къ рѣшенію различныхъ тяжбъ не единоличною своею властью, а посредствомъ совмѣстной работы съ радой, которая такимъ образомъ пріобрѣтала значеніе все болѣе важнаго колеса въ государственной машинѣ.

Широко развита была въ западной Руси XIII, XIV и XV вѣковъ и нотаріальная дѣятельность господаря; онъ укрѣплялъ всевозможные акты гражданскаго права: купли-продажи [6]), наслѣдованія [7]), мѣны [8]). При этомъ и здѣсь нерѣдко рада принимала участіе въ господарскихъ дѣйствіяхъ [9]).

Далѣе: всѣ финансовыя дѣла доходили до великаго князя. Ему представлялись всѣ данныя и отчеты о доходахъ и расходахъ казны, напр., король Казимиръ «брал личбу з мытниковъ киевскихъ и путивльскихъ» [10]); въ 1495 г. «ключникъ берестейский господару личбу делал з восковых грошей» [11]); въ 1497 г. «въ Берестьи, какъ тыми разы былъ господаръ его милость, дек. 22 ден, дѣлал его милость личбу с ключником берестейским Левкомъ Боговитиновичемъ и з Немирею, што

---

1) Тамъ же, № 330.
2) Тамъ же, № 236.
3) Тамъ же, №№ 145, 151, 157, 161 и др.
4) Тамъ же, № 472 и др.
5) Тамъ же, № 416 и др.
6) Тамъ же, №№ 198, 208, 210, 219 и др.
7) Тамъ же, № 220 и др.
8) Тамъ же, № 216 и др.
9) Тамъ же, № 340 и др.
10) *Довнаръ-Запольскій*, Акты Литовско-русскаго государства, стр. 49.
11) Тамъ же, № 26.

держали от его милости мыто берестейское к верной руце» [3]); въ 1499 г. «бралъ его милость личбу у мытников путивльских в Городне» [4]); въ томъ же году «панъ Литавор Хребътовичъ, маршалокъ, наместникъ новгородский и слонимъский, выдалъ господару его милости великому князю личбу з минцы» [5]). Впрочемъ, иногда господарь поручалъ это дѣло кому-либо изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, напр., въ 1496 г. «господаръ его милость великий князь Александро казалъ личбу вделати маршалку его милости пану Григорю Станьковичу Остиковича а мне писару его милости Ивашку Владыце в мытъниковъ менскихъ въ Евлашка а у Ѳедора з мыта менскаго» [6]). Это уже несомнѣнное начало выдѣленія разсматриваемой функціи изъ непосредственнаго вѣдѣнія верховной власти въ вѣдѣніе подчиненныхъ органовъ; не удивительно поэтому, что встрѣчаются случаи пріема отчетовъ подчиненными властями безъ спеціальнаго порученія отъ господаря: въ 1494 г. «панъ Андрей подскарбий а Ивашка Владыка писар брали личбу у ключника киевскаго у Сенька Полозовича а в Самоделчина сына» [7]); въ 1497 г. «панъ Литавор маршалокъ а Ѳедко писаръ брали личбу в ключника киевского в Сенька Полозовича и в мытниковъ киевских в Санка и в Цибули» [8]).

Повидимому, далѣе, сборъ податей производился по спеціальному всякій разъ распоряженію великаго князя, а съ другой стороны ни одинъ даже и незначительный расходъ нельзя было произвести, не испросивъ его разрѣшенія. Это видно, напр., изъ приходо-расходной записи писаря господарскаго Ивашки Яцковича въ 1496 году [9]), гдѣ сказано между прочимъ: «его милость велелъ ми в Берштахъ дань побрати на людехъ на волостныхъ Задвинъскихъ волостей», а затѣмъ: «а тивунщины 3 рубли отдал есми Мити Ремейковичу, бо господаръ велел ему отдати».

Раздача мытъ въ аренду и дача разрѣшеній на устройство торжковъ и ярмарокъ производились также верховной властью [10]), часто съ участіемъ рады [11]).

---

[3]) Тамъ же, № 52.
[4]) Тамъ же, № 60.
[5]) Тамъ же, № 67.
[6]) Тамъ же, № 49.
[7]) Тамъ же, № 26, стр. 59.
[8]) Тамъ же, № 54.
[9]) Тамъ же, № 38.
[10]) *Леонтовичъ*, Акты Лит. Метр., №№ 179, 180, 195, 197, 201 и др.
[11]) Тамъ же, № 378 и др.

Понятно, почему въ финансовой области великіе князья литовскіе такъ ревниво относились къ каждой мелочи, старались не упустить ея изъ своихъ рукъ: здѣсь, на матеріальныхъ интересахъ, особенно сильно отражались вотчинныя начала.

Надо, наконецъ, замѣтить, что господарь самъ непосредственно назначалъ разныхъ должностныхъ лицъ, безъ различія ранговъ: намѣстниковъ [1]), старостъ [2]), волостелей [3]) и т. д. И здѣсь вліяніе шляхетскаго сословія сказывалось, однако, уже сильно: въ областныхъ привилеяхъ (Витебскомъ, Полоцкомъ, Жмудскомъ) господарь обязуется: «такожъ имъ намъ давати воеводу постарому, по ихъ воли; а который имъ будетъ нелюбъ воевода, а обмовятъ его передъ нами, ино намъ воеводу имъ иного дати, по ихъ воли» [4]).

Предшествующее изложеніе даетъ намъ возможность характеризовать Литовско-русское государство XIII, XIV и XV вѣковъ и съ политической стороны.

Политическое значеніе великокняжеской власти до 1492 года было такъ же велико, какъ широкъ былъ кругъ дѣлъ, выполняемыхъ непосредственнымъ, личнымъ дѣйствіемъ господаря: великій князь былъ юридически неограниченнымъ собственникомъ всего государства и политическая роль рады и сейма была незначительна, ограничивалась подачей великому князю совѣтовъ, не связывавшихъ его воли. Такія отношенія и понятія являлись отраженіемъ вотчиннаго принципа, проникавшагося удѣльный строй во всѣхъ отношеніяхъ. Мы, однако, сильно ошиблись бы, если бы признали эту характеристику полной. Новые хозяйственные, соціальные и административно-техническіе порядки могущественнымъ образомъ воздѣйствовали на политическую сторону верховнаго управленія и видоизмѣняли реальное соотношеніе силъ въ этой области. Это особенно замѣтно потому, что въ XIV и XV вѣкахъ на первый планъ выступаютъ областныя привилегіи или уставныя грамоты, съ одной стороны, и сословные привилеи—общеземскіе или земскіе (т.-е. шляхетскіе) и мѣщанскіе (на магдебургское право), съ другой. Эти два вида привилеевъ—областные и сословные—вызвали своимъ появленіемъ и развитіемъ большой споръ

---

[1]) *Довнаръ Запольскій*, Акты Литовско-русскаго государства, № 16.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 48.

[4]) *Ясинскій*, Уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства, стр. 118—119.

въ спеціальной литературѣ: одни изслѣдователи, придавая первостепенное значеніе областнымъ привилеямъ, утверждаютъ, что Литовско-русское государство отличалось федеративнымъ характеромъ [1]), другіе, съ удареніемъ отмѣчая сословные привилеи, склонны признавать въ этомъ государствѣ преобладаніе территоріально-сословнаго типа [2]). Нельзя не признать, что федераціей въ строгомъ юридическомъ смыслѣ Литовско-русское государство названо быть не можетъ: политическая особность была не менѣе свойственна и отдѣльнымъ частямъ удѣльнаго сѣверо-востока; кромѣ того, федерація немыслима безъ органическаго закона, связующаго союзныя государства; наконецъ, уставныя грамоты или областные привилеи съ юридической точки зрѣнія являются не договорами великаго князя съ населеніемъ, а односторонними актами великокняжескаго пожалованія. Точнѣе будетъ признать поэтому Литовско-русское государство уніей отдѣльныхъ литовскихъ и западно-русскихъ земель и притомъ уніей не личной, а реальной [3]), потому что удѣльные князья, потомъ намѣстники и воеводы, вошли въ составъ господарской рады. Что касается сословныхъ привилеевъ, то они формировали извѣстнымъ образомъ соціальный строй, но отсюда еще далеко до вывода изъ одной ихъ наличности особаго понятія о субъектѣ власти. Другое дѣло ихъ содержаніе: несомнѣнно, что послѣдній изъ земскихъ привилеевъ удѣльнаго періода—привилей Александра 1492 г., обязавшій великаго князя безъ рады не посылать пословъ, не отнимать должностей, не раздавать въ держанье пограничныхъ замковъ, не производить государственныхъ расходовъ и не судить [4]), установилъ, что субъектомъ, носителемъ верховной власти, является не одинъ господарь, но и шляхетскій «народъ», дворянство. Этимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сглажены были областныя различія, и унія превращена была изъ реальной въ полную. Таковъ былъ конечный результатъ политическаго развитія Литвы и западной Руси въ удѣльное время.

---

[1]) *Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства, стр. 2 и сл.

[2]) *Леонтовичъ*, Сословный типъ территоріально-административнаго состава Литовскаго государства и его причины,—въ «Журн. Мин. Нар. Просв.»

[3]) Ср. *Bluntschli*, Allgemeines Staatsrecht, zweite Auflage, erster Band, München, 1854, S. 210—211.

[4]) *Любавскій*, Литовско-русскій сеймъ, стр. 136.

V.

Мы видѣли, что политическая сторона верховной власти и высшаго управленія въ Россіи до конца XV вѣка, являясь органически связанной съ административной техникой, вмѣстѣ съ этой послѣдней представляла собою естественное дополненіе къ тѣмъ экономическимъ и соціальнымъ отношеніямъ, которыя свойственны были изслѣдованнымъ періодамъ исторической жизни русскаго народа. Такимъ образомъ методологическая точка зрѣнія, намѣченная въ предисловіи, получаетъ свое оправданіе и должна быть сохранена въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи. Но, кромѣ того, предшествующее изложеніе приводитъ къ нѣсколькимъ общимъ выводамъ по существу изучаемаго вопроса. Выводы эти можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

1. Въ древнѣйшей Россіи—до XII в., при полной неорганизованности хозяйства и общества, выражавшейся въ господствѣ добывающей промышленности при натуральномъ хозяйствѣ, въ преобладаніи вольнаго землепользованія, домашней формы хозяйства, экстенсивной техники производства, въ отсутствіи классовъ и сословій, верховная власть и высшее управленіе и технически и политически были также безформенны: государство того времени было неорганизованнымъ двоевластіемъ вѣча и князя.

2. Съ XIII по XV вѣкъ наблюдается три типа общественнаго развитія: одинъ представленъ вольными городами—Новгородомъ и Псковомъ, другой сѣверовосточной Русью—Владимірской, потомъ Московской, третій Русью западной—Литовской.

Въ вольныхъ городахъ, при преобладаніи внѣшней торговли въ высшихъ слояхъ общества и равновѣсіи добывающей промышленности и сельскаго хозяйства въ народныхъ массахъ, сопровождавшемся переходомъ земли въ руки боярства, развитіемъ аренды за оброкъ натурой, менѣе экстенсивной техникой, началомъ классоваго и сословнаго расчлененія общества, начинаетъ организоваться и верховная власть и высшее управленіе: къ сферѣ послѣдняго относится, хотя еще не всецѣло, нормативная, законодательная дѣятельность государства, судъ, главнымъ образомъ въ высшей инстанціи, но довольно еще часто и въ инстанціи низшей, вмѣшательство во многія, еще не вполнѣ переданныя подчиненнымъ оргинамъ дѣла текущаго управленія; съ политической точки зрѣнія государство здѣсь является аристократической муниципальной республикой.

3. Въ сѣверовосточной Руси XIII, XIV и XV вѣковъ господство земледѣлія при сохраненіи натуральнаго хозяйства, служилаго землевладѣнія—вотчиннаго и помѣстнаго,—натуральной аренды, менѣе экстенсивной, чѣмъ въ древнѣйшей Россіи, техники и зарожденіе дѣленія на классы и сословія сопровождались выдѣленіемъ въ исключительное вѣдѣніе верховной власти нормативныхъ функцій государственнаго союза при постоянномъ вмѣшательствѣ ея во всѣ самыя мелкія судебныя и административныя дѣла; съ политической точки зрѣнія это было типическое вотчинное государство, въ которомъ государственныя функціи разсматривались какъ простые хозяйственные аттрибуты земельнаго владѣнія.

4. Западная Русь характеризовалась преобладаніемъ земледѣлія при весьма быстромъ темпѣ экономическаго развитія, приближавшемъ страну къ періоду денежнаго хозяйства, развитіемъ помѣстья и особенно вотчины, натуральной аренды съ примѣсью барщины, распространеніемъ переложной и трехпольной системъ земледѣлія, довольно рѣзкимъ классовымъ дѣленіемъ и обособленіемъ отдѣльныхъ сословій; параллельно этому въ законодательствѣ, судѣ и разныхъ отрасляхъ управленія мы видимъ постепенную смѣну единоличной дѣятельности князя-вотчинника его совмѣстной работой съ коллегіальными учрежденіями—радой и сеймомъ,—отражавшими господство опредѣленнаго класса—дворянства, и широкое вмѣшательство органовъ верховнаго управленія въ функціи подчиненныхъ органовъ; Литовско-русское государство было реальной уніей литовскихъ и западнорусскихъ земель, развивавшейся въ направленіи ослабленія власти великаго князя и уничтоженія особеностей разныхъ областей въ пользу образованія унитарнаго государства съ ограниченіемъ власти государя дворянскими представительными учрежденіями.

Ясно, такимъ образомъ, что самодержавія въ Россіи до XVI вѣка не существовало: его появленію не содѣйствовали ни хозяйственный бытъ, ни соціальныя условія, ни административная техника.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основыя черты хозяйства и соціальнаго строя въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII вѣка.

I.

Никто не оспариваетъ и не будетъ оспаривать того, что одной изъ основныхъ чертъ народнаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII вѣка является первенствующая роль сельскаго хозяйства, въ частности земледѣлія. Это положеніе настолько общепринято, что совершенно не нуждается въ доказательствахъ.

Въ другой работѣ [1]) пишущій эти строки доказывалъ, что вторая половина XVI вѣка въ исторіи Россіи была временемъ, когда въ нѣдрахъ натуральнаго хозяйства стало зарождаться хозяйство денежное, основанное на товарномъ обращеніи. Эта черта хозяйственнаго быта Московской Руси не менѣе, если не болѣе, важна, чѣмъ господство земледѣлія, и такъ какъ столь общепринятой, какъ послѣднее, ее считать нельзя, то необходимо сейчасъ въ сжатомъ видѣ повторить главныя, наблюденія подтверждающія фактъ зарожденія, первоначальнаго развитія денежнаго хозяйства въ изучаемое время.

Денежное хозяйство въ строгомъ смыслѣ слова это—такое хозяйство, когда каждый отдѣльный производитель въ странѣ вовлеченъ въ торговый оборотъ, когда каждый съ продуктомъ своего труда является на рынокъ, отчуждаетъ этотъ продуктъ въ видѣ товара, т.-е. превращаетъ его въ деньги , съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь эти деньги посредствомъ той же операціи товарнаго обмѣна превратить въ предметы собственнаго потребленія. Если понимать денежное хозяйство въ такомъ строгомъ, исключительномъ смыслѣ, то придется признать, что денежное хозяйство у насъ въ Россіи мѣстами еще и теперь не существуетъ или существуетъ не вполнѣ, потому что товарное обращеніе захватило еще не всѣхъ безъ исключенія производителей хозяйственныхъ благъ въ Россіи и многихъ изъ тѣхъ, кто даже подвергся этой участи, захватило не цѣликомъ, не заставило ихъ работать всецѣло для рынка.

Но для всякаго ясно, что Россіи страна денежнаго хозяйства, несмотря на эти ограниченія. Ясно и то, что она пріобрѣла эту эко-

---

[1]) Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в , стр. 271—290.

номическую особенность не вчера, что денежное хозяйство въ Россіи развивалось путемъ длинной эволюціи, охватывающей не одно столѣтіе. Чтобы правильно опредѣлить ходъ этой эволюціи, ея отдѣльныя стадіи или ступени, необходимо придасть термину „денежное хозяйство“ извѣстную растяжимость, эластичность. Денежнымъ съ этой точки зрѣнія надо признать не только такое хозяйство, при которомъ всѣ производители превращаютъ цѣликомъ весь свой продуктъ въ товаръ, но и такое, когда товарное обращеніе начинаетъ проникать въ глубины народной жизни, когда оно захватываетъ уже не одни высшіе классы, а отчасти и низшіе. Такъ именно надо характеризовать первую ступень развитія денежнаго хозяйства, на которую Россія поднялись въ XVI и XVII вѣкахъ.

Доказательства того, что вторая половина XVI вѣка была временемъ зарожденія денежнаго хозяйства, дѣлавшаго первые робкіе шаги впередъ въ XVII столѣтіи,—довольно многочисленны и разнообразны. Прежде всего у насъ нѣтъ недостатка въ прямыхъ свидѣтельствахъ объ оживленіи въ это время внѣшнихъ и внутреннихъ мѣновыхъ сношеній. Новгородъ продолжалъ быть важнымъ пунктомъ внѣшней торговли Россіи. Въ 50-хъ годахъ XVI вѣка завязываются постоянныя и при томъ очень важныя торговыя сношенія съ Англіей черезъ Бѣлое море, и такимъ образомъ на сѣверѣ, въ Холмогорахъ, потомъ въ Архангельскѣ и другихъ городахъ, лежавшихъ на пути къ Москвѣ, образовались новые рынки для внѣшней торговли, не уступавшіе Новгороду, скоро даже превзошедшіе его по своему значенію. Можно наблюдать довольно сильное торговое оживленіе цѣлаго ряда городовъ, лежавшихъ на дорогѣ съ сѣвера въ центръ, особенно Вологды, Ярославля и самой столицы государства—Москвы. О ростѣ внѣшней торговли Московскаго государства со второй половины XVII вѣка свидѣтельствуютъ разнообразные источники,—напр., сочиненія англичанъ, посѣщавшихъ Московскую Русь, Ченслера, Климента Адамса, Дженкинсона, Флетчера, Уложеніе 1649 года, но особенно, такъ называемыя, Торговыя книги, содержащія свѣдѣнія о заграничныхъ и русскихъ цѣнахъ и стоимости провоза цѣлаго ряда разныхъ продуктовъ, закупавшихся скупщиками изъ богатаго купечества на московскомъ рынкѣ въ очень значительномъ количествѣ и доставлявшихся къ Бѣлому морю для сбыта заграницу.

Уже это оживленіе внѣшней торговли и расширеніе охватываемаго ею района, содѣйствовавшія образованію и развитію нѣсколькихъ новыхъ крупныхъ торговыхъ центровъ, не могли не сказаться

на общемъ строѣ экономической жизни Московскаго государства во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ. Коренные устои натуральнаго, безобмѣннаго хозяйства начали подгнивать и колебаться подъ вліяніемъ роста заграничной торговли. Но у насъ нѣтъ недостатка и въ указаніяхъ на значительное оживленіе внутренняго обмѣна, и опять-таки замѣчательно, что такія указанія начинаются со второй половины XVI вѣка, что служитъ очевиднымъ признакомъ зарожденія денежнаго хозяйства въ странѣ именно около этого времени. Съ этого именно хронологическаго термина въ писцовыхъ книгахъ и актахъ начинаютъ постоянно мелькать описанія отдѣльныхъ торжковъ, мѣстныхъ рынковъ и ярмарокъ, иногда охватывавшихъ своими торговыми оборотами значительную территорію. Уже на сѣверѣ въ концѣ XVI вѣка Вологда, Тотьма и Устюгъ были очень важными хлѣбными рынками. Рязанская область снабжала хлѣбомъ нижнее Поволжье, съ одной стороны, и Москву, съ другой. То же приходится повторить о Ярославлѣ и Нижнемъ-Новгородѣ съ ихъ уѣздами. Цѣлая сѣть торговыхъ дорогъ по всѣмъ направленіямъ покрывала страну. Она достигла особенной густоты въ центрѣ: достаточно сказать, что такихъ большихъ дорогъ, проложенныхъ къ столицѣ государства, было не менѣе семи: по крайней мѣрѣ двѣ—ярославская и углицкая—вели на сѣверъ, къ Вологдѣ, Бѣлозерску и Холмогорамъ; на сѣверо-западъ шла торговая дорога изъ Москвы въ Тверь, Вышній-Волочекъ и Новгородъ; существовала также дорога на востокъ, къ Нижнему; но наибольшее количество путей вело на югъ, въ плодородные степные уѣзды: здѣсь шла дорога на Серпуховъ и Боровскъ, сближавшая столицу съ заоцкими городами; другая дорога направлялась на Тулу и далѣе къ югу, въ Сѣверскую землю и Польшу; наконецъ, третья южная дорога прошла на Коломну и Рязань по Москвѣ рѣкѣ и Окѣ. По словамъ англичанъ, изъ одного Ярославскаго края ежедневно по дорогѣ въ Москву проѣзжало по 700—800 возовъ съ зерномъ, предназначеннымъ для продажи. Мы имѣемъ, наконецъ, рядъ указаній на существованіе во второй половинѣ XVI вѣка обширныхъ и чрезвычайно-оживленныхъ ярмарокъ въ Старомъ Холопьѣ городкѣ на Мологѣ, въ Кирило-Бѣлозерскомъ монастырѣ, Балахнѣ, знаемъ о конныхъ ногайскихъ ярмаркахъ въ Москвѣ и Казани, о зарождающейся Макарьевской ярмаркѣ, двухнедѣльной Петровской ярмаркѣ въ пригородѣ Пскова, Островѣ, куда съѣзжались купцы изъ Москвы, Новгорода, Пскова, Литвы и Ливоніи, и пр., и пр. Сказаннаго достаточно, чтобы внушить убѣжденіе въ многочисленности и разнообразіи

прямыхъ свидѣтельствъ источниковъ объ оживленіи торговаго оборота въ Московскомъ государствѣ второй половины XVI вѣка. Таково первое доказательство зарожденія денежнаго хозяйства въ Россіи въ это время.

Второе доказательство—иного рода: оно заключается въ наблюденіяхъ за характеромъ владѣльческаго оброка съ крестьянъ. Во второй половинѣ XVI вѣка легко замѣтить ростъ денежнаго оброка насчетъ натуральнаго: тогда какъ до этого времени въ Вотской пятинѣ Великаго Новгорода только 6—9% всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ платили оброкъ деньгами, въ 1568 г. процентъ такихъ хозяйствъ повышается до 16-ти, а въ 1581 году черная волость знала здѣсь только одинъ денежный оброкъ; въ Бѣжецкой пятинѣ уже въ 1545 году болѣе 26% всѣхъ крестьянъ сидѣли на оброкѣ деньгами, а въ Обонежской въ 1565 году такихъ крестьянъ было даже около 76%; наконецъ, во всѣхъ вотчинахъ Троицкаго-Сергіева монастыря, расположенныхъ въ центральныхъ уѣздахъ, въ послѣднее десятилѣтіе XVI вѣка совсѣмъ уже не существовало натуральнаго оброка, а всѣ монастырскіе крестьяне, сидѣвшіе на оброкѣ, вносили послѣдній деньгами. Совершенно понятно важное значеніе этихъ наблюденій: денежный оброкъ былъ бы немыслимъ, если бы не зародилось денежное хозяйство, такъ какъ безъ торговаго оборота продуктовъ сельской промышленности крестьяне не были бы въ состояніи пріобрѣсти необходимую для уплаты оброка денежную сумму.

На томъ же основаніи переходъ натуральныхъ государственныхъ повинностей въ денежные налоги, ясно обозначившійся какъ разъ съ половины XVI вѣка, слѣдуетъ считать третьимъ доказательствомъ зарожденія денежнаго народнаго хозяйства. Фактъ такой серьезной перемѣны въ финансовой системѣ не подлежитъ сомнѣнію, хорошо обоснованъ въ новѣйшей литературѣ по исторіи русскаго государственнаго хозяйства и представляется въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ первой половинѣ XVI вѣка на землѣ лежали слѣдующія государственныя финансовыя обязанности: 1) населеніе платило казначеевы, дьячьи и подъяческія пошлины; это былъ уже тогда денежный налогъ, хотя и незначительный по размѣрамъ; 2) кормъ намѣстниковъ и волостелей, обыкновенно поступавшій натурой, въ видѣ разнаго рода припасовъ; 3) дань; 4) ямскія деньги, сдѣлавшіяся, какъ и дань, денежной податью, но не исключавшія и особой натуральной ямской повинности; сверхъ того возникли еще: 5) полоняничныя деньги, не превратившіяся пока въ регулярную подать и со-

бравшіяся въ различныхъ размѣрахъ въ отдѣльные годы, смотря по количеству выкупаемыхъ изъ Крыма и Казани русскихъ „полоняниковъ“ или плѣнныхъ; 6) натуральныя военныя повинности—посошная и городовое дѣло, т. е. починка и постройка укрѣпленій. Во второй половинѣ XVI вѣка—съ 1551 года—въ податную систему внесены были важныя измѣненія: во-первыхъ, введены были новые военные денежные налоги—пищальныя и ямчужныя деньги, предназначенныя на пріобрѣтеніе и выдѣлку пищалей, или ружей и пушекъ, и ямчуги, т.-е. селитры и пороха; затѣмъ налоги за городовое и засѣчное дѣло, т.-е. за починку и постройку укрѣпленій и „засѣкъ“, или заставъ, образованныхъ посредствомъ вырубки лѣса и свалки его въ кучи, мѣшавшія проходу и проѣзду и укрывавшія за собой сторожевые военные посты; во-вторыхъ, полоняничныя деньги превращены были въ регулярную подать; наконецъ, въ-третьихъ, старыя натуральныя повинности—посошное и городовое дѣло—стали также переводиться кое-гдѣ временами на деньги. Если къ этому прибавить, что кормъ чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще переводился на деньги, что съ введеніемъ земскихъ учрежденій царя Ивана Грознаго онъ былъ замѣненъ денежной суммой, вносимой въ опредѣленные сроки въ государеву казну общиной, получившей земское самоуправленіе, что, наконецъ, къ концу XVI вѣка оклады прямыхъ денежныхъ податей возросли въ $3^1/_2$ раза сравнительно съ половиной столѣтія, то станетъ очевиднымъ, какимъ важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу зарожденія денежнаго хозяйства въ Московской Руси является исторія государственнаго хозяйства и въ частности прямого обложенія.

Наконецъ, существуетъ еще и четвертое, не менѣе, если не болѣе, серьезное доказательство описываемой экономической перемѣны: именно—измѣненіе цѣнности денегъ. Оживленное товарное обращеніе, проникающее въ народныя массы, всегда увеличиваетъ количество денегъ въ странѣ, а съ увеличеніемъ количества денегъ цѣнность послѣднихъ уменьшается. Въ этомъ отношеніи XVI вѣкъ принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ эпохамъ русской исторіи. Изученіе стоимости русскаго рубля того времени по хлѣбнымъ цѣнамъ ириводитъ къ убѣжденію въ быстромъ и неуклонномъ ея пониженіи: тогда какъ въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI рубль стоилъ на наши деньги приблизительно 94 рубля,—въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVI столѣтія цѣнность его понизилась уже до 75 рублей на наши деньги, а во второй половинѣ того же вѣка даже только до 25 рублей [1]). Такое

[1]) О цѣнности денегъ въ XVI в. см. „Сельск. хоз. Моск. Руси въ XVI в.“,

быстрое удешевленіе денегъ рѣзко подчеркиваетъ совершившійся въ значительныхъ кругахъ населенія переходъ къ денежному хозяйству.

Итакъ предшествующее изложеніе ставитъ внѣ сомнѣнія тотъ фактъ первостепенной важности, что вторая половина XVI вѣка — время зарожденія денежнаго хозяйства въ Россіи [1]). Но, выставляя это положеніе мы должны сдѣлать одну совершенно необходимую оговорку: зарожденіе денежнаго хозяйства въ Россіи очень существенно отличается отъ соотвѣтственнаго процесса въ экономической жизни Западной Европы. Дѣло не въ томъ одномъ, что въ Россіи описанная перемѣна совершилась гораздо позднѣе, чѣмъ въ западно-европейскихъ странахъ, которыя уже отчасти въ XII и во всякомъ случаѣ въ XIII вѣкѣ знакомятся съ зачатками денежнаго хозяйства; гораздо болѣе замѣчательно, что самый экономическій типъ русскаго зарождающагося въ XVI вѣкѣ денежнаго хозяйства существенно отличался отъ типа западно-европейскаго денежнаго хозяйства XIII столѣтія. Превосходная схема экономическаго развитія странъ Западной Европы выведена изъ наблюденій надъ соотвѣтствующими фактами остроумнымъ и проницательнымъ нѣмецкимъ экономистомъ Карломъ Бюхеромъ въ его извѣстной книгѣ „Происхожденіе народнаго хозяйства“. Бюхеръ [2]) ставитъ, какъ извѣстно, въ промежутокъ между періодомъ домашняго, безобмѣннаго хозяйства и періодомъ хозяйства народнаго, денежнаго, разсчитаннаго на обширный, даже міровой рынокъ, еще третій періодъ — городского хозяйства, имѣющаго въ виду узкій мѣстный рынокъ, съ ограниченнымъ кругомъ производителей и потребителей, ютящихся въ городѣ и его окрестностяхъ на 10—15 верстъ во всѣ стороны. Каждый изъ такихъ изолированныхъ, обособленныхъ рынковъ, на которые раздробились съ XIII вѣка западно-европейскія страны, представлялъ собою себя совершенно самостоятельное хозяйственное цѣлое, стоявшее внѣ какой бы то ни было экономической связи съ другими, подобными ему рынками. И Россіи, конечно, не была чужда эта изолированность рынковъ, но она, подобно многимъ другимъ явленіямъ, до-

---

стр. 202—210, 218. Одинъ изъ критиковъ нашей книги указывалъ, что слѣдовало сравнивать цѣны на хлѣбъ XVI вѣка не съ хлѣбными цѣнами 1882 г., а со средними цѣнами за рядъ годовъ. Мы произвели такое вычисленіе, и результаты его мало разнились съ раньше полученными нами выводами.

[1]) См. подробности со ссылками на источники и литературу въ „Сельскомъ хозяйствѣ Моск. Руси въ XVI в.“, стр. 271—290, 202—219, 220—242.

[2]) „Die Entstehung der Volkswirtschaft“, 2-е изданіе, стр. 58, 88—106.

стигшимъ полнаго развитія на западѣ Европы и оставшимся лишь въ зародышѣ у насъ, не имѣла общаго значенія и не выразилась въ столь рѣзкихъ формахъ, какъ на Западѣ. Равнинность страны, обиліе рѣкъ и, главное, продолжительность снѣгового покрова создавали сравнительно удобные пути сообщенія, которыми сглаживались мѣстныя различія и ослаблялась хозяйственная изолированность отдѣльныхъ областей: зимой, по англійскимъ извѣстіямъ [1]), товары могли быть доставлены на громадное разстояніе отъ Архангельска до Москвы въ какихъ-нибудь 14 дней. Такимъ образомъ, русское денежное хозяйство, зародившееся во второй половинѣ XVI вѣка, отличалось тою особенностью, что оно было не городскимъ, а народнымъ, или, по крайней мѣрѣ, каждый рынокъ охватывалъ очень значительный районъ. Это доказывается многими наблюденіями. Такъ, во второй половинѣ XVI вѣка Соловецкій монастырь покупалъ хлѣбъ, коноплю, ленъ, масло, кожи и другіе товары въ Новгородѣ, Бѣжецкомъ Верху, Вологдѣ и Устюгѣ [2]). 14 іюля 1582 г. Троицкому Сергіеву монастырю въ Тотемскомъ уѣздѣ, на р. Сухонѣ, на устьѣ Толщмы, въ Пьянковѣ слободѣ было разрѣшено построить амбаръ, чтобы покупать здѣсь на монастырь хлѣбъ и другіе товары [3]). Въ 30—60-хъ годахъ XVI в. Троицкій Сергіевъ монастырь покупалъ рыбу у устья Шексны и привозилъ туда для продажи изъ Дмитрова рожь и соль [4]). По Герберштейну [5]) и Гваньини [6]), Пермь закупала хлѣбъ на центральныхъ рынкахъ. Въ 1584 г. Свіяжскій Богородицкій монастырь закупалъ въ Астрахани соль и рыбу и, продавая ихъ въ Нижнемъ, покупалъ здѣсь хлѣбъ, масло, сукна, шубы и овчины [7]). Съ Соликамскомъ и Чердынью съ ихъ уѣздами еще въ началѣ XVI в. торговали новгородцы, тверичи, усольцы, устюжане, вычегжане [8]).

[1]) Середонинъ, Извѣстія англичанъ о Россіи. „Чтенія въ Общ. Ист. и Древностей Росс.“ за 1884 г., кн. IV, стр. 13.

[2]) Досиѳей, Географическое, историческое и статистическое описаніе Соловецкаго монастыря, ч. 3-я, № VII; Ключевскій, Хозяйственная дѣятельность Соловец. монастыря,—въ „Моск. Унив. Изв.“ за 1866—67 г., № 7, стр. 574; Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Устюжскій у., № 13170

[3]) Акты Археогр. Экси., т. I, № 315.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Дмитровскій у., № 3763; Акты Археогр. Эксп., томъ I, № 272.

[5]) Rerum Moscovitarum scriptores varii, стр. 62.

[6]) Тамъ же, стр. 167.

[7]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 322.

[8]) Дмитріевъ, Пермская Старина, вып. 1, стр. 41—42.

По свидѣтельству Дженкинсона [1]), русскіе привозили въ Астрахань кожи, бараньи шкуры, хлѣбъ и свинину. Изъ Рязанскаго края хлѣбъ въ большомъ количествѣ шелъ въ Москву [2]). Изъ Смоленска производилась съ центральными областями торговля скотомъ, а Вязьма торговала съ ними пенькой [3]), Ярославль поставлялъ въ Москву громадное количество зернового хлѣба, закупавшагося здѣсь, между прочимъ, жителями сѣвера, жившими верстъ за 500 отъ Москвы [4]). Въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ половинѣ XVI в. жилъ священникъ, который имѣлъ обыкновеніе «от далныхъ странъ скотъ приводити и отводити ея отъ человѣкъ ко инымъ человѣкомъ» [5]). Нѣкоторые жители бѣжецкой вотчины Троицкаго монастыря въ XVII в. торговали съ Новгородскимъ уѣздомъ и ѣздили для торговли въ Архангельскъ [6]).

Кромѣ этихъ прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что отдѣльные рынки въ Россіи XVI—XVII вѣковъ захватывали обширныя пространства въ 200, 300, 500 верстъ въ окружности, мы имѣемъ возможность сослаться и на другіе факты, подтверждающіе положеніе, что Россія того времени становилась страной денежнаго хозяйства, разсчитаннаго на обширный сбытъ. За это говорятъ данныя о цѣнахъ на хлѣбъ и о развитіи дѣятельности скупщиковъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ хлѣбныя цѣны въ одно и то же время въ разныхъ мѣстностяхъ колебались не очень сильно, что, несомнѣнно, указываетъ на живую экономическую связь между этими мѣстностями: такъ, въ 50-хъ годахъ XVI вѣка цѣны на рожь равнялись 40 копейкамъ за нынѣшнюю четверть и въ Бѣлозерскомъ и въ Суздальскомъ уѣздахъ, въ 60-хъ годахъ стоимость четверти ржи колебалась въ разныхъ мѣстахъ между 20 и 30 коп., въ 70-хъ—между 20 и 25 коп., въ 90-хъ—между 40 и 66 коп. Типической можно считать разницу между довольно отдаленными рынками въ $1^1/_2$ раза [7]).

---

[1]) Середонинъ, Извѣстія англичанъ о Россіи,—въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. Росс." за 1884 г., кн. IV, стр. 40.

[2]) Платоновъ, Къ исторіи городовъ и путей на южн. окр. Моск. гос.,—въ „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1898 г., мартъ, стр. 84. (Перепечатано въ его Очеркахъ по исторіи смуты).

[3]) Флетчеръ, О государствѣ русскомъ, стр. 7.

[4]) Середонинъ, Извѣстія англичанъ о Россіи,—въ „Чтеніяхъ" за 1884 г., кн. IV, стр. 5; „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1838 г., октябрь, стр. 57.

[5]) Румянц. музей, рукописи Ундольскаго, № 273, лл. 21 об.—22.

[6]) Готье, Замосковный край въ XVII в., М. 1906, стр. 527—528, ср. еще стр. 537.

[7]) Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в., стр. 286.

Извѣстны скупщики московскіе, новгородскіе, пошехонскіе, онежскіе, бѣжецкіе [1]) и т. д. Еще въ началѣ XVI в., по словамъ Герберштейна [2]), калужскія деревянныя издѣлія—мебель и посуда—развозились скупщиками по всему Московскому государству и вывозились заграницу. Въ Вязьмѣ въ 1646 г. среди посадскаго населенія встрѣчаемъ, между прочимъ, «скупщика животины» и людей, которые «торгуютъ отъѣзжая мяхкою рухлядью» и «всякимъ товаромъ» [3]).

II.

Въ другомъ изслѣдованіи [4]) пишущій эти строки старался доказать и объяснить еще одну важную особенность хозяйственнаго быта Московскаго государства,—особенность, заключавшуюся въ весьма рѣзко выраженномъ экономическомъ кризисѣ, постигшемъ въ послѣднія 30 или 35 лѣтъ XVI вѣка двѣ главныхъ области страны—центръ и новгородско-псковскій край. Этотъ кризисъ заключался въ пониженіи техники земледѣльческаго производства, сопровождавшемся отливомъ массы населенія на вновь колонизуемыя окраины. Смутное время, какъ показываютъ наши источники, продлило, затянуло и усилило кризисъ. Достаточно раскрыть любую писцовую книгу 20-хъ годовъ XVII вѣка, чтобы убѣдиться въ этомъ. Напр., по писцовой книгѣ Дмитровскаго уѣзда 1626—28 годовъ въ помѣстныхъ земляхъ Повельскаго стана было всего 7 селъ и деревень и 96 пустошей, при чемъ пашни было 201 четверть въ каждомъ изъ трехъ полей, а перелогу 3030 четвертей [5]). Подобную же, иногда и еще болѣе выразительную картину разоренія представляли собою въ то же время уѣзды Верейскій [6]), Владимірскій [7]), Рузскій [8]), Калужскій [9]) и другіе [10]).

---

[1]) Синодал. библіотека, № 91, л. 354; Рум. музей, рук. Ундольскаго. № 273, лл. 21 об.—22; № 276, л. 127; Готье, Замосковный край въ XVII вѣкѣ, стр. 527—528.

[2]) Rerum moscovitarum scriptores varii, стр. 50.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 10814, лл. 20, 5 и 13 об.

[4]) Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в., стр. 60—83, 104—109.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627, лл. 1—39.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 11833.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 12604, лл. 978—1892.

[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 425, лл. 1—770.

[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 161, лл. 3—114.

[10]) Готье, Замосковный край въ XVII в., стр. 208-212, 236—244, 432—434.

Кризисъ закончился, повидимому, не позднѣе сороковыхъ годовъ XVII вѣка. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только заглянуть въ любую изъ переписныхъ книгъ 1646—48 годовъ. Для примѣра укажемъ на переписную книгу по Калугѣ и Калужскому уѣзду, предупредивъ читателя, что она типична для всей центральной Россіи того времени. По этой книгѣ [1]) мы видимъ на посадѣ довольно густое и многочисленное для тѣхъ временъ населеніе: здѣсь числилось всего 643 двора, съ населеніемъ въ 1822 человѣка. Въ уѣздѣ совершенно нѣтъ пустошей.

Причинъ этого, столь длительнаго кризиса, захватившаго нѣсколько десятилѣтій, надо искать въ общихъ экономическихъ условіяхъ и ихъ соотношеніи съ формами землевладѣнія. Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному всегда труденъ, мученъ, болѣзненъ, потому что приходится перестраивать всѣ хозяйственныя отношенія на новую основу. Въ Россіи онъ былъ тѣмъ болѣзненнѣе, что здѣсь скоро сталъ складываться обширный рынокъ для сбыта продуктовъ, такъ что получился рѣзкій экономическій переломъ. Юридическія формы не поспѣли за общими хозяйственными измѣненіями, и потому попрежнему оставались господствующими старыя формы землевладѣнія—помѣстье и монастырская вотчина: въ новгородскихъ пятинахъ конца XVI в. отъ 75 до 94% территоріи находилось въ помѣстномъ владѣніи; въ Казанскомъ уѣздѣ помѣстья занимали 65% всей площади, въ Коломенскомъ—59%, въ Вяземскомъ—97, въ Московскомъ, хотя подъ помѣстьями значилось 34% всей территоріи уѣзда, но 35% приходилось на монастырскія вотчины, такъ что на долю всѣхъ другихъ видовъ земельнаго владѣнія оставалось гораздо менѣе трети всей площади [2]). Помѣстье было временнымъ и условнымъ, непрочнымъ владѣніемъ, приспособленнымъ къ условіямъ натуральнаго хозяйства и переложной системы земледѣлія: выпахавъ одно имѣніе, помѣщикъ бросалъ его и переходилъ на другое [3]). Монастырскія вотчины были чрезвычайно обширны и

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 162.

[2]) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI вѣкѣ, глава VII.

[3]) Ср. Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, гдѣ на стр. 161 I тома (изд. 1879 г.) указано, что владѣльцы бенефиціевъ въ Меровингскую эпоху заботились о правильной хозяйственной эксплуатаціи имѣній; на стр. 223 - 226 II тома (изд. 1891 г.) Инама-Штернегъ говоритъ объ „Abschwächung der Intensität der nationalen Production“ послѣ прекращенія династіи Каролинговъ въ Германіи, особенно на рубежѣ XII и XIII вѣковъ.

разбросаны, а также часто раздавались во временное и условное владѣніе, подобное помѣстному, и въ результатѣ оказались тѣ же хозяйственныя послѣдствія этого, что и на помѣстной землѣ [1]). Кромѣ того, юридическая природа обѣихъ господствовавшихъ тогда формъ землевладѣнія отличалась однимъ общимъ существеннымъ признакомъ: и помѣстье и монастырская вотчина—неотчуждаемы: первое—вслѣдствіе условности и временности владѣнія, вторая—въ силу каноническаго правила о вѣчности и нерушимости церковнаго имущества, о его неприкосновенности; правило это, какъ извѣстно, принято было за основу имущественныхъ правъ церковныхъ учрежденій Стоглавомъ [2]). Неотчуждаемость помѣстья и монастырско земли стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ зарождающимся денежнымъ хозяйствомъ, потому что денежное хозяйство, даже и въ зачаточномъ состояніи, превращаетъ землю въ товаръ, обращающійся на рынкѣ, требуетъ нѣкоторой, хотя бы очень ограниченной, свободы гражданскаго оборота земли: при новыхъ рыночныхъ условіяхъ настоятельно необходима возможность обращенія недвижимости въ денежный капиталъ и наоборотъ—денежнаго капитала въ недвижимость, а также необходимъ и переходъ земли изъ рукъ въ руки. Такимъ образомъ, причины кризиса заключались въ переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному съ обширнымъ рынкомъ и въ несоотвѣтствіи старыхъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго формъ землевладѣнія новымъ условіямъ экономическаго развитія страны.

Къ сороковымъ годамъ XVII в. переходъ къ денежному хозяйству въ его начальной стадіи развитія завершился. Въ то же время наблюдаются серьезныя перемѣны въ относительномъ значеніи и даже въ юридической природѣ помѣстнаго и монастырскаго землевладѣнія. 11 мая 1551 года состоялся соборный приговоръ, которымъ былъ запрещенъ подъ угрозой конфискаціи вкладъ земли въ монастыри безъ доклада государю [3]); въ 1572 году запрещеніе принимать вклады землей было выражено въ еще болѣе категорическвой формѣ по отношенію къ богатымъ монастырямъ; что же касается небольшихъ и бѣдныхъ монастырей, то непремѣннымъ условіемъ пріобрѣтенія ими земельныхъ имуществъ по прежнему оставался докладъ государю [4]); въ 1581 г. и бѣдные монастыри лишены были безу-

1) Сельск. хоз. Моск. Руси въ XVI в, гл. VII.
2) См. Стоглавъ въ казанскомъ изданіи.
3) Акты Арх. Эксп., т. I, № 227.
4) Акты Историч., т. I, № 154, XIX.

словно права принимать вклады землею [1]). Впрочемъ на дѣлѣ монастыри получали вкладныя вотчины и послѣ изложенныхъ законодательныхъ мѣръ, но лишь до выкупа этихъ вотчинъ родственниками вкладчика или государемъ. Уложеніе 1649 г. окончательно запретило пріемъ земельныхъ вкладовъ монастырями [2]). Параллельно такому юридическому ограниченію монастырскаго землевладѣнія шло фактическое сокращеніе его размѣровъ. Свидѣтельства писцовыхъ книгъ конца XVI вѣка и другихъ документовъ XVII столѣтія убѣждаютъ въ томъ, что неотчуждаемость монастырскихъ земель, возведенная въ принципъ Стоглавомъ, часто обращалась въ юридическую фикцію: подъ давленіемъ начавшаго свое развитіе денежнаго хозяйства монастырскія власти нерѣдко прибѣгали къ залогу вотчинъ, превращая недвижимость въ столь необходимый при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ денежный капиталъ. Залогъ въ древней Руси былъ въ большинствѣ случаевъ вещнымъ договоромъ, т.-е. сопровождался немедленной и обязательной при полученіи ссуды передачей закладываемаго недвижимаго имущества залогопринимателю. Такимъ образомъ часть монастырской земли переходила въ руки свѣтскихъ лицъ, совершалась мобилизація церковной поземельной собственности, усложнявшаяся притомъ еще вмѣшательствомъ правительственной власти, которая, признавая незаконнымъ отчужденіе церковной земли, не возвращала однако послѣднюю церкви, а конфисковала въ пользу государства и раздавала въ помѣстья, такъ что возвратъ заложенной монастырями земли въ монастырскую собственность окончательно пресѣкался. Вотъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ описанный процессъ: въ началѣ 80-хъ годовъ XVI вѣка въ Бѣжецкой пятинѣ Великаго Новгорода была цѣлая «волостка Соружа въ Облутнѣ», состоявшая изъ 30 деревень и включавшая въ себѣ до 775 десятинъ пахотной земли во всѣхъ трехъ поляхъ; эта волостка прежде принадлежала Спасскому Нередицкому монастырю, потомъ монастырскія власти заложили ее нѣкоему Михаилу Петрову, а въ 1581 г. она, «по государеву наказу», была роздана по частямъ въ помѣстья [3]). Въ то же время въ Обонежской пятинѣ князь Путятинъ получилъ помѣстье изъ земель, принадлежавшихъ нѣкогда Павлову монастырю и бывшихъ затѣмъ въ закладѣ за дьякомъ Меншикомъ Дурбеневымъ,

---

1) Акты Арх. Эксп., т. I, № 308.

2) Уложеніе, XVII, 42.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 962, лл. 765—769 об.

а Козодавлеву досталась въ помѣстное владѣніе земля, отписанная на государя у Василія Хлопова, получившаго ее въ свою очередь въ залогъ отъ Аркажа монастыря [1]).

Мало того, нерѣдко въ XVII вѣкѣ монастыри прямо продавали свои земли служилымъ людямъ: такъ Троицкій Сергіевъ монастырь въ 1627 г. продалъ князю А. Ю. Сицкому пустошь Клобукову въ Дмитровскомъ уѣздѣ [2]); въ 1624 году тотъ же монастырь продалъ подъячему Овдокимову свою вотчину въ Шацкомъ уѣздѣ, село Гавриловское [3]) и т. д.

Гораздо менѣе податливымъ въ смыслѣ юридическихъ измѣненій оказалось въ изучаемое время помѣстье: до половины XVII вѣка утвердился только окончательно обычай передавать помѣстья послѣ смерти владѣльцевъ ихъ сыновьямъ, и стала входить въ практику мѣна помѣстныхъ земель на вотчинныя. Однако и это было уже очень знаменательно, тѣмъ болѣе, что вторая половина XVII вѣка рѣшительно сблизили помѣстья съ служилой вотчиной путемъ допущенія сдачи помѣстій, иногда и за деньги, и дозволенія обращать помѣстья на удовлетвореніе имущественныхъ исковъ [4]).

Повліявъ на юридическую природу помѣстнаго землевладѣнія, денежное хозяйство повело и къ сокращенію размѣровъ помѣстной земли посредствомъ обильнаго и входившаго все болѣе въ обычай пожалованія помѣстій въ вотчину въ награду за службу и заслуги. Въ царствованіе Михаила много помѣстной земли было роздано во владѣніе на вотчинномъ правѣ, т.-е. въ собственность, служилымъ людямъ въ награду за участіе въ защитѣ столицы государства въ смутное время отъ нападеній Тушинскаго вора—это такъ называемое «осадное сидѣнье при царѣ Василіи» — и во время похода на Москву Владислава — «осадное сидѣнье королевичева приходу». Въ XVII вѣкѣ ни одинъ удачный походъ не обходился безъ обращенія части помѣстной земли его участниковъ въ ихъ вотчину. Установилась и обычная норма такого пожалованья: обыкновенно въ награду за службу съ каждыхъ 100 четвертей помѣстнаго оклада 20 четвертей обращались въ вотчинное владѣніе. Неудивительно поэтому,

---

1) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 965, лл. 12 и 76 об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотчинная Помѣстнаго Приказа 5969—1, л. 561.

3) Тамъ же, л. 121.

4) Неволинъ. Полное собраніе сочиненій, т. IV, Спб. 1857, стр. 212 и слѣд.

что въ XVII вѣкѣ размѣры помѣстной земли сокращаются и абсолютно и относительно, и на ея счетъ увеличивается вотчинное землевладѣніе служилыхъ людей. Вотъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ. Въ Тульскомъ уѣздѣ конца XVI вѣка всего какихъ-нибудь 1500 десятинъ пахотной земли находилось въ вотчинномъ владѣніи, что составляло всего 2% распахиваемой площади уѣзда, тогда какъ помѣстья занимали около 76000 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, или почти 92% [1]); по писцовой книгѣ 1628 года, вотчины заключали въ себѣ уже около 14000 десятинъ пахотной земли, т.-е. увеличились абсолютно въ 9 разъ; чрезвычайно быстро шелъ ростъ и относительныхъ размѣровъ вотчиннаго владѣнія, такъ какъ оно составляло въ то время уже около 17% всей площади уѣзда; на долю помѣстій приходилось 64000 десятинъ или 77% уѣздной территоріи (остальная земля въ XVI и XVII вѣкахъ была занята монастырскими и церковными владѣніями) [2]). Въ Казанскомъ уѣздѣ въ 50-хъ годахъ XVI столѣтія совсѣмъ не было служилыхъ вотчинъ [3]), а около ста лѣтъ спустя онѣ являлись очень виднымъ элементомъ въ составѣ земельнаго владѣнія [4]). Въ Рузскомъ уѣздѣ въ 1624—26 годахъ вотчинное землевладѣніе уже очень немногимъ уступало по размѣрамъ помѣстному: тогда какъ на первое приходилось до 25 тысячъ десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ второе занимало 26 тысячъ десятинъ [5]).

III.

Описанныя хозяйственныя перемѣны отразились на формахъ хозяйства и на распредѣленіи хозяйственныхъ благъ.

Когда съ развитіемъ денежнаго хозяйства образовался рынокъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, выгодно стало расширеніе барской, владѣльческой запашки. Уже въ XVI вѣкѣ нерѣдки были случаи, когда барская запашка [6]) составляла 16, 35, 38, даже 56% распахиваемой площади. Въ монастырскихъ земляхъ конца вѣка процентъ пашни, распахиваемой на монастырь, чаще всего равнялся

---

1) Сельское хезяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 371.

2) Щепкина, Тульскій уѣздъ въ XVII в., М., 1892, стр. 92 и 93.

3) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 373.

4) Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в., Одесса, 1882, стр. 60, 140 и др.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 425, л. 763 об.

6) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI., стр. 129—130.

12,15,18,20-ти и доходилъ даже иногда до 41-го. [1]) Въ XVII сто лѣтіи наблюдаются подобныя—же явленія: въ Повельскомъ стану Дмитровскаго уѣзда у помѣщиковъ считалось собственной запашки, по писцовой книгѣ 1626—28 г., 104 четверти въ каждомъ изъ трехъ полей, а крестьянской пашни было 83 четверти, [2]) такъ что на помѣщичью приходится 55,6%, а на крестьянскую только 44,4%. Типичнымъ въ этомъ отношеніи является, напр, хозяйство помѣщика Марка Позднѣева въ Московскомъ уѣздѣ въ 1626 году: въ помѣстьѣ этомъ, состоявшемъ изъ деревни и пяти пустошей, былъ дворъ помѣщика и дворъ крестьянина Степана Овдокимова; „къ нынѣшнему ко 134-му году сѣяно на помѣщика ярового хлѣба у деревни двѣ чети ячменю, да двѣ чети овса, гороху полдесятины, лену осмина съ четверикомъ, ячменя десятина, да по конецъ ярового поля овса да ячменю десятина съ четвертью десятины, да крестьянскаго хлѣба Степанки Овдокимова въ томъ же поле ржи да овса десятина. четь пшеницы, четь ячменю, четь ярицы полдесятины, ржи, полдесятины ржи ж да ярицы, да гороху же да лну полдесятины, да ярицы да гречихи десятина. Да у деревни у Шатуровой сѣено ржи къ нынешнему къ 134-му догу десятинъ съ десять да на отвершкахъ полдесятины пшеницы, полдесятины лну въ томъ же въ озимом поле, да ко 135-му году въспахано на помѣщика паренины десятинъ зъ десят". [3]) Или въ 1634 году въ томъ-же Московсковъ уѣздѣ въ вотчинѣ Ивана Желябужскаго считалось 7 дес. барской пашни и $12^3/_4$ дес. крестьянской [4]).

Расширенная барская запашка требовала усиленнаго приложенія рабочихъ рукъ. Вотчинники и помѣщики XVI и XVII вѣковъ употребляли всѣ средства, чтобы найти эти рабочія руки въ достаточномъ количествѣ.

Прежде всего они заставили работать на барской пашнѣ своихъ холоповъ—полныхъ и кабальныхъ. Въ XVI в. такіе холопы обыкновенно жили на дворѣ помѣщика и именовались „дѣловыми людьми"; но уже тогда нѣкоторые изъ нихъ получали еще отдѣльные участки для собственной запашки, селились своими дворами внѣ двора владѣльца или, какъ тогда говорили, „за дворомъ" его и потому на-

---

1) Тамъ-же, стр. 135—137.
2) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627, лл. 1—39.
3) Моск. Арх. Мин. Юст., отказная книга № 9830, лл. 48—56 об.
4) Моск. Арх. Мин. Юст., отказн. кн. № 9831, лл. 826—827.

зывались „задворными людьми“. [1]) Въ XVI в. холопы на пашнѣ составляли 5,10, рѣдко 15% всего земледѣльческаго населенія [2]). Въ XVII ст. количество дѣловыхъ и особенно задворныхъ людей, обработывавшихъ владѣльческую пашню, несомнѣнно возросло. Такъ напр., въ Дмитровскомъ уѣздѣ 1626—28 гг. въ каждомъ почти имѣніи значились холопы въ количествѣ, рѣдко уступавшемъ числу крестьянъ: напр: въ помѣстьѣ Сафонова было 4 холопа и 5 крестьянъ [3]), у князя Шаховского на его дворѣ жило 4 дѣловыхъ человѣка, а крестьянъ было трое [4]), въ вотчинѣ Батюшкова было 2 дѣловыхъ человѣка и 4 крестьянина [5]) и т. д. Въ Тульскомъ уѣздѣ въ 1628 г. считалось 387 холоповъ и 2366 крестьянъ [6]), а въ 1646 г.первыхъ было 475, вторыхъ 7243 [7]). Въ Московскомъ помѣстьѣ Поздѣева въ 1626 г. было нѣсколько дѣловыхъ людей и всего одинъ крестьянинъ [8]). Въ 1628 г. Въ помѣстьѣ Коржебора въ томъ-же Московскомъ уѣздѣ крестьянъ совсѣмъ не было, а были только 2 двора людскихъ, гдѣ жили приказчикъ и дѣловые люди [9]). Подобное-же можно наблюдать въ Калужскомъ [10]) и Рузскомъ [11]) уѣздахъ двадцатыхъ годовъ XVII в. и т. д.

Труда холоповъ однако было недостаточно для обработки всей барской пашни, и потому земледѣльцы стали облагать жевшихъ на ихъ землѣ крестьянъ барщиной, которая иногда совмѣщалась и съ денежнымъ оброкомъ. Это замѣтно было уже въ XVI вѣкѣ [12]) и продолжало развиваться въ XVII-мъ, какъ показываютъ, напр., порядныя грамоты [13]), а также и другіе источники [14]) напр. отказныя книги. Приведемъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ изъ этихъ послѣднихъ, такъ какъ онѣ не изданы. Такъ крестьянинъ Степанъ Овдокимовъ

---

1) Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д., по Новгороду кн. № 8, лл. 118 об.—119.

2) Сельское хозяйство Моск. Руси в. XVI в. стр. 133 139,—143, 186 190.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627, лл. 19—20 об.

4) Тамъ-же, лл. 25—26 об.

5) Тамъ-же, лл. 49 об—51.

6) Щепкина, Тульскій уѣздъ въ XVII в., стр. 92 и 93.

7) Тамъ-же, стр. 156—157.

8) Моск. Арх. Мин. Юст., отказ. кн. № 9830, лл. 49—51.

9) Тамъ-же, л. 264 и об.

10) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 161.

11) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 425.

12) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 153—155, 180—187, 190—191 и др.

13) См., напр., у Дьяконова, Акты, относящіеся къ ист. тягл. нас., вып. 1.

14) Ср. Готье, Замосковный край въ XVII в., стр. 488—500.

въ Московскомъ помѣстьѣ Поздѣева въ 1626 г. „пашни пашетъ на помѣщика по полдесятине, сѣна косить шесть остромковъ...., а деньгами никакихъ доходовъ не давалъ“ [1]). Въ 1628 г. „по сказке княжъ Васильевыхъ крестьянъ Урмаметева оброку де они помѣщику князю Василью Урмаметеву не плачивали никаково, только де пахали на него пашню десятины по две да важивали къ Москвѣ сено да дрова“ [2]).

Наконецъ, когда не хватало ни холопскихъ, ни крестьянскихъ рукъ, помѣщики и вотчинники прибѣгали къ труду бобылей. Бобылями въ XVI в., какъ извѣстно, назывались вообще люди, не имѣвшіе своей пашни, занимавшіеся ремеслами, мелкой торговлей и работой по найму [3]). Въ XVII в. особенно умножилось,—очевидно подъ вліяніемъ экономическаго кризиса,—число этихъ бобылей, не имѣвшихъ собственной запашки. Ихъ поряжали къ себѣ землевладѣльцы и заставляли обрабатывать на себя пашню. Такихъ бобылей, сидѣвшихъ на барской пашнѣ, было очень много, судя по писцовымъ книгамъ 20-хъ годовъ и по переписнымъ 40-хъ. Такъ въ 1626—28 г. въ дмитровскомъ помѣстьѣ Ельчанинова считалось 17 крестьянъ и 11 бобылей [4]), въ помѣстьѣ Шокуровыхъ было 11 крестьянъ и 9 бобылей [5]), у Толбузина 4 крестьянина и 4 бобыля [6]) и т. д. почти во всѣхъ имѣніяхъ. Въ Тульскомъ уѣздѣ 1628 г. было всего 1223 бобыля на 2366 крестьянъ [7]), а въ 1646 году здѣсь считалось 1149 бобылей при 7243 чел. крестьянъ [8]). Само собою разумѣется, что бобыли были наемными людьми не въ современномъ, нашемъ смыслѣ слова: они работали за прокормъ и за пользованіе усадьбой, огородомъ и т. д., платили даже оброкъ; получая для собственнаго хозяйства, какъ то иногда бывало, землю, бобыли постепенно сближались въ хозяйственномъ отношеніи съ крестьянами, чѣмъ подготовлялось въ будущемъ и юридическое объединеніе этихъ двухъ общественныхъ группъ.

---

1) Моск. Арх. Мин. Юст., отказ. кн. № 9830, л. 52 и об.

2) Тамъ-же, л. 284 об.

3) Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Моск. гос., очеркъ четвертый; наши Историческіе и Соціологическіе очерки, часть 2-я, стр. 280—283.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627, лл. 1—2.

5) Тамъ же лл. 5—6.

7) Тамъ же, л. 12.

8) Щепкина, Тульскій уѣздъ въ XVII в., стр. 92 и 93.

9) Тамъ же, стр. 156—157.

Вліяніе перехода къ денежному хозяйству и экономическаго кризиса на распредѣленіе хозяйственныхъ благъ хорошо извѣстно: эти новыя экономическія явленія сильно понизили уровень благосостоянія народной массы и, оставляя въ рукахъ крестьянъ несравненно меньшее, чѣмъ прежде, количество реальныхъ хозяйственныхъ благъ, усилили экономическое неравенство [1]).

IV.

Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и притомъ разсчитанному на обширный рынокъ, устраненіе экономическаго кризиса, приспособленіе формъ землевладѣнія къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ, организація барщиннаго труда, обезпеченіе массѣ населенія необходимаго минимума средствъ существованія — вотъ тѣ трудныя и важныя задачи, которыя стояли на очереди передъ русскимъ обществомъ и государствомъ XVI-го и первой половины XVII вѣка. Въ разрѣшеніи этихъ задачъ первая роль принадлежала тому классу, хозяйственное значеніе котораго было особенно велико, — именно классу среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, а также классу городскихъ торговцевъ-скупщиковъ. Крупное землевладѣніе не могло въ то время играть опредѣляющую роль, потому что рынокъ былъ еще не настолько обширенъ, чтобы создать капиталистическое хозяйство, а народныя массы были настолько приниженны экономически и настолько малосознательны, что не могли являться активной общественной силой перваго ранга. Понятно, что и соціальныя отношенія сложились болѣе всего въ интересахъ средняго и мелкаго дворянства и зажиточныхъ посадскихъ людей.

Исторія соціальныхъ отношеній въ Московскомъ государствѣ хорошо разработана въ спеціальной литературѣ. Намъ остается только резюмировать достигнутые результаты изслѣдованія, дѣлая въ то же ремя дополнительныя замѣчанія, касающіяся главнымъ образомъ связи общественнаго строя съ экономической жизнью.

Начнемъ съ происхожденія крѣпостного права на крестьянъ. Крестьяне еще въ удѣльное время стали мало-но-малу ограничиваться въ своей свободѣ перехода.

Господство земледѣлія надъ другими отраслями производства сыграло въ этомъ отношеніи опредѣляющую, главную роль. Самыя условія полевого хозяйства вызывали необходимость нѣкоторыхъ

---

1) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 258—265.

ограниченій въ правѣ перехода: для обѣихъ договаривающихся сторонъ—и для землевладѣльца, и для земледѣльца—неудобно нарушеніе установленныхъ порядной грамотой отношеній въ любое, произвольно выбираемое той или другой стороной время, потому что въ такомъ случаѣ все сложное, съ такимъ трудомъ налаженное хозяйственное цѣлое разрушалось безъ всякой выгоды для кого бы то ни было. Отсюда вытекала необходимость установленія однообразнаго, постояннаго срока перехода. Такой срокъ и устанавливался въ порядныхъ, при чемъ для разныхъ мѣстностей былъ различенъ. Однако, преобладающимъ для бассейна Оки и верхней Волги срокомъ перехода былъ такъ называемый Юрьевъ день осенній (24-го ноября), когда кончались всѣ полевыя работы, и ликвидація хозяйства отдѣльнаго крестьянина была наиболѣе легка. Вотъ почему Судебникъ Ивана III и установилъ, что крестьяне могутъ выходить изъ-за землевладѣльцевъ, на землѣ которыхъ они живутъ, только разъ въ годъ,—въ Юрьевъ день осенній и за недѣлю до него. При выходѣ крестьянинъ производилъ «отказъ», т.-е. дѣлалъ землевладѣльцу формальное устное заявленіе о своемъ уходѣ.

Но земледѣліе обусловливаетъ потребность крестьянина въ хозяйственныхъ и жилыхъ постройкахъ, — въ домѣ, дворѣ и надворныхъ строеніяхъ. Отсюда вытекали два весьма важныхъ послѣдствія, сильно ограничивавшихъ свободу крестьянскаго перехода. Если крестьянинъ садился на застроенный уже участокъ, т.-е. получалъ готовыя, господскія постройки, онъ обязанъ былъ при уходѣ заплатить «пожилое» или «похоромное»—плату за пользованіе дворомъ, установленную Судебникомъ 1497 года въ 1 рубль за 4 года въ мѣстахъ полевыхъ и въ полтину въ мѣстахъ лѣсныхъ (не менѣе 94 и 47 рублей на наши деньги). Таково было одно послѣдствіе потребности въ хозяйственныхъ постройкахъ. Другое имѣло мѣсто тогда, когда крестьянинъ садился на пустой участокъ и обязывался его застроить. Въ этомъ случаѣ онъ получалъ отъ землевладѣльца льготу, т.-е. облегченіе въ уплатѣ оброковъ, въ отбываніи барщины и во взносѣ государевыхъ податей. Льгота давалась на извѣстный срокъ и, конечно, обязывала крестьянина не уходить въ теченіе довольно продолжительнаго времени съ арендованнаго участка. Часто для приведенія хозяйства въ исправное состояніе, «на дворовое строеніе и для пашни» крестьянинъ получалъ также «подмогу» отъ землевладѣльца, т.-е. опредѣленную денежную сумму, которая, можетъ быть, сначала и не подлежала возврату, погашалась фак-

томъ возведенія должныхъ построекъ, но, во всякомъ случаѣ, до окончанія этихъ строительныхъ работъ привязывала крестьянина къ землевладѣльцу, ограничивала свободу его перехода.

Экономическая природа земледѣлія простирала еще дальше свое воздѣйствіе на свободу крестьянскаго перехода. Кромѣ обстройки участка крестьянинъ для веденія полевого хозяйства нуждался еще въ другихъ предметахъ, требовавшихъ затраты капитала. Не имѣя послѣдняго, онъ прибѣгалъ къ займамъ у того же землевладѣльца. О заемномъ житѣ, т.-е. хлѣбѣ, и «серебрѣ», т.-е. деньгахъ, на крестьянахъ очень часто читаемъ въ духовныхъ грамотахъ XV вѣка. Рядъ актовъ того же столѣтія говоритъ, кромѣ того, объ «издѣльномъ серебрѣ», «деньгахъ въ селѣхъ въ ростѣхъ» и «ростовомъ серебрѣ». Изслѣдователи справедливо проводятъ разграничительную черту между разными видами займа. Дѣло въ томъ, что «заемное жито и серебро» сплошь и рядомъ было, выражаясь терминомъ того времени, «ссудой», т.-е. срочнымъ безпроцентнымъ займомъ, иногда даже «безкабальнымъ», т.-е. не закрѣпленнымъ «заемной кабалой», документомъ, по нашему векселемъ: по истеченіи срока, на который давалась ссуда, крестьянинъ возвращалъ только занятый капиталъ, не уплачивая процентовъ. Лишь при просрочкѣ уплаты ссуда превращалась въ процентный долгъ. Термины «ростовое серебро», «деньги въ селѣхъ въ ростѣхъ» указываютъ на другой видъ займа,— на заемъ, сопровождающійся уплатой процентовъ. Особой разновидностью процентнаго займа является та, которая характеризуется выраженіемъ «издѣльное серебро». Въ толкованіи этого послѣдняго термина не всѣ изслѣдователи сходятся: по мнѣнію однихъ, это— неуплаченный своевременно крестьяниномъ и потому подлежащій отработкѣ оброкъ; по другому объясненію, это — заемъ подъ будущую работу вмѣсто процентовъ. Вѣрно именно второе толкованіе, потому что въ одномъ документѣ 1450 года сказано, что «на то серебро дѣлаютъ дѣло», да и другое названіе такого серебра — «деньги въ пашнѣ». И ссуда, и процентный долгъ, и издѣльное серебро, несомнѣнно, привязывали крестьянина къ его кредитору — землевладѣльцу, мѣшали первому уйти отъ послѣдняго, потому что, по свидѣтельствамъ источниковъ, крестьяне, отказываясь изъ-за землевладѣльцевъ, должны были «серебро заплатить». Мало того: неисправность въ уплатѣ долга могла привести крестьянина въ болѣе сильную зависимость отъ землевладѣльца. Судебникъ 1497 года предписывалъ выдавать неисправнаго должника кредитору «головою

до искупа», т.-е. до отработки долга. И это, дѣйствительно, примѣнялось на практикѣ по отношенію къ неисправнымъ должникамъ крестьянамъ, какъ показываетъ одно дошедшее до насъ «судное дѣло» 1530 года.

Задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ уже во второй половинѣ XV вѣка вызвала къ жизни новую форму крестьянскаго перехода, — такъ называемый крестьянскій «вывозъ», состоявшій въ томъ, что какой-либо землевладѣлецъ, обладавшій значительными денежными средствами, платилъ за крестьянина, по соглашенію съ послѣднимъ, его долги тому лицу, на землѣ котораго крестьянинъ сидѣлъ, и увозилъ крестьянина на свою землю, при чемъ, разумѣется, перевезенный обязывался вернуть или отработать новому своему кредитору уплаченныя имъ за него деньги: «занялъ есми у такого-то лица столько то денегъ и тѣ есми деньги платилъ старому своему государю, а за ростъ мнѣ у него (т.-е. у новаго кредитора) работать».

Стѣсненія крестьянскаго перехода въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время не ограничивались приведенными сейчасъ случаями. Эти случаи обнимаютъ собою всѣ главныя, основныя условія закрѣпленія. Но къ числу условій, содѣйствовавшихъ закрѣпощенію крестьянъ, принадлежали еще «старина», приписка къ тяглу и, наконецъ, спеціальныя, частныя ограниченія и стѣсненія, исходившія отъ правительственной власти. Необходимо анализировать и такія вторичныя, менѣе важныя условія.

Старина, или старожильство, какъ основаніе стѣсненія крестьянскаго перехода, стала признаваться правительствомъ только къ концу удѣльнаго періода: въ первой половинѣ XV вѣка еще позволялось перезывать въ другія имѣнія «тутошнихъ старожильцевъ». Признаками старины признавались ирежде всего давность жительства крестьянина за извѣстнымъ землевладѣльцемъ, а также рожденіе за кѣмъ-либо въ крестьянствѣ и переходъ отъ одного владѣльца въ собственность другого на основаніи какой-либо сдѣлки, — данной, купчей, мѣновной, рядной записи (акта передачи въ приданое), наконецъ по наслѣдству. Въ XIII, XIV и XV вѣкахъ мало-по-малу устанавливается мысль, что крестьяне составляютъ необходимую принадлежность имѣнія. Утвержденію такой мысли содѣйствовала, главнымъ образомъ, задолженность крестьянъ; вслѣдствіе ихъ задолженности имѣнія отчуждались вмѣстѣ съ крестьянскимъ серебромъ, т.-е. съ долгами, лежавшими на крестьянахъ, а слѣдовательно и съ

самими должниками, «со крестьяны», какъ прямо говорятъ акты отчужденія земель. Когда такимъ образомъ жизнь выработала понятіе о крестьянахъ-старожильцахъ, какъ необходимой принадлежности имѣнія, землевладѣльцы на судѣ при искахъ о крестьянахъ стали указывать на незаконность вывоза старинныхъ крестьянъ, стали требовать ихъ возвращенія себѣ. И требованія эти обыкновенно удовлетворялись. Такъ принципъ давности, проистекавшій изъ той же задолженности, влекъ крестьянина въ крѣпостное состояніе.

Въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей XIV и XV вѣковъ постоянно попадаются условія, касающіяся людей черныхъ, данныхъ, письменныхъ, численныхъ или числяковъ и тяглыхъ. Все это — выраженія синонимическія. Князья обязываются въ древнѣйшихъ грамотахъ этихъ людей «блюсти сообща», потомъ «промежи себя не пріимать въ свои удѣлы» и «въ службу не пріимати». Такимъ образомъ, письменные или данные люди, приписанные къ тяглу, т.-е. платящіе подати и отбывающіе повинности, не лишаются прямо свободы перехода, но эта свобода стѣсняется посредствомъ взаимнаго уговора князей не принимать ихъ въ свои удѣлы изъ чужихъ. Этого мало: обыкновенно и въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго княжества совершались частичныя стѣсненія перехода тяглыхъ людей: правда, весьма часто землевладѣльцамъ разрѣшалось перезывать на свои земли всѣхъ крестьянъ и тяглыхъ и нетяглыхъ; но нерѣдко встрѣчались въ этомъ отношеніи важныя ограниченія, — именно запрещалось перезывать къ себѣ данныхъ и письменныхъ людей. Въ сущности эти постановленія касались тѣхъ же старожильцевъ, потому что записанными въ тягло оказывались въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ именно они. Слѣдовательно, основнымъ источникомъ прикрѣпленія на основѣ приписки къ тяглу въ концѣ концовъ надо считать опять-таки задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ, подъ вліяніемъ которой, какъ мы видѣли, сложилась и идея старожильства.

Наконецъ, въ видѣ совершенно исключительныхъ льготъ князья жаловали иногда землевладѣльцамъ право не выпускать крестьянъ изъза себя: по грамотамъ второй половины XV вѣка такое право было, напр., дано великимъ княземъ Василіемъ Темнымъ Троицкому-Сергіеву монастырю по отношенію къ его вотчинамъ въ двухъ уѣздахъ—Бѣжецкомъ и Углицкомъ.

Въ предшествующемъ изложеніи передъ нами послѣдовательно и постепенно выступили на видъ всѣ отдѣльныя новообразованія, по-

степенно подготовлявшія закрѣпощеніе крестьянъ. Сводя въ одно цѣлое эти новообразованія, отыскивая изъ генетическую основу, ту главную силу, которая ихъ создала, мы видимъ, что этой силой является господствовавшая на сѣверо-востокѣ удѣльной Руси отрасль промышленности — земледѣліе—при сохраненіи натуральнаго хозяйства.

Къ этой силѣ въ XVI и XVII вѣкахъ присоединились еще новыя, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи и исходившія изъ той же области хозяйственныхъ отношеній.

Задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ увеличилась въ чрезвычайной степени, такъ какъ кромѣ старой потребности въ земледѣльческомъ капиталѣ она питалась еще переходомъ къ денежному хозяйству, особенно обострившимъ нужду въ деньгахъ, которыхъ вообще было мало и повергавшимъ нерѣдко крестьянина въ крайне бѣдственное, критическое положеніе, потому что приходилось перестраивать всю хозяйственную жизнь на совершенно новыя основанія, а маломощному хозяину выполнить эту задачу совершенно невозможно безъ посторонней помощи. Въ томъ же направленіи дѣйствовало и другое обстоятельство—необходимость платить денежные государственные налоги и денежные владѣльческіе оброки.

Уже все это дѣлало крестьянскую задолженность чрезмѣрной, непосильной, крайне обременительной. Но этого мало: она стала совершенно безнадежной, крестьянинъ сдѣлался неоплатнымъ должникомъ вслѣдствіе того, что произошелъ извѣстный уже намъ экономическій кризисъ, повлекшій за собою крайнее разореніе крестьянъ, невыгодное для нихъ распредѣленіе хозяйственныхъ благъ. Крестьянину нечѣмъ стало расплатиться и фактически онъ лишился возможности свободно уйти отъ землевладѣльца, у котораго онъ жилъ.

Землевладѣлецъ между тѣмъ былъ весьма сильно заинтересованъ въ томъ, чтобы превратить крестьянина въ постояннаго работника на своей барской пашнѣ: вѣдь эта пашня расширялась параллельно развитію денежнаго хозяйства, росту спроса на продажный хлѣбъ на рынкѣ, и для ея обработки необходимъ былъ постоянный рабочій контингентъ. Отсюда обострилось у землевладѣльцевъ желаніе не только фактически, но и юридически прикрѣпить къ себѣ крестьянъ.

Идея юридическаго прикрѣпленія окончательно созрѣла и воплотилась въ дѣйствительность благодаря вліянію кабальнаго холопства. Матеріальное положеніе крестьянина и кабальнаго холопа было тождественно: и тотъ и другой были неоплатными должниками. Остава-

лось сблизить ихъ юридически: такъ какъ кабальный холопъ, вслѣдствіе безнадежной задолженности, терялъ свободу, то, очевидно, и крестьянинъ, такой же неоплатный должникъ, долженъ былъ сдѣлаться крѣпостнымъ.

И вотъ въ договорахъ крестьянъ съ землевладѣльцами (порядныхъ грамотахъ), начиная со второй четверти XVII вѣка, появляются условія о прикрѣпленіи. Эта практика гражданскихъ договоровъ, спорадически устанавливавшая крѣпостное право на отдѣльныхъ крестьянъ, была санкціонирована и возведена въ общую норму въ Уложеніи 1649 года [1]).

Такъ какъ ясно, что и безнадежная задолженность крестьянъ, и нотребность въ рабочихъ для обработки барской пашни, и кабальное холопство были созданы общими экономическими условіями XVI—XVII вѣковъ, то и необходимо признать тѣснѣйшую связь положенія крестьянскаго сословія съ этими экономическими условіями, характеризованными выше, именно съ развитіемъ денежнаго хозяйства, съ ростомъ барской запашки, съ экономическимъ кризисомъ, съ неблагопріятнымъ для крестьянства распредѣленіемъ хозяйственныхъ благъ.

Безъ сомнѣнія, при этомъ сказались также и интересы землевладѣльческаго класса—дворянства. Но нельзя забывать и того, что въ одномъ отношеніи крѣпостное право шло навстрѣчу настоятельной потребности крестьянской массы,—потребности въ матеріальной поддержкѣ, которая спасла бы крестьянство отъ голодной смерти въ годы неурожаевъ и вообще помогла бы ему пережить тяжелый переходный моментъ перестройки всего своего быта съ натурально-хозяйственной основы на основу денежно-хозяйственную, по крайней мѣрѣ отчасти. Вѣдь владѣлецъ крѣпостныхъ крестьянъ былъ заинтересованъ въ сохраненіи ихъ жизни и минимума средствъ существованія, потому что нуждался въ рабочихъ и въ доходахъ со своей земли. Потому онъ и оказывалъ своимъ крестьянамъ необходимую для нихъ матеріальную поддержку.

Чтобы закончить объясненіе генезиса крѣпостныхъ отношеній, остается указать, что хозяйственными условіями объясняется и са-

---

[1]) Ср. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи—въ „Русск. Мысли“ за 1885 г., №№ 8 и 10; Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Моск. гос.; Лаппо-Данилевскій, Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Моск. гос. XVI—XVII вв.; наше Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.

мая юридическая природа крестьянской крѣпости въ Россіи. Тогда какъ западно-европейскій вилланъ XIII—XV вѣковъ былъ крѣпокъ землѣ, т.-е. ни онъ самъ не могъ уйти со своего участка, ни землевладѣлецъ не могъ оторвать его отъ этого участка, перевести въ другое мѣсто или продать, заложить и т. д. безъ земли,—нашъ русскій крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ личности землевладѣльца, т.-е. землевладѣлецъ могъ переводить крестьянъ въ дворовые, переселять ихъ съ однѣхъ земель на другія и продавать и закладывать безъ земли [1]). Это глубокое и важное различіе объяснимо лишь экономически. Европа XIII—XV вѣковъ переживала періодъ денежнаго хозяйства, съ небольшимъ, мѣстнымъ, узкимъ рынкомъ, такъ что каждая страна разбилась на экономически замкнутыя небольшія области. Если бы можно было переводить изъ одной области въ другую или продавать и закладывать крестьянъ, то возникла бы большая опасность для всей области: не хватило бы рабочихъ рукъ, и грозилъ бы голодъ и моръ, такъ какъ экономическаго общенія съ другими областями почти не было. Отсюда и являлась необходимость прикрѣпленія къ землѣ. Напротивъ, у насъ такое прикрѣпленіе къ землѣ непремѣнно дурно отразилось бы на экономическихъ интересахъ страны: оно сдѣлало бы населеніе неподвижнымъ, лишило бы возможности приспособляться къ требованіямъ на рабочія руки въ разныхъ мѣстахъ, а подвижность и возможность такого приспособленія вызывалась тѣмъ, что денежное хозяйство въ Россіи XVI—XVII вѣковъ было разсчитано на обширный рынокъ.

V.

Не одно крестьянство, всѣ другія группы русскаго общества XVI и первой половины XVII вѣка испытывали на себѣ тяжесть отмѣченныхъ выше хозяйственныхъ задачъ: всѣмъ надо было перейти хотя отчасти къ денежному хозяйству съ обширнымъ рынкомъ, приспособить къ новымъ порядкамъ формы землевладѣнія, развить барщинное хозяйство, избавиться отъ кризиса. Невозможно было выполнить все это, дѣйствуя врозь и обходясь безъ помощи государственнаго аппарата. Отсюда и произошли два важныхъ послѣдствія: во-первыхъ, сословная организація общества,—каждое сословіе должно было объединять усилія отдѣльныхъ своихъ членовъ въ обезпеченіи

[1]) Ключевскій, Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи—въ „Рус. сли“ за 1885 г., № 8, стр. 7–8.

ихъ классовыхъ интересовъ, во-вторыхъ, устройство прочнаго государственнаго союза для содѣйствія отдѣльнымъ сословіямъ въ ихъ работѣ, при чемъ всѣ сословія должны были для упроченія государства, столь для нихъ необходимаго, исполнять по отношенію къ нему извѣстныя обязанности, весьма тяжелыя, должны были сдѣлаться крѣпостными государства, безъ чего послѣднее не могло бы выполнить лежавшую на немъ задачу, продиктованную опять-таки классовыми интересами господствовавшихъ общественныхъ группъ.

Такъ получились сословность и крѣпостничество—двѣ отличительныхъ черты соціальныхъ отношеній въ Московской Руси. Спеціальная литература хорошо выяснила эти черты [1]), и намъ остается только воспользоваться ея пріобрѣтеніями, чтобы иллюстрировать высказанное общее положеніе.

Дворянство было заинтересовано въ томъ, чтобы имѣть землю и владѣть крѣпостными крестьянами. То и другое были необходимыми условіями его существованія. То и другое и было пріобрѣтено и удержано имъ съ помощью государства. Но чтобы эта помощь имѣлась на лицо, необходимо было организовать государство, создать для него матеріальную силу. Часть этой задачи—военную защиту государства—дворянство взяло на себя, и съ этою цѣлью были созданы уѣздныя корпораціи дворянства, выбиравшія окладчиковъ, которые, подъ предсѣдательствомъ назначеннаго изъ Москвы разборщика, верстали дворянъ на службу, назначали имъ оклады, производили смотры, дѣлили служилыхъ людей на статьи сообразно достатку, назначали каждой статьѣ опредѣленное вооруженіе и т. д. Замѣчательно, что эта корпоративная организація служила интересамъ по преимуществу средняго и мелкаго дворянства: для него было особенно важно, чтобы богатые бояре и окольничіе не наваливали всей тяжести военной службы на дворянскую массу; окладчики и должны были предотвратить это.

Той же потребностью зажиточнаго посадскаго населенія избавиться отъ крайней эксплуатаціи со стороны богатѣйшаго купечества въ смыслѣ неравномѣрнаго распредѣленія «тягла», т.-е. податей и повинностей, объясняется институтъ выборныхъ посадскихъ старостъ и цѣловальниковъ, обязанныхъ раскладывать и собирать налоги и наблюдать за правильнымъ исполненіемъ повинностей. Неся тягло въ пользу государства, посадскіе люди получали право и воз-

[1]) Чичеринъ, О народномъ представительствѣ; Градовскій, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи и др.

можность, благодаря помощи со стороны послѣдняго, развивать болѣе или менѣе широкія торговыя сношенія, расширять свою коммерческую дѣятельность.

Все изложенное въ настоящей главѣ можетъ быть формулировано такимъ образомъ въ слѣдующихъ общихъ выводахъ:

1. Въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII вѣка начало утверждаться денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ.

2. Въ то же время наблюдается рѣзко выраженный экономическій кризисъ въ главныхъ областяхъ государства.

3. Для того, чтобы преодолѣть этотъ кризисъ и успѣшно справиться съ переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, русское общество XVI—XVII вѣковъ сомкнулось въ крѣпостныя сословія.

4. Крѣпостничество приняло особенно рѣзкія формы по той главнымъ образомъ причинѣ, что русское денежное хозяйство того времени разсчитано было на крупный рынокъ, на обширный сбытъ продуктовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Организація подчиненнаго управленія въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII вѣка.

I.

Подчиненное управленіе—областное и центральное—уже въ концѣ удѣльнаго періода стало подвергаться крупнымъ измѣненіямъ, и эти измѣненія усилились въ изучаемое нами время.

Исторія мѣстнаго управленія въ Московскомъ государствѣ привлекала къ себѣ большое вниманіе изслѣдователей и принадлежитъ поэтому къ числу наиболѣе разработанныхъ вопросовъ въ русской исторіи. Резюмируя результаты научной работы и дѣлая къ нимъ нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія и поправки, мы характеризуемъ послѣдовательную смѣну административныхъ формъ и укажемъ роды дѣлъ, подвѣдомственныхъ разнымъ должностнымъ лицамъ.

Необходимо при этомъ вернуться къ удѣльному времени и остановиться на вѣдомствѣ важнѣйшихъ органовъ областнаго управленія—намѣстниковъ (въ уѣздахъ) и волостелей (въ волостяхъ).

Обратимъ прежде всего вниманіе на финансовую компетенцію намѣстниковъ и волостелей. Въ нашей исторической литературѣ

до недавняго времени большой популярностью пользовалось мнѣніе, что намѣстники удѣльнаго періода пользовались въ предѣлахъ территоріи, имъ подчиненной, всею полнотою княжеской власти [1]). Но несомнѣнно, что такой полнотой власти намѣстники не обладали. Это прежде всего и, быть-можетъ, даже въ наибольшей мѣрѣ относится къ финансовой компетенціи намѣстниковъ. Намъ уже извѣстно, что нормативно-финансовая дѣятельность — установленіе новыхъ налоговъ и пошлинъ и дарованіе податныхъ льготъ — выходила уже изъ круга вѣдѣнія областной администраціи. Далѣе, еще въ концѣ XI вѣка, т.-е. въ кіевскій періодъ, существовали на Руси особые «данники», собиравшіе прямые налоги того времени; слѣдовательно уже историческіе предшественники удѣльныхъ намѣстниковъ, посадники, были отстранены отъ одной изъ важнѣйшихъ функцій финансоваго управленія; это же приходится повторить и о намѣстникахъ, такъ какъ и въ удѣльный періодъ мы постоянно встрѣчаемся съ особыми «данщиками» [2]), тожественными, очевидно, съ болѣе древними данниками. Наконецъ, какъ будетъ сейчасъ указано, распредѣленіе населенія по окладнымъ единицамъ и раскладка податей производились также еще въ началѣ удѣльнаго періода особыми спеціальными органами управленія. Спрашивается: что же остается изъ всей обширной области государственнаго хозяйства на долю намѣстниковъ? Древнѣйшій отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ въ духовной грамотѣ московскаго великаго князя Семена Гордаго 1353 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «а хто моихъ бояръ иметь служити у моее княгини, а волости имуть вѣдати, даютъ княгинѣ моей прибытка половину» [3]). Итакъ, полученіе «прибытка» и передача половины этого прибытка князю—вотъ въ чемъ состояли финансовыя функціи намѣстника въ XIV вѣкѣ. Прибытокъ, какъ показываютъ позднѣйшія уставныя грамоты, а также и только что изложенныя соображенія, слагался, во-первыхъ, изъ корма намѣстника, получаемаго имъ прямо отъ населенія, во-вторыхъ, изъ нѣкоторыхъ торговыхъ пошлинъ, въ-третьихъ, изъ пошлинъ судебныхъ и, наконецъ, въ-четвертыхъ, изъ свадебныхъ пошлинъ [4]). За недостаткомъ данныхъ, трудно су-

---

[1]) См., напр., Дмитріевъ, Сочиненія, томъ I, М. 1899, стр. 10—14.

[2]) Акты Археогр. Эксп., томъ I, №№ 196 и 204; Доп. къ Актамъ Историч., т. I, № 33.

[3]) Собр. Госуд. Грамотъ и Договоровъ, томъ I, № 24.

[4]) Акты Археогр. Эксп., т. I, №№ 123, 134, 144, 181, 230; Акты Ист., т. I, №№ 105 и 153.

дить, насколько до конца XV вѣка были точно фиксированы размѣры всѣхъ этихъ доходовъ; вѣроятнѣе всего, кормъ не былъ точно опредѣленъ—не даромъ и позднѣе при вступленіи намѣстника въ должность давали «кто что принесетъ»,—но судебныя, торговыя и свадебныя пошлины, надо думать, рано получили числовое опредѣленіе, потому что слѣды этого можно наблюдать уже въ кіевскій періодъ, напр., въ «Русской Правдѣ». Впрочемъ, взиманіе доходовъ по «списку» вообще уже установилось въ XV вѣкѣ [1]). Извѣстно также, что въ XV и XVI вѣкахъ кормы намѣстниковъ собирались не ими непосредственно, а старостами, которые и передавали ихъ по принадлежности. Такъ какъ старостамъ въ болѣе древнее время соотвѣтствовали сотскіе, несомнѣнно, какъ скоро увидимъ, имѣвшіе отношеніе къ сбору налоговъ, то слѣдуетъ думать, что это ограниченіе намѣстничьей власти не было позднѣйшимъ фактомъ, а относилось и къ началу удѣльнаго періода.

Такимъ образомъ уже въ началѣ удѣльнаго періода и тѣмъ болѣе въ его серединѣ, до XV вѣка, финансовая компетенція намѣстниковъ не была всеобъемлюща, можно даже сказать, что предѣлы ея не были особенно широки.

Несравненно обширнѣе была *судебная власть* намѣстниковъ. Говоря вообще, можно признать эту власть въ извѣстной территоріи совершенно неограниченной: намѣстникъ судилъ въ городѣ и станахъ, къ нему тянувшихъ, по всѣмъ дѣламъ безъ исключенія, гражданскимъ и уголовнымъ, даже, вѣроятно, и по тѣмъ преступленіямъ, которыя теперь называютъ государственными. До конца XV вѣка незамѣтно ограниченій судебной власти намѣстниковъ въ этомъ отношеніи. Такъ называемый «докладъ» князю, т.-е. перенесеніе дѣла по собственной волѣ намѣстника на княжескій судъ, былъ вовсе не обязателенъ, и не былъ опредѣленъ сколько-нибудь точно кругъ дѣлъ, подлежавшихъ докладу: все зависѣло тутъ отъ усмотрѣнія самого намѣстника. Конечно, одна изъ тяжущихся сторонъ могла принести по всякому дѣлу жалобу князю на приговоръ намѣстника и даже начать всякое дѣло непосредственно передъ княземъ, минуя намѣстника, потому что не былъ установленъ порядокъ инстанцій. Чтобы завершить характеристику судебной власти намѣстниковъ, надо прибавить къ сказанному, что въ волостяхъ, гдѣ управляли волостели, въ дворцовыхъ селахъ, гдѣ были свои дворцовые волостели и посельскіе, и

---

[1]) Акты, изд. г. Юшковымъ, №№ 73, 85, 135.

въ вотчинахъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ—духовныхъ и свѣтскихъ—намѣстникамъ принадлежалъ судъ обыкновенно только по самымъ важнымъ, такъ называемымъ «губнымъ» дѣламъ (отъ слова «губить»), именно по дѣламъ о душегубствѣ (убійствѣ), разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ (т.-е. кражѣ, при которой воръ пойманъ на мѣстѣ преступленія). Иногда здѣсь юрисдикція намѣстниковъ была даже уже, касалась только дѣлъ о душегубствѣ. Сами волостели, посельскіе, землевладѣльцы и ихъ приказчики были изъяты изъ подсудности намѣстниковъ и судились непосредственно у самого князя, или у кого онъ прикажетъ въ каждомъ данномъ случаѣ [1]).

Второстепенное значеніе имѣютъ другія функціи намѣстниковъ. Сюда относятся, во первыхъ, нѣкоторыя дѣла, получившія впослѣдствіи названіе «разрядныхъ» и, во-вторыхъ, немногочисленныя и несложныя полицейскія обязанности. Что касается разрядныхъ дѣлъ, то прежде всего надо указать здѣсь на снаряженіе людей на военную службу, а затѣмъ на назначеніе намѣстниками тіуновъ, доводчиковъ, праветчиковъ, пошлинниковъ и пятенщиковъ [2]). Всѣ эти лица, значеніе которыхъ будетъ скоро выяснено, были «людьми» намѣстника, т.-е. назначались имъ изъ числа его собственныхъ холоповъ и дѣйствовали по его порученіямъ. Они служили не государству, а своему господину. Изъ полицейскихъ обязанностей существовали только такія, которыя возникали по спеціальному каждый разъ распоряженію князя; таковы: починка строеній на ямахъ, т.-е. почтовыхъ станціяхъ, отмѣрка земли къ тѣмъ же ямамъ [3]), чистка дорогъ и починка и постройка мостовъ [4]), исполненіе судебныхъ рѣшеній князя и его ближайшихъ помощниковъ [5]). Ни одного изъ этихъ дѣлъ намѣстникъ не предпринималъ по собственной иниціативѣ. Это была самая слабая и наименѣе развитая, вполнѣ рудиментарная отрасль его дѣятельности.

Волостель былъ совершенно подобенъ намѣстнику, только его власть распространялась на одну лишь волость, въ которой при томъ, какъ было сказано выше, губныя дѣла вѣдалъ не волостель, а намѣстникъ.

---

1) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 123, 134, 144, 187, 230; Акты Ист., т. I, №№ 105, 153.

2) Тамъ же.

3) Акты Арх. Эксп., т. I, № 156.

4) Тамъ же.

5) Доп. къ Актамъ Историч., т. I, № 51, II и III.

Ближайшими помощниками намѣстниковъ и волостелей были ихъ тіуны, вершившіе по ихъ порученію судъ и получавшіе съ населенія кормъ и извѣстную долю въ судебныхъ пошлинахъ.

Судебно-полицейское значеніе имѣли доводчики и праветчики или пристава, иногда называвшіеся также подвойскими. Доводчики ставили къ суду отвѣтчиковъ или давали ихъ на поруки, т.-е. обязывали явиться на судъ и требовали поручительства нѣсколькихъ лицъ въ этой явкѣ. Праветчики, пристава или подвойскіе наблюдали за порядкомъ во время судоговоренія и исполняли судебныя рѣшенія. Они получали поборы, соотвѣтствовавшіе по значенію кормамъ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ, особыя пошлины за исполненіе своихъ спеціальныхъ обязанностей—«хоженое», если порученіе имъ давалось въ городѣ, и «ѣздъ», если приходилось ѣхать въ уѣздъ, станъ или волость и, наконецъ, долю въ нѣкоторыхъ судебныхъ пошлинахъ [1]).

Помощниками намѣстниковъ и волостелей въ финансовыхъ дѣлахъ были назначаемые ими изъ своихъ людей пошлинники и пятенщики; первые собирали всѣ вообще пошлины, поступавшіе въ пользу областной администраціи, вторые собирали спеціальную пошлину, взимавшуюся при продажѣ лошадей,—такъ называемое «пятно», получившее свое названіе отъ того, что продававшуюся лошадь «пятнали», т.-е. налагали на нее клеймо. Кто стремился обойти это правило и уклониться отъ уплаты пятна, тотъ подвергался особому штрафу, называвшемуся «пропятенье» и собиравшемуся также пятенщикомъ [2]).

Намъ нечего прибавлять къ сказанному о вѣдомствѣ и значеніи данщиковъ и мытниковъ.

Чтобы заключить рѣчь о характерныхъ, типичныхъ чертахъ областнаго управленія въ удѣльной сѣверо-восточной Руси, остается сказать нѣсколько словъ объ участіи въ этомъ управленіи выборныхъ отъ населенія,—старостъ или сотскихъ, десятскихъ и добрыхъ людей. Сотскихъ, которые хронологически предшествовали старостамъ, нѣкоторые изслѣдователи склонны выводить изъ татарскаго вліянія, которому приписываютъ также при этомъ и образованіе волостной тяглой организаціи—волости или сотни [3]). Едва ли, однако,

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 143, 150, 183, 324, Акты Ист., т. I, № 137.

[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 123, 144.

[3]) Милюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго госуд., стр. 20—21.

можно согласиться съ такимъ взглядомъ, потому что сотскіе и десятскіе существовали и въ кіевской Руси и въ Новгородѣ совершенно независимо отъ татарскаго вліянія и гораздо раньше татарскаго ига. Они были представителями верви, волости, міра, общины. Мы видѣли уже, что сотскіе или старосты и добрые люди раскладывали и собирали намѣстничьи, волостелинскіе и тіуновы кормы, а также поборы праветчиковъ и доводчиковъ; они же производили раскладку и сборъ другихъ податей. Они, несомнѣнно, участвовали также въ судѣ намѣстниковъ и волостелей, были свидѣтелями всего, здѣсь происходящаго, слѣдили за правильностью процесса и интересами сторонъ, были носителями юридическаго обычая. Что такъ было съ начала удѣльнаго періода—это видно изъ упоминанія о нихъ въ одномъ судномъ дѣлѣ XIV вѣка. Наконецъ, сотскіе или старосты и десятскіе вѣдали нѣкоторыя полицейскія дѣла: они вывозили крестьянъ въ черныя волости съ соблюденіемъ установленныхъ условій [1]), оберегали населеніе «отъ лихихъ людей, татей и разбойниковъ» и т. д.

Характеръ кормленія, столь свойственный намѣстникамъ и волостелямъ, постепенно переставалъ соотвѣтствовать интересамъ общества и государства: общество, по мѣрѣ усложненія житейскихъ отношеній, стало нуждаться въ такихъ органахъ власти, которые ближе входили бы въ интересы населенія, а не обращали бы все свое вниманіе на собственные доходы; правительство, съ ростомъ государственныхъ потребностей, не могло удовлетвориться кормленщиками, которые «своего прибытка смотрѣли», почти не заботясь о прибыткѣ государственномъ. И вотъ съ конца XV вѣка власть и значеніе намѣстниковъ и волостелей подвергаются постепенному ограниченію, мѣстами даже и вполнѣ уничтожаются. Прежде всего правительство рядомъ уставныхъ грамотъ точно опредѣляетъ, подвергаетъ отверженію размѣры кормовъ и поборовъ, идущихъ съ населенія въ пользу намѣстниковъ и волостелей: такъ, намѣстникъ сталъ получать въ видѣ корма на Рождество Христово съ каждой сохи полоть мяса или 2 алтына, 10 хлѣбовъ или 10 денегъ, бочку овса или 10 денегъ, возъ сѣна или 2 алтына, на Петровъ день—барана или 8 д. и 10 хлѣбовъ или 10 денегъ, на Пасху—полоть мяса и 10 хлѣбовъ [1]). Вслѣдъ за ограниченіемъ произвола кормленщиковъ въ ихъ поборахъ съ населенія правительство сдѣлало второй шагъ въ

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 123, 134, 144, 181, 230; Акты Истор., т. I, №№ 105 и 153.

дѣлѣ лишенія ихъ прежней полноты власти: оно раздѣлило всѣхъ намѣстниковъ на два разряда,—одни остались при прежнихъ обширныхъ судебныхъ полномочіяхъ или, какъ говорили тогда, имѣли «судъ съ правдою», «держали кормленіе съ боярскимъ судомъ», другіе были сильно ограничены въ своихъ судебныхъ функціяхъ,—имѣли «судъ безъ правды», «держали кормленіе безъ боярскаго суда». Въ нашей исторической литературѣ не достигнуто согласіе въ объясненіи этихъ выраженій; обыкновенно, впрочемъ, судъ съ правдою не отожествляютъ съ боярскимъ судомъ и кормленіе безъ боярскаго суда не сближаютъ съ судомъ безъ правды, а боярскій судъ понимаютъ въ смыслѣ суда по дѣламъ о холопствѣ [1]). Если бы даже и эти толкованія были вѣрны, все-таки не подлежало бы, значитъ, сомнѣнію сокращеніе судебной компетенціи нѣкоторыхъ намѣстниковъ. Но, какъ показываетъ Судебникъ Ивана III, боярскимъ судомъ назывался не только судъ о холопствѣ, но судъ по всѣмъ дѣламъ, производившійся боярами, находившимися въ Москвѣ, т.-е. лицами, принадлежавшими къ составу центральной администраціи; это видно изъ сопоставленія того мѣста Судебника, гдѣ говорится: «а съ великаго князя суда и съ дѣтей великаго князя суда имати на виноватомъ по тому же, какъ съ боярскаго суда, съ рубля по 2 алтына, кому князь великій велитъ»,—со словами: «а имати боярину и діаку въ судѣ отъ рублеваго дѣла боярину на виноватомъ 2 алтына, а діаку 8 денегъ» [2]). Бояре и дьяки въ Москвѣ судили по всевозможнымъ дѣламъ. Слѣдовательно, и намѣстники съ боярскимъ судомъ судили по всѣмъ дѣламъ. Если въ Судебникѣ особо упоминается о подсудности только имъ, а не намѣстникамъ безъ боярскаго суда, дѣлъ о холопствѣ, то лишь потому, что по этому пункту существовало особое сомнѣніе въ практикѣ. Намѣстники съ боярскимъ судомъ имѣли право не только производить слѣдствіе и вести судоговореніе, но и постановлять приговоръ и выдавать «правыя грамоты», документы, обезпечивавшіе права той стороны, которая оказалась на судѣ правой, и дававшіе ей право требовать исполненія приговора: это и называлось «судомъ съ правдой» [3]). Напротивъ, намѣстники безъ боярскаго суда не судили ни

---

[1]) Дмитріевъ, Сочиненія, томъ I, стр. 18—19; Ключевскій, Боярская дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 120—123.

[2]) Акты Историч., т. I, № 105.

[3]) Акты г. Юшкова, №№ 56, 59, 60, 64, 72, 74, 87, 95, 99, 122, 123, 125, 147.

по какимъ дѣламъ, производили лишь слѣдствіе, а дѣла разбирались и вершились до конца въ Москвѣ: это и называлось «судомъ безъ правды». Такъ сильно къ концу XV в. ограничена была судебная компетенція нѣкоторыхъ намѣстниковъ и волостелей: отживавшія учрежденія постепенно теряли свое значеніе.

Дѣло не ограничилось всѣмъ этимъ: въ первой половинѣ XVI вѣка сдѣланы были двѣ важныхъ попытки дальнѣйшаго стѣсненія власти всѣхъ намѣстниковъ и даже частичнаго ихъ уничтоженія. Мы разумѣемъ здѣсь появленіе городовыхъ приказчиковъ и учрежденіе губныхъ старостъ съ цѣловальниками. Въ XVI вѣкѣ въ цѣломъ рядѣ городовъ все чаще и чаще по мѣрѣ приближенія къ половинѣ столѣтія встрѣчаются вмѣсто намѣстниковъ городовые приказчики. Какъ показываетъ самое названіе, это были органы хозяйственнаго происхожденія, совершенно подобные приказчикамъ и посельскимъ, вѣдавшимъ всегда отдѣльныя княжескія имѣнія и села. Городовые приказчики представляли собою, слѣдовательно, органъ хозяйственнаго управленія, перенесенный въ болѣе обширное, чѣмъ прежде, территоріальное цѣлое [1]). Оригинальной чертой ихъ было то, что они выбирались дѣтьми боярскими извѣстнаго уѣзда изъ своей среды. Насъ не должна, однако, смущать эта примѣсь выборнаго начала: она вовсе не превращала городового приказчика въ органъ мѣстнаго самоуправленія, потому что онъ зависѣлъ всецѣло не отъ избирателей, которые ни въ чемъ его не могли контролировать, а отъ центральнаго правительства: выбирая городового приказчика, дѣти боярскія извѣстнаго уѣзда исполняли ту же наложенную на нихъ правительствомъ функцію, какую выполняли крестьяне, выбирая своихъ земскихъ старостъ,—они просто ручались за благонадежность выбраннаго. Въ вознагражденіе за свою службу городовые приказчики получали уже не кормъ, а помѣстья. Вѣдомство ихъ, прежде всего, касалось финансовъ: они разверстывали повинности по сохамъ, правили подати; подобно намѣстникамъ, городовые приказчики вѣдали и судъ [2]). Несостоятельность системы кормленій еще сильнѣе и рѣзче выразилась при введеніи губныхъ учрежденій. Губныя грамоты, т.-е. правительственные акты, учреждавшіе губныхъ старостъ съ цѣловальниками въ различныхъ отдѣльныхъ областяхъ, стано-

---

[1]) Чичеринъ, Областныя учрежденія Россіи въ XVII в., стр. 49, 51.

[2]) Дьяконовъ, Городовые приказчики, — въ „Журналѣ Мин. Народ. Просв.“ за 1900 г., № 1.

вятся намъ извѣстными съ 1539 года [1]) и констатируютъ фактъ умноженія разбоевъ, убійствъ и кражъ, безсилія намѣстниковъ, волостелей и спеціально посылаемыхъ изъ Москвы «обыщиковъ» справиться съ ними и ходатайствъ со стороны населенія о позволеніи поставить изъ своей среды особыхъ выборныхъ лицъ для полицейскаго надзора и суда по важнѣйшимъ уголовнымъ («губнымъ» отъ «губить») дѣламъ. Органами губного управленія были губные старосты, губные цѣловальники (=присяжные: они «цѣловали крестъ», т.-е. присягали), сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе. Старосты выбирались непремѣнно изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, остальные изъ всѣхъ классовъ общества, но выборы всѣхъ органовъ губного управленія производились всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ. Сотскіе (надъ каждыми 100 дворами), пятидесятскіе (надъ 50-ю) и десятскіе (надъ 10-ю) вѣдали исключительно полицейскій надзоръ: осматривали и записывали всѣхъ пріѣзжихъ, «обыскивали въ правду» о ихъ состояніи и благонадежности и т. д. На обязанности старостъ и цѣловальниковъ лежали слѣдствіе, судъ и наказаніе разбойниковъ, убійцъ и воровъ («татей»). Дѣлопроизводствомъ завѣдывалъ особый выборный секретарь—губной дьякъ. Такимъ образомъ самая важная отрасль судебной дѣятельности отошла изъ вѣдомства кормленщиковъ [2]).

Вторая половина XVI вѣка принесла съ собою новыя измѣненія въ областномъ управленіи, опять-таки тѣсно связанныя съ хозяйственными условіями времени и съ соотношеніемъ общественныхъ силъ.

Въ обществѣ, живущемъ при условіяхъ натуральнаго хозяйства, борьба за существованіе направлена главнымъ образомъ къ побѣдѣ надъ природой и въ меньшей степени касается отношеній между людьми и общественными группами. Когда начинаетъ выступать на первый планъ денежное хозяйство, дѣло существеннымъ образомъ мѣняется: обостряются классовыя противорѣчія, и вопросъ объ обладаніи матеріальными благами и о борьбѣ за эти блага становится основнымъ, кардинальнымъ. Соотвѣтственно этому увеличивается число преступленій противъ имущественныхъ правъ, и формируются новыя, болѣе сложныя гражданско-правовыя отношенія. Отсюда является, особенно у правящихъ классовъ—землевладѣльцевъ и капиталистовъ, настоятельная потребность въ развитіи административно-судебныхъ

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 187.

[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 187, 192, 194, 224, 330; Доп. къ Акт. Ист., т. I, № 31.

органовъ, которые въ достаточной мѣрѣ ограждали бы ихъ права и особенно имущественныя отъ покушеній со стороны неимущаго, угнетеннаго меньшинства. Судъ и полиція должны быть поставлены на стражѣ интересовъ господствующихъ классовъ.

Усложнившіяся задачи управленія требуютъ большихъ матеріальныхъ, главнымъ образомъ, уже денежныхъ средствъ. Необходимо усиленное развитіе государственнаго хозяйства, а слѣдовательно и организація финансовой администраціи. Все это осложняется еще обостренной потребностью землевладѣльцевъ-дворянъ въ денежныхъ средствахъ, которыя они пытаются также получить отчасти черезъ посредство государства, какъ вознагражденіе за отправляемую ими государственную службу.

Изъ этихъ условій послѣдовательно и постепенно и вышли реформы мѣстнаго управленія въ Московскомъ государствѣ второй половины XVI вѣка и первый половины XVII столѣтія.

Первая изъ этихъ реформъ—такъ называемое земское самоуправленіе царя Ивана Грознаго. Изслѣдователи справедливо полагаютъ, что первое проявленіе идеи земскаго самоуправленія, замѣняющаго кормленія, надо искать въ земскомъ соборѣ 1550 года [1]). Повидимому, тогда рѣшено было испытать на практикѣ, въ жизни примѣнимость этой идеи, не придавая ей общаго характера, не распространяя начала самоуправленія на всю страну. До насъ дошли двѣ уставныхъ земскихъ грамоты, представляющія собою уцѣлѣвшіе остатки тѣхъ частичныхъ опытовъ, которые производило тогда правительство: это Плесская грамота 28 февраля 1551 г. [2]) и Важская грамота 21 марта 1552 г. [3]) Въ 1552 г. боярской думѣ было поручено разсмотрѣть вопросъ о кормленіяхъ, и 8 ноября 1552 г. „кормленіями государь пожаловалъ всю землю“, а въ 1555 г. былъ изданъ окончательный указъ объ этомъ, который впрочемъ, повидимому, не распространялъ реформы принудительно на все государство, а предоставлялъ отдѣльнымъ мѣстностямъ на выборъ оставаться при старыхъ порядкахъ или переходить къ самоуправленію. Это видно изъ того, что никогда земское самоуправленіе царя Ивана Грознаго не имѣло повсемѣстнаго распространенія въ Россіи.

Уставныя земскія грамоты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ

---

1) Дьяконовъ, Дополнительныя свѣдѣнія московскихъ реформахъ половины XVI в., въ «Журн. Мин. Нар. Прав.» за 1894 г, апрѣль, стр. 192.

2) Тамъ же стр. 191.

3) Акты Арх. Экс., т. I, № 234.

томъ, что земское самоуправленіе введено было подъ вліяніемъ тѣхъ именно хозяйственныхъ и соціальныхъ причинъ, о которыхъ говорено выше; онѣ отмѣчаютъ, что новыя учрежденія вводятся, потому что [1]) посады и деревни „запустѣли“ отъ поборовъ намѣстниковъ, волостелей и подчиненныхъ имъ людей [2]), они „запустѣли“ также „отъ лихихъ людей, отъ татей, и отъ разбойниковъ, и отъ костарей“ [3]), намѣстникамъ и волостелямъ „посадскіе и волостные люди подъ судъ и на поруки не даются и кормовъ имъ не платятъ и ихъ бьютъ“ [4]). Несомнѣнно такимъ образомъ, что правительство вынуждено было оградить безопасность населенія, избавить общины отъ излишнихъ расходовъ по содержанію кормленщиковъ и сгладить ту вражду, которая естественно возникала при старыхъ порядкахъ между правителями и управляемыми. Нельзя при этомъ не признать справедливымъ и то, что правительство имѣло въ виду также свой собственный финансовый интересъ: оно хотѣло добыть деньги для вознагражденія служилыхъ людей за ихъ службу.

Это послѣднее особенно замѣтно изъ того, что, не уничтожая другихъ податей, сборовъ и пошлинъ, правительство обязывало самоуправляющуюся общину вносить въ государственную казну особый оброкъ „за намѣстничьи и за тіуновъ кормъ, и за присудъ, и за праветчиковъ, и за доводчиковъ поборъ, и за всѣ намѣстничьи пошлины, и за всѣхъ пошлинныхъ людей поборы“, [5]) при чемъ этотъ оброкъ платился непремѣнно деньгами и шелъ на жалованье служилымъ людямъ.

Въ вѣдомствѣ излюбленныхъ головъ или излюбленныхъ старостъ или земскихъ судей съ цѣловальниками, выбиравшихся населеніемъ и утверждавшихся органами центральнаго управленія, замѣтными становятся стороны, почти совершенно остававшіяся въ тѣни у намѣстниковъ, волостелей и городсвыхъ приказчиковъ: они вѣдаютъ не только финансы и судъ, но и полицію: наблюдаютъ за безопасностью отъ лихихъ людей, производятъ слѣдствія, призываютъ крестьянъ на поселеніе [6]). Характерно, что устанавливается довольно опредѣленнымъ образомъ и отвѣтственность, — именно матеріальная

---

1) Никоновс. лѣт., подъ 7064 г.

2) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 242,243; т. III № 126.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же.

5) Акты Арх. Эксп. т. I, №№ 234,242,243 т. II, № 52 т. III, №№ 37, 126.

6) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234,250; т. II, № 52; т. III, № 37.

ответственность за недоставку оброка казнѣ и конфискація имущества за сокрытіе лихихъ людей, несправедливости [1] и пр.

Земскія учрежденія XVI в. не сохранились въ XVII-мъ, какъ самостоятельные органы областнаго управленія. Причины этого кроются въ тѣхъ же хозяйственныхъ и соціальныхъ условіяхъ, о которыхъ шла рѣчь выше. Развитіе денежнаго хозяйства требовало сильной и единой власти на мѣстахъ и административной централизаціи. Ничего подобнаго не представляло собою управленіе государствомъ въ XVI вѣкѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно напомнить о крайней пестротѣ, о чрезвычайномъ разнообразіи областныхъ учрежденіи: наряду съ уцѣлѣвшими еще во многихъ мѣстахъ намѣстниками и волостелями существовали излюбленные головы, кое гдѣ стали появляться воеводы и дьяки [2], иногда управленіе областью вѣдали городовые приказчики, наконецъ, кое-гдѣ губные старосты выступали въ роли высшихъ областныхъ правителей. Съ другой стороны, соціальныя отношенія въ Московскомъ государствѣ складывались по принципу крѣпостничества, основывались на началѣ обязанности, прямо противоположномъ принципу права, составляющему основной признакъ всякаго самоуправленія. Крѣпостное общество было неспособно къ самоуправленію, и земскія учрежденія Ивана Грознаго потеряли свое прежнее значеніе.

Сильная власть на мѣстахъ и административная централизація были проведены въ жизнь черезъ посредство назначившихся царемъ высшихъ правителей уѣздовъ—воеводъ, которые получили повсемѣстное распространеніе въ первой половинѣ XVII вѣка. Власть воеводы охватывала всѣ отрасли государственной дѣятельности—судъ, полицію, финансы и военное дѣло [3]. Воевода дѣйствовалъ при помощи цѣлаго ряда подчиненныхъ ему органовъ, къ числу которыхъ принадлежали между прочимъ и губные и земскіе старосты съ цѣловальниками и, наконецъ, земскіе судейки—остатокъ излюбленныхъ головъ, нерѣдко встрѣчавшіеся особенно на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ удѣльной Руси и временами сохранявшіе здѣсь самостоятельность.

---

[1] Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 242, 243, 250; т. III, № 126; Акты Историч. т. I, № 163.

[2] См., напр., Акты Арх. Эксп. т. I, № 235; Акты Истор. т. I, № 146 Акты Арх. Эксп., т. I №№323,327,331,334,337 и др.

[3] Чичеринъ, Областныя учрежденія Россіи въ XVII в., стр. 105—253.

II.

Ликвидація старинныхъ органовъ областного управленія и усложненіе государственныхъ задачъ подъ вліяніемъ экономическихъ и соціальныхъ новообразованій отразились и на организаціи центральнаго управленія, въ которомъ видную роль начинаютъ играть приказы.

Первыя опредѣленныя извѣстія о приказахъ относится къ княженію Василія III, [1]) но приказы несомнѣнно возникли еще въ XV вѣкѣ. Слѣды ихъ существованія замѣтны уже въ Судебникѣ 1497 г. Здѣсь говорится о судѣ бояръ и окольничихъ съ дьяками, т.-е. о судѣ коллегіальномъ по составу. Что эти коллегіальныя судебныя присутствія были именно центральными учрежденіями, приказами,—это видно изъ двухъ мѣстъ Судебника: во-первыхъ, изъ того, гдѣ сказано: «а котораго жалобника, а непригоже управити, и то сказати великому князю»,—*сказати* великому князю могъ только боярин или окольничій, жившій въ Москвѣ; во вторыхъ, то же видно изъ словъ, что вѣдомаго лихого человѣка надо «велѣти казнити смертною казнью тіуну великаго князя московскому» [2])—*московскій* тіунъ могъ получить приказаніе казнить приступника лишь отъ бояръ, жившихъ въ Москвѣ. Итакъ, приказы существовали еще въ XV вѣкѣ. Какъ же они возникли и какіе изъ нихъ существовали до половины XVI вѣка?

До XV вѣка отдѣльныя порученія по дѣламъ центральнаго управленія давались различнымъ дворцовымъ слугамъ, вѣдавшимъ особыя отрасли княжескаго дворцоваго хозяйства, главнымъ образомъ, дворецкому и казначею. По мѣрѣ скопленія въ ихъ рукахъ массы порученій имъ оказалось трудно съ ними справляться, и потому для помощи имъ даны были дьяки (секретари) и подъячіе (писцы). Повторяемость извѣстыхъ порученій повела къ образованію обычнаго круга дѣлъ, вѣдаемыхъ дворецкимъ и казначеемъ съ находившимися при нихъ дьяками и подьячими. Такъ образовались въ своемъ составѣ и вѣдомствѣ два древнѣйшихъ приказа—Дворцовый, названный потомъ приказомъ Большого дворца, и Казенный. Первое упоминаніе о Большомъ дворцѣ въ дошедшихъ до насъ документахъ относится

---

[1]) Акты Арх. Экеп., т. I, № 155.

[2]) Акты Иторич., т. I, № 105.

къ 1512 году [1]), а о Казнѣ къ 1537 г. [2]), но оба приказа упоминаются подъ этими годами, какъ уже давно сложившіяся учрежденія. Большой дворецъ вѣдалъ въ изучаемое время только тѣ дворцовыя села и волости, которыя входили въ составъ старинной вотчины московскихъ князей. Дворцовыя земли вновь присоединенныхъ удѣловъ вѣдались особыми дворцовыми приказами для каждаго изъ нихъ: таковы приказы Тверского дворца, Дмитровскаго дворца [3]), Новгородскаго дворца [4]), во главѣ которыхъ стояли особые дворецкіе. Казенный приказъ вѣдалъ всю денежную и не денежную казну, сборъ налоговъ, даже, повидимому, раздачу земель въ помѣстья [5]). Судъ не былъ сосредоточенъ въ одномъ приказѣ, а входилъ въ функціи всѣхъ ихъ, отчего происходила, конечно, большая путаница въ подсудности, такъ что полной опредѣленности вѣдомства приказовъ не существовало.

Но мало-по-малу скоплялось все большее число новыхъ государственныхъ дѣлъ, требовавшихъ рѣшенія. Необходимо было поручить разработку этихъ дѣлъ и собираніе потребныхъ свѣдѣній и справокъ особымъ административнымъ органамъ. Такъ какъ ближе всего къ этимъ дѣламъ стояли дьяки, присутствовавшіе въ боярской думѣ, то подъ ихъ начальствомъ и образовались нѣкоторые новые приказы. Трудно сказать, какіе именно приказы этого рода сложились до половины XVI вѣка; мы имѣемъ совершенно опредѣленныя свѣдѣнія только объ одномъ изъ нихъ—Разрядѣ, первое извѣстіе о которомъ относится къ 1535 году [6]). Разрядъ или Разрядный приказъ вѣдалъ военное дѣло, всѣхъ служилыхъ людей и былъ, кромѣ того, канцеляріей боярской думы и государя.

Наконецъ, преобразованія въ областномъ управленіи — именно учрежденіе губныхъ старостъ—повели къ появленію перваго судебнаго приказа—Разбойнаго; уже въ 1539 году упоминаются «бояре, которымъ разбойныя дѣла приказаны» [7]). Разбойный приказъ вѣдалъ

---

[1]) Акты Арх. Экси., т. I, № 155.

[2]) Тамъ же, № 183.

[3]) Тамъ же, № 201.

[4]) Тамъ же, № 327.

[5]) Тамъ же, № 230; Акты Ист., т. I, № 147; Акты Арх. Экси., т. I, № 251; Акты Истор., т. I, № 134 III, VII, IV, № 147; А. А. Э., т. I, № № 234,242.

[6]) Древняя Русс. Вивліоѳика, т. 20-й.

[7]) Акты Арх. Экси., т. I, № 187.

контроль органовъ губного управленія, провѣрялъ присылаемые изъ губныхъ учрежденій протоколы слѣдствія и суда, а также списки, точно обозначавшіе доходы губныхъ старостъ. Сюда шелъ докладъ по дѣламъ, которыя не могли рѣшить губные старосты съ цѣловальниками. Наконецъ, нѣкоторыя дѣла поступали изъ губныхъ учрежденій въ Разбойный приказъ на ревизію, т.-е. губные старосты съ цѣловальниками производили только слѣдствіе, записывали въ протоколъ показанія сторонъ и свидѣтелей, а приговоръ постановлялся уже самимъ приказомъ [1]).

Съ половины XVI до половины XVII вѣка наблюдается развитіе появившихся раньше приказовъ и появленіе новыхъ. Такъ сильно развивается дворцовое управленіе. Въ приказѣ Большого дворца сливаются всѣ старые дворцы, завѣдывавшіе дворцовымъ хозяйствомъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ. Въ то же время Большой дворецъ развиваетъ подвѣдомственныя ему учрежденія: во второй половинѣ XVI вѣка впервые упоминаются дворы: сытный, кормовой и хлѣбный [2]), которые сохраняются и въ XVII столѣтіи. Еще въ 1540 г. встрѣчаемъ впервые Конюшенный приказъ [3]), продолжавшій существовать и позднѣе. Въ началѣ XVII в. въ первый разъ упоминаются приказы: Ловчій, Сокольничій и Золотого и серебрянаго дѣла [4]), которые впрочемъ могли возникнуть и раньше. Такъ какъ вторая половина XVII в. прибавила немного новаго въ организацію центральныхъ дворцовыхъ учрежденій—появились лишь Царская и Царицына мастерскія палаты и Панихидный приказъ [5]),—то въ общемъ можно признать систему дворцовыхъ приказовъ законченной уже въ изучаемое нами время.

Къ 1555—56 г. относятся первые слѣды существованія Помѣстнаго приказа, вѣдавшаго служилое землевладѣніе. Понятна потребность, вызвавшая къ жизни это учрежденіе: дѣло было не только

---

1) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 187,192,194,224,330; Доп. къ Арх. Ист., т. I, № 31.

2) Акты Историч., т. I, № 171.

3) Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 444, прим. 3.

4) Акты Историч., т. II, № 355.

5) См. Древняя Росс. Вивліоѳика, т. 20-й; впрочемъ, повидимому, мастерскія палаты существовали уже въ первой половинѣ XVII в.: см. Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. палаты, №№ 33, 37 и 41. Панихидному приказу предшествовалъ въ первой половинѣ XVII в. подьячій, сидѣвшій „у панихиднаго дѣла“: тамъ же, № 58.

въ томъ, чтобы обезпечить служилыхъ людей землей въ интересахъ государственной службы, но и въ томъ, чтобы удовлетворить различнымъ нуждамъ и разрѣшить разные вопросы, касающіеся формъ землевладѣнія и связанной съ ними мобилизаціи земельной собственности, постепенно увеличивавшейся по мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства; болѣе прочныя хозяйственныя и юридическія отношенія человѣка къ землѣ также требовали точнаго опредѣленія, и это содѣйствовало тоже появленію и организаціи Помѣстнаго приказа.

Одновременно съ этимъ усложнились дѣла внѣшней политики, и около того же 1556 года появляется, повидимому, Посольскій приказъ, предназначенный для завѣдыванія иностранными дѣлами.

Новыя хозяйственныя условія подчеркивали необходимость введенія и развитія денежныхъ государственныхъ налоговъ, чему содѣйствовало также расширеніе сферы дѣятельности государства, сопровождавшееся ростомъ государственныхъ потребностей и сопряженныхъ съ ними расходовъ. Немаловажную роль сыграла въ данномъ отношеніи и попытка замѣны кормленій земскимъ самоуправленіемъ, съ чѣмъ соединено было поступленіе особаго денежнаго оброка за намѣстничъ доходъ. По всѣмъ этимъ причинамъ во второй половинѣ XVI в. и въ началѣ XVII-го наблюдается широкое развѣтвленіе центральныхъ финансовыхъ учрежденій. Въ прибавокъ къ старой Казнѣ или Казенному приказу, превратившемуся затѣмъ въ Казенный дворъ [1]), вновь появляется приказъ Большого прихода (въ 50-хъ годахъ XVI вѣка) [2]), четверти или чети и финансовые приказы, — соотвѣтствовавшіе имъ по своему значенію (сюда относятся: Новгородская четверть [3]), Галицкая [4]), Костромская и Устюжская четверти [5]), Казанскій дворецъ [6]) съ выдѣлившемся изъ него впослѣдствіи Сибирскимъ приказомъ, Новая четверть [7]), и, наконецъ, существовавшая въ началѣ XVII в. и потомъ, повидимому, исчезнувшая

---

[1]) Акты Ист., т. II, № 355; Котошихинъ, стр. 59—61.

[2]) Дьяконовъ, Дополнительныя свѣдѣнія о московскихъ реформахъ половины XVI в., «Жур. Мин. Нар. Просв.» за 1894 г., № 4, стр. 196—197.

[3]) Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в., изд. 2-е, стр. 22—23.

[4]) Акты Арх. Эксп., т. II, № 39.

[5]) Акты Историч., т. II, № 355.

[6]) Милюковъ, Государств. хозяйство, стр. 22.

[7]) Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Моск. госуд., стр. 476.

Владимірская четверть[1]); далѣе появляется приказъ Большой Казны [2]), Доимочный приказъ [3]), приказъ сбору пятинныхъ и запросныхъ денегъ [4]) и, наконецъ, Купецкая палата или Казенная соболиная палата [5]).

Подробности происхожденія нѣкоторыхъ изъ этихъ финансовыхъ приказовъ, доказывающія справедливость сдѣланнаго выше общаго замѣчанія о хозяйственныхъ, соціальныхъ и государственныхъ силахъ, вызвавшихъ къ жизни новые органы центральнаго управленія, не возбуждаютъ сомнѣнія: совершенно понятно, напримѣръ, что большое количество недоимокъ по сборамъ податей повело къ учрежденію Доимочнаго приказа [6]); что потребность въ спеціальномъ обложеніи для военныхъ нуждъ создала Приказъ сбору пятинныхъ и запросныхъ денегъ [7]), что Купецкая или Казенная соболиная палата были вызваны къ жизни необходимостью правильно организовать пріемъ, оцѣнку, храненіе, покупку, продажу и раздачу мягкой рухляди, т.-е. мѣховъ [8]).

Можно думать, что приказъ Большой казны выдѣлился изъ Казеннаго двора: въ извѣстномъ документѣ о московскомъ управленіи, составленномъ въ 1610—13 г., упоминается объ отсылкѣ въ Большую казну соболей и лисицъ изъ Казанскаго дворца, а приказа Большой казны нѣтъ, есть только Казенный дворъ [9]).

Спорнымъ является вопросъ о происхожденіи самыхъ важныхъ финансовыхъ приказовъ — Большого прихода и четвертей. Старое объясненіе, сводящееся къ тому, что четверти были не чѣмъ инымъ, какъ остаткомъ старыхъ удѣльныхъ дворцовыхъ приказовъ, территоріальными приказами, унаслѣдованными отъ удѣльнаго времени [10]), въ настоящее время безусловно и вполнѣ справедливо отвергнуто. Неосновательнымъ надо признать также мнѣніе, что четверти обра-

---

1) Акты Историч., т. II, № 355.

2) Древняя Росс. Вивліоѳика, томъ 20-й.

3) Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія, стр. 490.

4) Тамъ же, стр. 481.

5) Поповъ, Вопросъ о приказѣ купецкихъ дѣлъ. — въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за 1889 г., февраль, стр. 248.

6) Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія, стр. 490.

7) Тамъ же, стр. 481.

8) Поповъ, Вопросъ о приказѣ купецкихъ дѣлъ,—въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1889 г., февр., стр. 248—249.

9) Акты Ист., т. II, № 355.

10) Градовскій, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи.

зовались подъ вліяніемъ опричнины[1]): противъ этого говоритъ, какъ тотъ фактъ, что въ 1576 г. Щелкаловъ, дьякъ изъ земщины, управлявшій Разрядомъ, вѣдалъ также и чети [2]), такъ и въ особенности то обстоятельство, что и Большой приходъ и четверти возникли задолго до опричнины [3]). Въ сущности единственнымъ основаніемъ для мнѣнія о связи четей и Большого прихода съ опричниной является существованіе въ концѣ XVI в. приказовъ, имѣвшихъ названія: Дворовый большой приходъ и Дворцовый четвертной приказъ [4]). Однако и этотъ фактъ не говоритъ въ пользу разбираемаго взгляда: дѣло въ томъ, что съ учрежденіемъ опричнины и ея развитіемъ появились на ряду съ приказами въ земщинѣ соотвѣтствующіе имъ приказы въ опричнинѣ, при чемъ, вопреки существующему мнѣнію [5]), послѣдніе составляли не простыя отдѣленія послѣднихъ, а были самостоятельны и находились не въ Москвѣ, а въ Александровой слободѣ [6]). Такими опричными приказами и являлись, очевидно, Дворовый большой приходъ и Дворцовый четвертной приказъ, что не мѣшало одновременному существованію въ земщинѣ особыхъ Большого прихода и четвертей, возникшихъ раньше соотвѣтствующихъ приказовъ въ опричнинѣ.

По другой теоріи, приказъ Большого прихода и четверти выдѣлились изъ вѣдомства приказа Большого дворца вслѣдствіе того, что отъ дворцовыхъ доходовъ отдѣлились государственные, которые перешли къ Большому приходу, а изъ государственныхъ доходовъ въ свою очередь выдѣлились доходы мѣстные, которые и стали вѣдаться четвертями. При этомъ четверти первоначально зависѣли отъ Большого прихода, что доказывается слѣдующими соображеніями: 1) въ 1597 г. Новгородская четь и четь Ивана Вахромѣева получаютъ деньги на расходъ изъ Большого прихода, 2) начальникъ Казанскаго дворца, дьякъ Петелинъ, самъ, собственною властью не налагаетъ

---

[1]) Середанинъ, Сочиненіе Джильса Флетчера.

[2]) Платоновъ, Какъ возникли чети,— въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1892 годъ, № 5, стр. 168.

[3]) Дьяконовъ, Дополнительныя свѣдѣнія о моск. реформахъ, въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1894 г., апрѣль, стр. 196—197.

[4]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 318 и 312.

[5]) Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, стр. 154—155.

[6]) Такъ, напр., въ одной жалованной грамотѣ Кириллову Бѣлозерск. монастырю встрѣчается ссылка на царскую грамоту, „что прислана отъ насъ изъ Александровскія слободы“: Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Бѣлозерск. у., № 835.

прибавки податей на имѣніе В. Щелкалова, и проситъ сдѣлать это дьяка Большого прихода, 3) чети долго остаются подъ начальствомъ простыхъ дьяковъ и лишь потомъ получаютъ начальниковъ изъ думныхъ людей, 4) въ древнѣйшей изъ записныхъ книгъ Разряда денежныя ассигновки, впослѣдствіи дававшіяся на чети, идутъ въ Большой приходъ [1]).

По поводу перваго и четвертаго изъ этихъ соображеній надо замѣтить, что расходованіе суммъ изъ разныхъ приказовъ даже во второй половинѣ XVII в. производились «куда доведетца», «куда царь укажетъ» и т. д. [2]), такъ что въ XVI в. не можетъ быть и рѣчи о сколько-нибудь установившихся въ этомъ отношеніи порядкахъ. Второе соображеніе такъ же не доказываетъ зависимости четвертей отъ Большого прихода, а свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что дѣла о прибавкѣ податей вѣдались не четвертями, а Большимъ приходомъ. По поводу третьяго соображенія надо замѣтить, что и самостоятельные приказы нерѣдко управлялись въ Московскомъ государствѣ простыми, недумными дьяками: такъ, въ 40-хъ годахъ XVII вѣка Помѣстнымъ приказомъ управлялъ простой дьякъ Ѳедоръ Елизаровъ [3]), лишь позднѣе дослужившійся до думнаго дьячества и потомъ до думнаго дворянства [4]). Справедливо указано также, что уже въ 60-хъ и 70-хъ годахъ различались платежи въ четвертной приказъ и въ Большой приходъ, такъ что различались и самыя учрежденія [5]). Нельзя не согласиться и съ замѣчаніемъ, что идея о раздѣленіи кассы поступленій общегосударственныхъ и мѣстныхъ была не по плечу московскому правительству XVI в. [6]). Наконецъ, въ сущности не приведено ни одного доказательства выдѣленія Большого прихода изъ Большого дворца. Такимъ образомъ и разбираемая теорія не выдерживаетъ критики.

Гораздо правильнѣе сближеніе перемѣнъ въ центральномъ финансовомъ управленіи съ извѣстными уже намъ реформами въ областныхъ учрежденіяхъ второй половины XVI в.,—именно съ попытками земскаго самоуправленія, приведшими къ введенію «кормленнаго окупа»,

---

1) Милюковъ, Государств. хозяйство Россіи, стр. 21—22.

2) Котошихинъ, стр. 80, 89, 92.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотчинная 5996/28.

4) Тамъ же, кн. 5997/29, дѣло № 59; кн. 6000/32, дѣло № 2.

5) Платоновъ. Какъ возникли чети,—въ „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1892 года, № 5, стр. 165—166.

6) Тамъ же. стр. 160.

особаго денежнаго оброка за намѣстничъ доходъ [1]), поступавшаго на жалованье „четвертчикамъ“, служилымъ людямъ высшихъ чиновъ, получившимъ ежегодное жалованье „изъ чети“ и отличавшимся отъ низшихъ чиновъ, получившихъ жалованье „съ городомъ“ не каждый годъ [2]). По этой теоріи, сначала существовалъ единый четвертной приказъ, раздѣлившійся въ послѣдней четверти XVI в. на нѣсколько четвертей [3]), первоначально по именамъ дьяковъ, ими завѣдывавшихъ, и потомъ по управляемымъ областямъ. Замѣтимъ, что такое раздѣленіе естественно диктовалось какъ особенностями отдѣльныхъ частей государства, такъ и отчасти потребностью въ ассигнованіи разныхъ доходовъ на отдѣльныя нужды путемъ приписки той или другой четверти къ разнымъ приказамъ или путемъ спеціальныхъ назначеній изъ доходовъ данной четверти на отдѣльныя нужды; при отсутствіи единства кассы дѣленіе на рядъ приказовъ придавало финансовому управленію большую эластичность.

Однако и сторонники приведеннаго объясненія несогласны между собою въ вопросѣ о томъ, изъ какого приказа выдѣлились четверти и какому приказу онѣ были первоначально подчинены. Одни думаютъ, что такимъ приказомъ былъ Разрядъ [4]), другіе считаютъ чети выдѣлившимися изъ вѣдомства казначеевъ [5]). Подчиненность Четвертного приказа Рязряду доказывается слѣдующимъ образомъ: 1) въ извѣстномъ мѣстническомъ дѣлѣ Ѳедора Зюзина съ Ѳедоромъ Нагимъ рязрядный дьякъ А. Щелкаловъ, обязанный справиться у себя въ приказѣ о жалованной грамотѣ на Галичъ и послать ее за своей приписью, поручилъ сдѣлать эту справку четвертнымъ дьякамъ во всѣхъ четвертяхъ; 2) въ 1514 г. грамота, дающая право кирилловскимъ властямъ самимъ платить деньги въ четверть на Москвѣ, подписана Андреемъ Клобуковымъ, который былъ тогда разряднымъ дьякомъ; въ 1577 г. разряднымъ дьякомъ былъ В. Щелкаловъ и явилась его четверть; 4) въ 1578 г. упоминается четь

---

1) Тамъ же и Дьяконовъ, Дополнит. свѣдѣнія о моск. реформахъ,—въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1894 г., апр., стр. 194—195.

2) Сторожевъ, Къ вопросу о четвертчикахъ,—въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1892 г., январь, стр. 204—206.

3) Дьяконовъ, Дополнит. свѣдѣнія о моск. реформахъ,—въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1894 г., апрѣль, стр. 194—196.

4) Платоновъ, Какъ возникли чети,—въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1892 г., № 5, стр. 168 и слѣд.

5) Дьяконовъ, Дополнит. свѣд., въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1894: апрѣль, стр. 195.

Андрея Арцыбашева и Алексѣя Исакова, между тѣмъ какъ Арцыбашевъ былъ въ это время разряднымъ дьякомъ; 5) естественно, что Разрядъ сталъ вѣдать сборы, замѣнившіе кормленіе: вѣдь онъ же вѣдалъ служилыхъ людей службой и кормленіемъ [1]).

Оставляя совершенно въ сторонѣ послѣднее общее соображеніе, которое само по себѣ, взятое отдѣльно съ другихъ наблюденій, ничего не даетъ въ пользу отстаиваемаго взгляда, надо признать столь же мало основательными и всѣ другія: порученіе другимъ приказамъ сдѣлать необходимую справку легко могло быть слѣдствіемъ того, что не нашлось матеріаловъ по данному вопросу въ Разрядѣ; грамота Кириллову монастырю была, вѣроятно, результатомъ рѣшенія боярской думы или самого государя, потому что, какъ увидимъ въ свое время, всякаго рода финансовыя льготы исходили обыкновенно отъ верховныхъ учрежденій; не доказываютъ подчиненія четей Разряду и третье и четвертое соображеніе: совершенно обычнымъ, заурядным явленіемъ было управленіе одного лица двумя и даже иногда болѣе приказами.

Остается такимъ образомъ признать, что четверти выдѣлились изъ вѣдомства казначеевъ, какъ вѣроятно, отсюда же выдѣлился и приказъ Большого прихода. Это подтверждается документально: по указу 1555 г. оброкъ за намѣстничъ кормъ было предписано „сбирать къ царскимъ казнамъ“, а „царскія казны“ вѣдались казначеями; по первымъ уставнымъ земскимъ грамотамъ, дьяки, получающіе оброки за намѣстничъ кормъ,—напр, Угримъ Львовъ и Истома Новгородовъ, оказываются подчиненными казначеямъ; по уставной Двинской грамотѣ 1556 г. дьякъ Путило Нечаевъ вѣдаетъ Двинскую землю уже одинъ и безъ подчиненія [казначеямъ докладываетъ о всѣхъ дѣлахъ государю [2]).

Сдѣланный сейчасъ разборъ вопроса о происхожденіи финансовыхъ приказовъ ставитъ, такимъ образомъ, внѣ сомнѣнія правильность объясненія организаціи центральныхъ учрежденій на основѣ хозяйственныхъ и соціальныхъ явленій и перемѣнъ въ областной администраціи. Развитіе государственныхъ учрежденій органически связывается съ глубокими и важными процессами народной жизни. Незачѣмъ при этомъ предполагать сразу какой-либо особый переворотъ

---

[1]) Платоновъ, Какъ возникли чети,—въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1892 г. № 5, стр. 168—171.

[2]) Дьяконовъ, Дополнит. свѣдѣнія о моск. реформахъ,—въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ за 1894 г., апр., стр. 194, 195, 197, 198.

въ умахъ, новую точку зрѣнія на государство и его назначеніе: нѣтъ основаній думать, что установилось вполнѣ ясно сознаніе о разницѣ между дворцовыми и государственными доходами: просто болѣе поздніе по своему происхожденію налоги повели къ созданію особаго учрежденія, ихъ вѣдавшаго,—Большого прихода, а новый доходъ за намѣстничъ оброкъ въ связи съ производствомъ расходовъ на жалованье четвертчикамъ вызвалъ къ жизни сначала одинъ Четвертной приказъ, а потомъ отдѣльныя четверти, появившіяся подъ вліяніемъ мѣстныхъ бытовыхъ особенностей. Дѣло было вовсе не въ работѣ теоретической мысли; а въ стихійномъ воздѣйствіи новыхъ общественныхъ явленій, къ которымъ правительство приспособлялось, какъ умѣло, создавая для каждой новой финансовой потребности особое учрежденіе.

Денежное хозяйство порождаетъ болѣе сложныя и болѣе тонкія и многообразныя отношенія въ области гражданскаго и уголовнаго права; учащаются гражданскія правонарушенія и уголовныя преступленія. Таковъ же результатъ усложнившихся соціальныхъ отношеній. И потому неудивительно, что въ концѣ XVI в. становятся замѣтными спеціально-судебные приказы—Владимірскій судный и Московскій судный. Сюда же надо отнести съ нѣкоторыми оговорками еще два приказа—Холопій, который извѣстенъ со второй половины XVI вѣка, и Челобитный, упоминаемый подъ именемъ Челобитной избы въ 1575—84 годахъ [1]). Холопій, какъ извѣстно, лишь отчасти судилъ и наказывалъ холоповъ, главнымъ же образомъ вѣдалъ регистрацію ихъ и сдѣлокъ съ ними [2]). Челобитный, помимо исполненія нѣкоторыхъ спеціальныхъ и, можетъ быть, временныхъ порученій [3]), являлся нѣкоторымъ подобіемъ канцеляріи по пріему прошеній, подававшихся лично царю.

Гораздо позднѣе и гораздо въ меньшей степени привлекаетъ вниманіе правительства забота о благоустройствѣ и благосостояніи населенія, и потому соотвѣтствующіе приказы появляются позже приказовъ дворцовыхъ, финансовыхъ и судебныхъ и развиваютъ меньшую дѣятельность. Сюда относится Ямской приказъ, въ 70-хъ годахъ XVI в. выдѣлившійся въ самостоятельное учрежденіе изъ вѣдомства казначеевъ [4]) и завѣдывавшій казенной почтой, т.-е.

---

[1]) Акты Арх. эксп., т. I, № 289.

[2]) Тамъ же и Котошихинъ.

[3]) Оглоблинъ, Къ исторіи Челобитнаго приказа,—въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ за 1892 г., іюнь.

[4]) Гурляндъ, Ямская гоньба въ Моск. государствѣ, стр. 297—298.

служившій непосредственно интересамъ одного только правительства, а вовсе не населенія, что служитъ наглядным доказательствомъ слабаго значенія разсматриваемой отрасли государственной дѣятельности. Съ чисто полицейскими функціями по отношенію къ Москвѣ выступаетъ не ранѣе конца XVI вѣка Земскій дворъ. Заботѣ о благосостояніи населенія въ собственномъ смыслѣ слова посвящали свою впрочемъ весьма скромную дѣятельность приказы Книжнаго и печатнаго дѣла [1]), Каменный [2]) и Аптекарскій [3]).

Необходимость пополнить армію войскомъ спеціальныхъ родовъ оружія повели къ учрежденію новыхъ военныхъ приказовъ—Пушечнаго или Пушкарскаго [4]), Стрѣлецкаго [5]), Иноземскаго [6]) и Казачьяго [7]). Къ числу военныхъ приказовъ первой половины XVII вѣка относятся также приказы Сбора ратныхъ и даточныхъ людей [8]) и Панскій [9]). Относительно послѣдняго надо, впрочемъ, замѣтить, что онъ тождественъ съ Иноземскимъ приказомъ, какъ показываетъ изученіе его вѣдомства [10]).

Остается, наконецъ, отмѣтить, что съ начала XVII вѣка наблюдаются зародыши учрежденія, контролирующаго администрацію, стоящаго на стражѣ законности. Такимъ учрежденіемъ впослѣдствіи до извѣстной степени былъ учрежденный при царѣ Алексѣѣ приказъ тайныхъ дѣлъ. Его предшественниками въ изучаемое нами время являются прежде всего подьячіе государственныхъ тайныхъ дѣлъ, бывшіе уже въ 1614 г. [11]), что, кстати сказать, опровергаетъ неосновательное мнѣніе, будто въ происхожденіи даннаго учрежденія опредѣляющую роль играла личность Филарета [12]): Филаретъ былъ тогда еще въ плѣну. Затѣмъ ту же роль административнаго контро-

---

1) Книги Разрядныя, томъ I, стр. 1037.

2) Тамъ же.

3) Собр. Гос. Грам. и Дог., т. III, № 109.

4) Акты г. Юшкова, № 218; Акты Арх. Эксп., т. I, № 317.

5) Акты г. Юшкова, № 274.

6) Акты Историч., т. II, № 355.

7) Акты Арх. Эксп., т. III, № 100.

8) Древняя Росс. Вивліоѳика, т. 20-й.

9) Книги Разрядныя, т. I, стр. 13.

10) Тамъ же; ср. также Записныя книги Разряднаго приказа въ «Русской Историч. Библіотекѣ», т. X, стр. 346.

11) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Московскаго стола Раздряда, № 890, л. 23 об.

12) Гурляндъ, Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ, стр. 96.

ля [1]) играли, повидимому, такія учрежденія, какъ приказъ приказныхъ дѣлъ [2]), приказъ сыскныхъ дѣлъ [3]) и приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ [4]).

III.

Характеризуя на предшествующихъ страницахъ происхожденіе и отчасти также вѣдомство различныхъ приказовъ въ Московскомъ государствѣ съ половины XVI до половины XVII вѣка, мы имѣли въ виду не подробное изображеніе ихъ дѣятельности—объ этомъ удобнѣе говорить позднѣе, въ связи съ дѣятельностью верховной власти и высшихъ учрежденій по отдѣльнымъ отраслямъ управленія,— а, во-первыхъ, обоснованіе той мысли, что органы центральнаго управленія въ своемъ образованіи и развитіи тѣснѣйшимъ образомъ связаны не только съ областными учрежденіями, но и съ соціальными отношеніями и явленіями въ области народнаго хозяйства, во-вторыхъ, выясненіе нѣкоторой постепенности въ развитіи отдѣльныхъ функцій государственной власти. При всей неточности, неопредѣленности, спутанности вѣдомствъ отдѣльныхъ приказовъ, можно, какъ мы видѣли, различить извѣстную очередь, въ какой организовались учрежденія, чѣмъ отчасти устанавливается планъ дальнѣйшаго изложенія, въ которомъ, впрочемъ, въ виду многосложности дѣлъ, подвѣдомственныхъ отдѣльнымъ приказамъ, придется дѣятельность каждаго изъ послѣднихъ разбить на части и изложить въ разныхъ главахъ.

Теперь-же необходимо формулировать общіе выводы, къ какимъ приводитъ изслѣдованіе вопросовъ, намѣченныхъ въ настоящей главѣ:

1) Въ областномъ управленіи система кормленій была сначала ограничена частичной примѣсью выборныхъ учрежденій со спеціальнымъ назначеніемъ и примѣненіемъ по частямъ хозяйственнаго управленія городовыхъ приказчиковъ, и затѣмъ замѣнена опытомъ земскаго самоуправленія, примѣнявшимся, однако, далеко не повсемѣстно, и, наконецъ, централизованной бюрократіей въ лицѣ вое-

1) Тамъ же, стр. 97 и сл.

2) Русская Историч. Библіотека, т. IX, стр. 470.

3) Олеарій въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. Рос.». за 1868 г., кн. IV, стр. 295; Сторожевъ, Указ. книга Помѣст. приказа, стр. 89; Гурляндъ, Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ, стр. 100.

4) Дворц. Разряды, т. II, 596.

водъ, сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ всѣ отрасли областного управленія.

2) Перемѣны въ областномъ управленіи продиктованы были развитіемъ денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ и сословно-крѣпостнымъ общественнымъ строемъ.

3) Параллельно реформамъ въ областномъ управленіи или вслѣдъ за ними совершалось развитіе центральныхъ органовъ управленія—приказовъ, при чемъ наблюдается извѣстная постепенность въ организаціи отдѣльныхъ отраслей правительственной дѣятельности: раньше и полнѣе всего организуется управленіе дворцовымъ хозяйствомъ и завѣдываніе службой, землевладѣніемъ и внѣшней политикой; почти одновременно, но отчасти уже и позднѣе двинулось впередъ центральное финансовое управленіе; затѣмъ слѣдовала организація центральныхъ судебныхъ учрежденій и военныхъ приказовъ; еще позднѣе и меньше развивались приказы, вѣдавшіе общественное благоустройство и благосостояніе, и, наконецъ, совершенно отсталой по времени и по степени развитія является контролирующая администрацію дѣятельность высшей власти.

4) Центральныя учрежденія подчинялись въ своемъ развитіи не только основному и главному вліянію новыхъ хозяйственныхъ и соціальныхъ явленій въ жизни страны, но и воздѣйствію тѣхъ перемѣнъ, которыя совершились въ областной администраціи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Управленіе разрядными дѣлами до половины XVII вѣка.

I.

Къ числу наиболѣе рано сложившихся отраслей управленія въ Московскомъ государствѣ принадлежало, какъ мы сейчасъ видѣли, завѣдываніе военной службой или, какъ тогда выражались, разрядными дѣлами. Эти дѣла сосредоточивались преимущественно въ одномъ изъ важнѣйшихъ центральныхъ учрежденій—Разрядѣ или Разрядномъ приказѣ. Намъ предстоитъ теперь опредѣлить, поскольку разрядныя дѣла вѣдались верховной властью и органами верховнаго управленія, и поскольку они перешли уже въ руки подчиненныхъ учрежденій—центральныхъ и областныхъ.

Начнемъ съ производства въ разные „чины“, т.-е. съ распоряженій, касающихся распредѣленія служилыхъ людей Московскаго государства по ступенямъ сословной служебной лѣстницы, существовавшей въ то время. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что производство во всѣ чины—отъ высшаго до самого низшаго—всегда совершалось при личномъ участіи царя, которому докладывались всѣ подобныя дѣла и именемъ котораго затѣмъ изъ Разряда объявляли—„приказывали государевымъ словомъ“ или „сказывали“ пожалованія въ высшій чинъ. Мы имѣемъ множество данныхъ въ нашихъ источникахъ о томъ, что самъ государь лично производилъ служилыхъ людей въ чины думные—въ бояре [1]), окольничіе [2]), думные дворяне [3]), думные дьяки [4]). Ему-же принадлежало исключительное и постоянно примѣнявшееся имъ на практикѣ право пожалованія въ московскіе чины—стольники [5]), стряпчіе [6]), жильцы [7]), дворяне московскіе [8]). Онъ, далѣе, назначалъ провинціальныхъ дворянъ и дѣтей

[1]) Дворцовые Разряды, т. I, 120, 170, 174, 206, 208, 299, 438, 505, 507, 532; т. II, 354, 360, 380, 382, 383, 575, 621, 650; т. III, 13, 15, 18, 18—19, 20, 31, 32, 33, 34, 42, 57, 77—78, 87, 108, 116, 117, 218, 225; Рус. Истор. Библ., т. X, 360, 421.

[2]) Дворцовые Разряды, т. I, 197, 299, 392, 410, 494, 508, 532—533, 760, 970; т. II, 294, 354, 360, 653, 743; т. III, 15, 18, 18—19, 20, 31, 32, 33, 34, 42, 49, 66, 74, 86, 87, 110, 116, 117, 118, 134, 145, 151, 181, 226; Рус. Ист. Библ., т. X, 424.

[3]) Дворцовые Разряды, т. I, 100; т. II, 380, 382, 383, 656, 698, 731, 741; т. III, 47, 218.

[4]) Дворцовые Разряды, т. I, 100, 299; т. II, 294, 743; т. III, 55, 113, 236; Рус. Ист. Библ., т. X, 352, 432.

[5]) Рус. Историч. Библіотека, т. X, 115, 180, 182, 188, 203, 344, 357, 360 и т. д.; Москов. Арх. Минис. Юстиц., столбцы Москов. стола Разряда, № 205, л. 6 и об.

[6]) Рус. Ист. Библ., т. X, 128, 165, 180, 181, 189, 190, 203, 206, 214, 216, 354, 357, 358, 359, 367, 368, и т. д.; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда № 72, л. 57 и об., № 205, л. 5 и об.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 890, лл. 27 об., 63 об., 67 об., 270 об., 274 об., № 6, л. 14 и об., № 204, лл. 1 и об., 2 и об., 3 и об., 4 и об., 6 и об., 7 и об., 166 и об., 329 и об., 336 и об., 426 и об., 548 и об., 579 и об., 627 и об. и др.

[8]) Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Моск. стола Разряда, № 6, л. 229 и об., № 47, л. 8 и об., 9 и об., 10 и об., 11 и об. и т. д. № 48, л. 9—10, 14 и об., 15 и об., 16 и об. и др. № 72, л. 20 и об., 22 и об., 24 и об. 25 и об., 26 и об., 27 и об. и др., № 120, л. 31 и об. 32 и об., № 205, л. 1 и об., 3 и об., 10 и об., 15 и об., 21 и об., 22 и об., и др., Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., приказныя дѣла старыхъ лѣтъ, связка 117, № 26; Моск. А. М. Юст., ст. Новг. ст. Разр., № 65, л. 36 и об.

боярскихъ служить „по выбору“ [1]), „по дворовому списку“ [2]), перечислялъ изъ служащихъ „съ городомъ“ въ четвертчики [3]), жаловалъ изъ солдатъ въ городовые дѣти боярскіе [4]), изъ подьячихъ въ дьяки [5]). Неизвѣстно ни одного случая, который представлялъ бы исключеніе изъ этого правила, остававшагося все время неизмѣннымъ, такъ что производство служилыхъ людей въ чины составляло, несомнѣнно, одну изъ неотъемлемыхъ пререгативъ верховной власти, которая имѣла здѣсь непосредственное отношеніе къ каждой частности.

Иныя явленія наблюдаются, если обратить вниманіе на то, какъ и кѣмъ производилось зачисленіе или запись въ службу. Извѣстно, что уже въ XVI вѣкѣ разборъ и верстанье новиковъ, т.-е. поспѣвшихъ на службу, достигшихъ 16-ти лѣтняго возраста дворянъ и дѣтей боярскихъ, производились особыми выборными отъ дворянства каждаго уѣзда окладчиками, подъ предсѣдательствомъ назначеннаго изъ Москвы разборщика, при чемъ результаты этой работы зарегистровывались въ такъ называемыхъ десятняхъ [6]). На разсмотрѣніе высшаго правительства могли поступать только жалобы

---

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разряда, № 47, л. 148 и об., № 48, лл. 7 и об., 82 и об., 183 и об., № 72, л. 17 и об., 54 и об., 58 и об., № 59, л. 57 и об. и друг., № 80, л. 1 и сл., № 183, ст. 2. л. 45 и об., № 199, л. 3 и об., № 205, л. 2 и об., 23 и об., № 219, л. 6 и об., 7 и об., 86 и об., № 223, л. 3 и об.; столбцы Новг. ст. Разр., № 20, л. 20 и сл., 89 и об., № 55, л. 8—9, № 74, л. 122 и об., № 80, л. 264 и об., № 91, л. 47 и об.; ст. Бѣлгор. ст. Разр., № 134, л. 18 и об., № 156, л. 104 и об., № 288, л. 165 и об., № 312, л. 10 и об., № 319, л. 226 и об.; и т. д.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разряда., № 48, л. 184 и сл., № 72, лл. 1 и об., 51 и об., 55 и об., 59 и об. и др., № 59, л. 47, и сл., 50 и сл., 52 и сл., и т. д., № 80, л. 4 и сл., 6 и сл., 8 и сл., и др., № 183, ст. 2, л. 98 и сл., № 219, л. 20 и об., 200 и об., № 222, л. 68 и об., 69 и об.; столбцы Новг. ст. Разряда, № 20, лл. 3 сл., 90 и об., № 69, л. 6 и сл., № 71, л. 48 и об., 49 и об., № 73, л. 19 и сл., № 80, л. 30 и об., № 86, л. 135 и об.. № 91, л. 25 и об., № 93, л. 100 и об.; ст. Бѣлгор. ст. Разряда, № 261, л. 486 и об., № 312, л. 6 и об., № 319, л. 260 и об. и т. д.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородскаго стола Разряда, № 93, л. 19 и об.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородскаго стола Разряда, № 73, л. 29 и сл.

5) Рус. Историч. Библ., т. X, 116, 123.

6) См. Сторожевъ, Десятни, — въ „Описаніи документовъ и бумагъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи“, книга IX, и Десятни XVI в. въ томъ же „Описаніи“, книга VIII.

на неправильность разбора и верстанья. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи функціи подчиненной администраціи выдѣлились изъ высшаго управленія и пріобрѣли самостоятельный характеръ. Однако незавершенность этого процесса не подлежитъ сомнѣнію: дѣло въ томъ, что запись въ службу новиковъ и гулящихъ людей производилась разборщиками и окладчиками лишь въ опредѣленные періоды, между которыми были значительные промежутки; многіе новики и гулящіе люди, желая поступить въ службу, подавали объ этомъ челобитныя до верстанья; въ такихъ случаяхъ ихъ просьбы удовлетворялись обыкновенно съ разрѣшенія самого государя [1]). Впрочемъ и здѣсь къ концу изучаемаго періода замѣтна тенденція въ сторону развитія самостоятельности подчиненныхъ учрежденій и передачи въ ихъ исключительное вѣдѣніе всѣхъ дѣлъ о записи въ службу; только въ этихъ случаяхъ дѣло передается центральному учрежденію—Разряду. Такъ въ 1649 г. сынъ бывшаго сѣвскаго протопопа Рудневъ просилъ записать его на службу въ дѣти боярскіе, и „государь пожаловалъ, велѣлъ указъ учинить“ думнымъ дьякамъ Ивану Гавреневу да Семену Заборовскому да дьяку Григорью Ларіонову [2]), т.-е. судьямъ Разряднаго приказа. Замѣтны такимъ образомъ успѣхи административной техники, ростъ бюрократической самостоятельности.

Но кромѣ служилыхъ людей «по отечеству» были еще служилые люди «по прибору». Таковы были стрѣльцы, пушкари, затинщики, казенные плотники и кузнецы, казаки, драгуны, солдаты и т. д. Какъ они „прибирались“ на службу? Повидимому, по крайней мѣрѣ въ половинѣ XVII в., сложился обычай, по которому «приборъ» производился подчиненными властями, напр., стрѣлецкими головами [3]) или приказомъ (Разрядомъ) [4]), безъ всякаго участія царя и верховныхъ учрежденій. Однако въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось набирать такихъ служилыхъ людей изъ вольныхъ гулящихъ людей, дѣло мѣнялось; тогда все зависѣло отъ рѣшенія самого государя [5]).

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 18, л. 1 и об., № 74, лл. 11 и об., 12 и об. 115 и об., 118 и об., 127 и об., 215 и об., 217 и об., № 91, л. 72 и об.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородскаго стола Разряда, № 306, л. 967 и об.

[3]) Чичеринъ, Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII в., стр. 123.

[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла старыхъ лѣтъ, связка 177, № 14.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. ст. Разряда, № 279, л. 185 и об., № 294, л. 92 и об.

Временные отпуски служилыхъ людей съ военной службы, во время походовъ или при охранѣ границъ государства отъ внѣшнихъ враговъ разрѣшались все время непремѣнно самимъ царемъ [1]). Но когда служилые люди жили по службѣ въ Москвѣ, напр. при дворѣ, то они обыкновенно увольнялись въ отпуски безъ доклада государю рѣшеніемъ приказа, и это наблюдается въ теченіе всей первой половины XVII вѣка, не исключея и его начала [2]). Надо однако же замѣтить, что это не касалось жильцовъ: для того, чтобы получить отпускъ, они испрашивали разрѣшенія самого царя [3]). Безъ сомнѣнія, это объясняется сравнительной важностью этого чина въ лѣстницѣ чиновъ, а также и особымъ положеніемъ жильцовъ въ придворной службѣ, засвидѣтельствованнымъ у Котошихина [4]).

Извѣстно, какую вообще важную общественную и государственную роль играла повинность военной службы въ XVII в. Неудивительно поэтому, что всякаго рода льготы и облегченія по службѣ дѣлались не иначе, какъ по рѣшенію верховной власти: нужно-ли было облегчить тяготу службы отдѣльныхъ разрядовъ служилыхъ людей [5]), или временно освободить кого-либо отъ служебныхъ обязанностей по случаю болѣзни [6]), или личную службу замѣнить доставкой даточныхъ людей [7]),—все это дѣлалось непремѣнно самимъ

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Моск. ст. Разряда, № 840, ст. I, л. 236 и об., столбцы Бѣлгор. ст. Разряда, № 225, л. 23 и об., № 305, л. 222 и об., столбцы Моск. стола Разряда, № 149, л. 38 и об., 163 и об., № 181, ст. 2, л. 1 и об., 2 и об., 3 и об. и др., № 186, лл. 1 и об., 2 и об., и т. д., № 199, л. 5 и об.

[2]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, ст. 2-го разр. Оруж. пал., 7139 ч. № 34, 7140 ч. № 9. ст. Оруж. пал., 7134 ч. № 150, 7139 ч., № 21, 7140 ч. № 136, 7112 ч. № 7, 7157 ч. №№ 12 и 45; Арх. Мин. Юст., столбцы приказнаго ст. Разряда, № 60, л. 290 и об.; столбцы Бѣлгор. ст., № 294, л. 221.

[3]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 1-го разр. Оруж пал., 7158 ч. № 53; Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Бѣлгор. ст. Разряда, № 18, лл. 1 и об., 2 и об., 4 и об., 5 и об., 6 и об., 7 и об., 12 и об., 13 и об., № 87, л. 28 и об.

[4]) Котошихинъ, стр. 21.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородск. стола Разряда, № 191, л. 55 и об.; столбцы Моск. стола Разряда, № 10, л. 1 и сл., 2 и об. и др., № 115, л. 316—317, № 134, л. 47 и об.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разряда, № 101, л. 25 и об., ст. Бѣлгор. ст. Разряда, № 134, л. 222 и об.; ст. Новг. ст., № 74, л. 49 и об.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородскаго стола Разряда, № 100, л. 2 и об.

царемъ. Всякаго рода переводы по службѣ для удобства служащаго обыкновенно также производились по рѣшенію государя: онъ разрѣшалъ быть на службѣ одновременно и вмѣстѣ съ родственниками [1]), переводилъ по службѣ изъ города въ городъ [2]), изъ полковой службы въ городовую (т.-е. въ гарнизонъ) [3]), разрѣшалъ итти на охрану границъ не въ той половинѣ войска, которая дежурила сначала, а въ той, которая шла потомъ, на смѣну первой или на оборотъ [4]). Однако и здѣсь бюрократіи предоставлялась уже нѣкоторая самостоятельность въ менѣе важныхъ дѣлахъ: такъ, если кто-либо просилъ о переводѣ его изъ гарнизона въ дѣйствующую армію, изъ городовой службы въ полковую, то это разрѣшалось безъ доклада государю [5]); здѣсь вѣдь не было облегченія по службѣ, а напротивъ тяжесть служебныхъ обязанностей увеличивалась въ очень значительной степени.

Совершенно понятно также, что отставка отъ службы за старостью, болѣзнями, увѣчьемъ, вообще по какой-либо уважительной причинѣ требовала непремѣнно личнаго рѣшенія вопроса государемъ [6]): московскій служилый человѣкъ обязанъ былъ служить до тѣхъ поръ, пока къ тому была хотя бы малѣйшая возможность.

Гораздо сложнѣе вопросъ о назначеніи на должности.

---

1) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Новгор. ст. Разряда, № 101, л. 35 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Бѣлгор. ст. Разряда, № 132, л. 110 и об., № 134, л. 14 и об, № 139, л. 191 и об., № 161, л. 21 и об., № 181, л. 29 и об. № 191, л. 87 и об., № 258, л. 313 и об., № 275, л. 57 и об., № 279, л. 99 и сл., № 281, л. 20 и об., 31 и об., № 289, л. 106 и об., № 294, лл. 55 и об., 64 и сл., № 305, л. 28 и об., 435 и об., № 303, л. 438 и об., № 336, лл. 120 и об., 185 и об. и т. д.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Новгор. ст. Разряда, № 20, л. 97 и сл.; ст. Моск. стола Разряда, № 6, л. 10 и сл.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгород. стола Разряда, № 119, л. 68 и об., 69 и об., 70 и об., 73 и об., 79 и об., 110 и об. и т. д., № 134, л. 96 и об.; столбцы Моск. стола Разряда, № 171, л. 164 и об.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородскаго стола Разряда, № 24, л. 173 и об.

6) Арх. Мин. Юст., столбцы Приказнаго стола Разряда, № 79, л. 101 и об.; столбцы Моск. ст. Разряда, № 840, ст. 1, л. 247 и об., № 205, л. 4 и об. и др.; ст. Новг. стола Разряда, № 20, л. 43 и сл., № 71, л. 115 и об. № 74, л. 45 и об. № 75, л. 24 и об. № 80, лл. 28 и об., 93 и об., 148 и об., 154 и об., № 83, л. 1 и об., № 86, л. 68 и об., № 91, л. 74 и сл. № 93, л. 34 и об., № 100, лл. 60 и об., 78 и об.; ст. Бѣлгор. стола Разр., № 134, л. 10 и сл., № 230, л. 227 и об., № 236, л. 377 и об. № 319, л. 258 и об. и др.

Можно вообще сказать, что постепенно все яснѣе намѣчалась и рѣзче проводилась демаркаціонная линія, отдѣлявшая функціи подчиненныхъ органовъ отъ дѣятельности верховной власти. На долю верховной власти оставались назначенія только на болѣе важныя должности. Сюда относится прежде всего назначеніе судей приказовъ и ихъ товарищей, а также приказныхъ дьяковъ, которые все время назначались самимъ государемъ [1]). Но уже многіе низшіе чиновники въ приказахъ получали назначеніе отъ судей, стоявшихъ во главѣ этихъ учрежденій, безъ всякаго доклада царю. Такъ по крайней мѣрѣ было въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII вѣка. Отъ этого времени дошелъ до насъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о такомъ способѣ назначенія молодыхъ подьячихъ въ Устюжскую четверть: по приказу главнаго судьи на челобитныхъ лицъ, просившихся въ эту должность, просто помѣчалось: „велѣть быть“, безъ доклада государю [2]). Правда, отъ 1612 г. сохранился фактъ, стоящій какъ будто въ противорѣчіи съ этимъ: молодой подьячій Галицкой чети Богдановъ, назначенный было сидѣть въ чети дьяка Богдана Юдина, за прекращеніе дѣятельности этой послѣдней просилъ вернуть его обратно въ Галицкую четь, и оказывается, что онъ былъ возвращенъ по рѣшенію воеводъ князей Трубецкого и Пожарскаго [3]), которые стояли тогда во главѣ правительства. Однако не надо забывать, что то было необычное время междуцарствія, что кромѣ того рѣчь тутъ идетъ о подьячемъ уничтоженнаго приказа, оставшемся не у дѣлъ не по своей винѣ, а вслѣдствіе распоряженія высшаго правительства, уничтожившаго четь Богдана Юдина, что, наконецъ, это было въ началѣ XVII вѣка, и съ тѣхъ поръ многое могло и даже должно было перемѣниться.

Безъ государя, путемъ простого распоряженія лица, стоявшаго во главѣ приказа, производилось назначеніе въ пристава [4]) и недѣльщики [5]) въ приказы, а также въ сторожа [6]) Но переводчики и

1) Дворцовые Разряды, т. I, 385, 450, 936; т. II, 9, 16 и др.

2) См., напр., Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., св. 108, № 43, св. 133, № 36, св. 45, № 14.

3) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. палаты, 7121 годъ, № 7.

4) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. пал., 7154 г., №№ 1 и 123, 152 г. № 76.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. прик. д. ст. л., св. 44, № 96; Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Окруж. пал., 7156 г., № 32, 7148г., № 55.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. к., св. 41, № 70; Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7153 т., № 72.

толмачи Посольскаго приказа получали назначеніе непосредственно отъ царя [1]) по вполнѣ понятной причинѣ: они играли очень важную роль въ дипломатическихъ отношеніяхъ, въ дѣлахъ внѣшней политики государства.

Когда московскій государь уѣзжалъ изъ столицы, то «вѣдать Москву» оставалась обыкновенно особая комиссія, состоявшая по преимуществу изъ чиновъ боярской думы. Эта комиссія назначалась, конечно, самимъ государемъ [2]). Государь же назначалъ пословъ и посланниковъ въ иностранныя государства [3]), опредѣлялъ составъ «отвѣтной палаты» [4]), т.-е. лицъ, обязанныхъ вести переговоры съ иностранными послами, пріѣзжавшими въ Москву, назначалъ даже тѣхъ, кто долженъ былъ участвовать въ торжественныхъ встрѣчахъ иностранныхъ пословъ при въѣздахъ ихъ въ столицу, и приставовъ при послахъ [5]). Впрочемъ въ 1650 году видимъ, что назначеніемъ для торжественной встрѣчи литовскихъ пословъ распоряжаются судьи Разряднаго приказа [6]): очевидно и здѣсь слагается мало по малу особое вѣдомство подчиненныхъ учрежденій, вполнѣ самостоятельное, что свидѣтельствуетъ о развитіи административной техники.

Въ объѣзжіе головы въ Москвѣ назначеніе шло непосредственно отъ царя [7]); причина заключается въ томъ, что, какъ мы будемъ еще наблюдать и какъ намъ уже отчасти извѣстно, полицейская дѣятельность государственной власти была вообще весьма слабо развита.

Неудивительно, что важнѣйшія порученія по организаціи служилаго сословія, верстанью окладами, разбору и т. д., а такъ же по постройкѣ укрѣпленій давались непосредственно государемъ: такъ, государь назначалъ разборщиковъ [8]) посылалъ «укрѣплять осаду» [9]) или «дѣлать городъ» [10]), «дозирать засѣки» [11]) и т. д.

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. прик. д. стар. лѣтъ, св. 134, № 51, св. 161, № 14, св. 162, №№ 16 и 17, св. 11, № 18.

2) Дворц. Разряды, т. I, 140, 178, 410, 413, 453 и др.

3) Дворц. Разряды, т. I, 187, 325, 366 и др.

4) Дворц. Разряды, т. I, 203, 322, 461, 496 и др.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 45; Дворц. Разряды, т. I, 958—959, II, 25.

6) Дворц. Разряды, т. III, 233—234.

7) Дворц. Разряды, т. II, 328, 370, 536, 603, 653 и др.; Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола № 51, л. I.

8) Дворц. Разряды, т. I, 383, т. II, 248, т. III, 108.

9) Дворц. Разряды, т. I, 299, 660.

10) Дворц. Разряды, т. II, 530, 569.

11) Дворц. Разряды, т. II, 609.

Писцы, переписчики и дозорщики тоже назначались государемъ. [1])

Мы убѣдились такимъ образомъ, что уже въ центральномъ управленіи наблюдается нѣкоторое выдѣленіе самостоятельной дѣятельности подчиненныхъ учрежденій въ сферѣ назначенія должностныхъ лицъ. То же самое можно вывести, изучая способы назначенія областныхъ администраторовъ разныхъ ранговъ.

Полковые и городовые воеводы, [2]) ихъ товарищи, [3]) письменные головы, [4]) вообще важнѣйшія должностныя лица въ области опредѣлялись указами царя. Подьячіе съѣзжей избы напротивъ обыкновенно назначались тѣми приказами, въ вѣдѣніи которыхъ находится данный городъ [5]). То же надо повторить о недѣльщикахъ [6]), сторожахъ и разсыльщикахъ въ съѣзжихъ избахъ, а такъ же о площадныхъ подьячихъ [7]). Полковые воеводы собственною властью назначали войсковыхъ судей [8]), сотенныхъ головъ [9]) и лицъ, завѣдывавшихъ раздачей денегъ служилымъ людямъ [10]). Въ общемъ можно замѣтить, что раздѣленіе функцій органовъ верховнаго и подчиненнаго управленія въ назначеніи областныхъ чиновниковъ и военныхъ начальниковъ было проведено къ половинѣ XVII вѣка даже полнѣе, чѣмъ въ назначеніи лицъ, служившихъ по центральному управленію.

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. дѣла ст. л., св. 161, № 15.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., приказ. дѣла старыхъ лѣтъ, св. 18, № 3, св. 126, № 39, св. 147, № 25, св. 170, № 88; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгород. ст., № 541, № 914, л. 11; столбцы Моск. ст., № 74, № 176, л. 60 и др.; Дворцовые Разряды, т. I, 90, 91, 95, 107, 115, 123, 142, 162, 170, 172, 177, 181, 183, 186, 199, 200, 201, 205, 227, 228, 249, 256, 266, 272—273, 277, 304, 323, 341, 388, 433, 436, 439, 440, 443, и т. д.; Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Бѣлгород. ст., № 24, л. 387 и об., № 78, л. 53 и об.; ст. Новг. ст., № 89. л. 1. и 11, № 92, л. 4 и об. и т. д.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столб. Моск. стола Разр., № 840, ст. 1, л. 232 и об.; Дворц. Разр. т. I, 327, 629.

4) Дворц. Разряды, т. I.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 168, № 72, св. 38, № 6, св. 45, №№ 6 и 8, св. 59 № 80; Моск. Арх. Мин. Юст. столцы Бѣлгород. ст., № 118, л. 147 и об.; ст. Новгор. стола, № 80, л. 41 и сл.

6) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола, № 80, л. 18 и об.; столбцы Бѣлгород. ст., № 294, л. 99 и об.

7) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. цолаты, 7153 г., № 28.

8) Дворц. Разряды, т. II, 681.

9) Дворц. Разряды. т. I, 263.

10) Дворц. Разряды, т. I, 263.

II.

Кромѣ назначеній, увольненій, переводовъ, повышеній, отпусковъ и облегченій по службѣ, къ числу разрядныхъ дѣлъ принадлежали еще верстанье окладами, придача къ окладу и справка придачи.

Верстанье окладами лицъ, начинавшихъ службу въ думныхъ чинахъ, т.-е. принадлежавшихъ къ наиболѣе знатнымъ фамиліямъ, производилось даже и въ концѣ XVII вѣка самимъ государемъ, по спеціальному каждый разъ его указу [1]). То же надо повторить для первой половины XVII в. и о московскихъ чинахъ, напр., стольникахъ [2]), жильцахъ [3]). Верстанье окладами переводчиковъ и толмачей Посольскаго приказа также входило въ кругъ дѣлъ, обычно исполняемыхъ царемъ лично [4]). То же самое наблюдается и въ назначеніи погоднаго жалованья подьячимъ, ранѣе его не получавшимъ [5]).

Гораздо болѣе сложнымъ является вопросъ о верстаньѣ окладами городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Это сложное дѣло потребовало уже въ XVI вѣкѣ организаціи на мѣстахъ подъ руководствомъ центральныхъ учрежденій: комиссія окладчиковъ подъ предсѣдательствомъ разборщика и вѣдала его, занося результаты своей работы въ десятни. Повидимому, обычнымъ порядкомъ и являлось въ XVI и XVII вѣкахъ именно такое верстанье окладами, которое при томъ считалось и окончательнымъ, не подлежавшимъ дальнѣйшему пересмотру въ порядкѣ ревизіонномъ. Однако возможныя злоупотребленія и ошибки можно было обжаловать, и тогда рѣшеніе зависѣло отъ государя. Вотъ характерный примѣръ, доказывающій это положеніе. Въ 1631 г. Хотяинцовъ и Пушинъ били челомъ о слѣдующемъ: Каширу велѣно было разбирать окольничему князю Волконскому и дьяку Костюрину; старые окладчики поверстали челобитчи-

---

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 762, ст. 3, л. 140, 141—143, № 943, л. 68, 149 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разряда, № 65, л., 7 и сл., ст. Бѣлгород. стола Разр., № 119, л. 83 и об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разряда, № 839, № 840, ст. 1, л. 1 и об., № 856, л. 7—14, № 890, л. 33 и об. и др.

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. дѣла ст. л., св. 5, № 6, св. 18, № 40, св. 24, № 28, св. 46, № 24, св. 94, № 74.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгород. стола, № 115, л. 523 и об., № 123, л. 261 и сл., № 128, л. 789 и об., № 170, л. 226 и об.

ковъ въ первую статью, а одинъ изъ новыхъ окладчиковъ — Александровъ—по недружбѣ къ Хотяинову и Пушину занесъ ихъ во вторую статью; по этому поводу между окладчиками возникъ споръ, и разборщикъ отписалъ къ государю; челобитчики просятъ справиться о службѣ ихъ отцовъ и записать ихъ въ первую статью. На челобитной помѣчено: «государь пожаловал, велѣл дат грамоту, а велѣт поверстат, кому они в версту» [1]).

Мы имѣемъ однако рядъ фактовъ, относящихся и къ началу XVII вѣка и къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ и свидѣтельствующихъ, что самъ государь нерѣдко верставалъ окладами городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ [2]). Безъ сомнѣнія, это дѣлалось въ промежутки между составленіемъ десятенъ по одному и тому же уѣзду. Однако характерно для исторіи административной техники въ Московскомъ государствѣ, что и въ этихъ случаяхъ верховная власть стала стремиться къ самооблегченію, къ передачѣ своихъ функцій въ руки подчиненныхъ учрежденій—приказовъ и воеводъ. И мы наблюдаемъ поэтому нерѣдко въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ верстанье городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ окладами, производимое Разряднымъ приказомъ безъ доклада государю [3]). Можно замѣтить даже, что это становится постепенно обычаемъ въ силу повторенія спеціальныхъ порученій, даваемыхъ царемъ приказу или воеводѣ. Такъ въ 1640 году Карщиковъ, отецъ котораго служилъ по Каширѣ, а самъ онъ, неверстаный, служилъ въ Тулѣ въ солдатахъ, просилъ поверстать его денежнымъ жалованьемъ и помѣстнымъ окладомъ по Тулѣ, кому онъ въ версту; изъ помѣты на челобитной видно, что государь не опредѣлилъ самъ оклада, а передалъ дѣло воеводѣ: «государь пожаловал, велел дат грамоту на Тулу велет поверстат» [4]). Другой примѣръ указываетъ на передачу

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола, № 51, лл. 107 и об.—108.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 55, л. 16 и сл., 201 и об., № 73, л. 65 и сл., № 74, л. 63 и об. и др., № 80, л. 71 и сл., № 91, л. 94 и об. и др., № 93, л. 33 и об., № 100, л. 72 и об., № 101, л. 19 и сл., 78 и сл., № 102, л. 7, и об., столбцы Бѣлгор. ст., № 211, л. 55 и об., № 236, л. 960 и об., № 242, л. 213 и об., № 281, л. 25 и об., № 288, л. 199 и об., № 305, л. 90 и об., № 304, л. 329 и об., № 319, л. 252 и об. и др., столбцы Моск. ст. Разр., № 6, л. 191 и сл., № 161, л. 1 и сл., № 220 и др.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разр., № 73, л. 104 и об., № 75, л. 114 и об. и др., № 83, л. 88 и об., 91 и об.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгород. стола Разр., № 119, л. 44 и об.

дѣла царемъ приказу: на челобитной Любима Биглова 1651 года значится помѣта: «государ велѣл поверстат помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ думному дворянину Івану Ѳанасьевичу Гавреневу да діаком думному Семену Заборовскому да Григорью Ларіонову да Івану Сѣверову», которые и положили резолюцію: «учинит оклад 300 чети, денег съ городом 12 рублев» [1]). Любопытно при этомъ отмѣтить въ качествѣ переходнаго момента къ полной самостоятельности подчиненныхъ учрежденій въ дѣлѣ верстанья окладами и жалованьемъ слѣдующій документъ: въ 1640 г. ряжскій воевода писалъ, что онъ, по грамотѣ изъ Разряда, поверсталъ окладомъ и жалованьемъ ряжскаго новика, сына священника Германова, при чемъ окладъ ему учинилъ 200 четвертей, а жалованье съ городомъ назначилъ 6 рублей; по этому поводу «государь пожаловал, велѣл оклад учинит 150 четьи, денег пят рублев, в Рязском писат верстаньем глупостью поповых дѣтей в большую статью, і будѣтъ станешь впред такъ верстат, і тебѣ бы такъ не дѣлат» [2]). Стало быть, верстанье воеводы здѣсь подлежало еще пересмотру государя, не превратилось въ постоянную и самостоятельную административную функцію воеводской власти.

Отдѣленіе подчиненныхъ учрежденій отъ верховныхъ въ дѣлѣ верстанія окладами и жалованьемъ проникло и въ сферу дворцоваго управленія. И здѣсь разные мелкіе служащіе по дворцу получали жалованье по рѣшенію подчиненныхъ органовъ, безъ доклада верховной власти, которая уже совершенно не вмѣшивалась въ это дѣло. Этимъ объясняются такіе факты, какъ назначеніе въ 1639 г. жалованья портному мастеру мастерской палаты «по приказу стряпчева съ ключемъ» [3]), какъ опредѣленіе Дворцомъ въ 1637 г. сѣнному сторожу [4]) и истопнику царицы [5]) годового денежнаго жалованья. Царицыны дѣти боярскіе, какъ показываютъ факты 1627 и 1631 годовъ [6]), верстались окладами тоже не лично царемъ, а въ приказѣ Большого дворца. Первый изъ этихъ фактовъ любопытенъ еще по тому, что отмѣчаетъ начало и способъ передачи данной функціи органамъ подчиненнаго управленія: на челобитной сына боярскаго

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола, Разр. № 101, л. 39 и об.
2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 161, л. 6 и об.
3) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7147 г., № 17.
4) Тамъ же, 7145 г., № 21.
5) Тамъ же, 7145 г., № 23.
6) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7139 г., № 111.

Богаткова, просившаго поверстать его окладомъ, помѣчено: «государь пожаловал велѣл ево поверстат. И по верстанью Федора Стеновича Стрешнева учинен ему оклад двѣсте пятдесят чети, денег девят рублев»; [1]) здѣсь государь едва ли не впервые поручаетъ это дѣло подчиненному администратору, который и исполняетъ его вполнѣ самостоятельно. Подобные факты являлись прецендентами для рѣшенія другихъ такихъ же вопросовъ.

Параллельный и соотвѣтствующій только что разсмотрѣнному случай представляетъ собою поверстаніе окладомъ государева „завязошника“ Андреева въ 1626 г.: здѣсь „государь пожаловал, велѣл поверстать, примѣряс к иным [2])“.

Понятное дѣло, что если приходилось имѣть дѣло съ служащими по дворцу, получавшими особыя, спеціальныя назначенія, не совсѣмъ обычныя въ практикѣ дворцоваго управленія, то назначеніе имъ окладовъ и жалованья не могло состояться безъ царя. Вотъ почему самъ государь назначилъ поденный кормъ принятому въ 1650 году на службу французу Потивину, граверу, виноградарю, садоводу и „водовзводнаго дѣла“ мастеру [3]), и онъ же опредѣлилъ въ 1649 году помѣстный и денежный окладъ „самопальнаго узорочнаго дѣла мастеру Вилиму Когему [4])“.

Въ Московскомъ государствѣ установился обычай выдавать единовременное денежное вознагражденіе русскимъ плѣнникамъ, вернувшимся изъ плѣна, „за полонное терпѣнье“, иностранцамъ, поступившимъ въ русское подданство,—„за выходъ“, тѣмъ, кто захватилъ во время войны „языковъ“, т. е. плѣнныхъ, показаніями которыхъ пользовались для военныхъ цѣлей („язычное жалованье“ или „язычныя деньги“), тѣмъ, кто былъ раненъ на войнѣ и нуждался въ лѣченіи. Безъ сомнѣнія, сначала всѣ эти спеціальныя единовременныя выдачи производились самой верховной властью, отъ которой всецѣло зависѣло и опредѣленіе ихъ размѣровъ. Но въ XVII вѣкѣ, особенно къ тридцатымъ годамъ и позднѣе, наблюдается уже совершенно иной порядокъ: все рѣшаютъ подчиненные административные органы, которые и помѣчаютъ на подаваемыхъ челобитныхъ: „дать ему государева жалованья выходнова“ столько-то [5]), „дать госуда-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. палаты, 7135 г., № 67.
[2]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. палаты, 7134 г., № 34.
[3]) Тамъ же, 7158 г., № 92.
[4]) Тамъ же, 7157 г., № 75.
[5]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 8, № 4, св. 33, №

рево жалованье язычное по указу [1])", „дат ему государева жалованья за полонное терпѣнье" такую-то сумму [2]), „осматриван, дат на лечку 4 рубля [3])".

Въ награду за службу, раны, плѣнъ („полонное терпѣнье") служилые люди Московскаго государства получали обыкновенно прибавки или „придачи" къ окладу. До насъ дошелъ отъ XVII вѣка весьма обильный матеріалъ, свидѣтельствующій о томъ, какою властью производились такія придачи. Оказывается, что въ первой половинѣ вѣка въ большинствѣ случаевъ это было предметомъ дѣятельности самого царя, независимо отъ того, къ какому чину принадлежалъ служилый человѣкъ, получившій придачу: такъ было съ боярами, окольничими, вообще съ думными людьми, съ жильцами и другими лицами московскихъ чиновъ, съ дьяками и подьячими приказовъ, съ толмачами и переводчиками, съ провинціальными дворянами и дѣтьми боярскими, со стрѣльцами и казаками, съ царицыными дѣтьми боярскими, со „ствольными мастерами" и т. д. [4]). Приводимъ нѣсколько типическихъ въ этомъ отношеніи примѣровъ. Согласно просьбѣ „ружейнаго приказу ствольнаго мастера" Аѳанасьева повысить ему годовое жалованье съ 6 до 9 р., „государь пожаловалъ", велѣлъ дать ему придачу [5]). Въ 1640 г Фустовъ и подьячій Ломакинъ просили о помѣстной и денежной придачѣ за посылку въ

75; Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Приказ. ст. Разр., № 20, лл. 6—7, 13 и сл., 19 и сл., 28 и сл., 35 и сл., № 24, л. 1 и сл., 7 и сл., 21 и сл., 165 и сл., и т. д.

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разряда, № 68, л. 61 и сл., 87 и сл., и т. д., № 78, л. 12 и сл. и др.

[2]) Мос. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 13, № 35; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разряда, № 71, л. 14 и сл.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разряда, № 70, л. 1 и 2; ср. л. 4 и об., 18 и об.; № 71, л. 19 и сл., 29 и сл. и т. д.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 77, л. 38 и об. и др., № 91, л. 70 и об. и др., № 93, л. 35 и об. и др., № 100, л. 32 и сл., столбцы Бѣлгородс. ст. Разряда, № 105, л. 26 и об., № 242, л. 224 и об., № 264, л. 53 и сл. и др., № 267, л. 49 и сл., № 294, л. 33 и об., № 131, л. 54, № 134, л. 59 и об., № 188, л. 95 и об., № 291, л. 200 и об., № 303, л. 515 и об., № 317, л. 316 и об. и др., № 319, л. 521 и об. и др.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 108, № 43, св. 120, № 73, св. 122, № 20, св. 143, № 13, св. 161, № 103, св. 176, № 13, св. 186, № 90; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 59, л. 445 и сл., 463 и об., № 113, л. 8 и сл. и др., № 184, ст. 1, л. 1 и об., № 183, ст. 2, л. 114 и об., № 205, л. 13 и об., № 223, л. 4 и об. и т. д.

[5]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. пал., 7158 г., № 106.

Крымъ; государь велѣлъ выписать и доложить себя, государя, а затѣмъ далъ придачу обоимъ [1]). Въ 1633 г. помѣстную и денежную придачу воеводамъ за походъ пожаловалъ государь личнымъ своимъ распоряженіемъ [2]).

Денежная и помѣстная придача къ окладу была, какъ видно изъ предыдущаго, не чѣмъ инымъ, какъ видомъ награды за службу служилаго человѣка. Если самъ государь награждалъ воеводъ за службу кубками, шубами, золотыми [3]), то понятно, что онъ же долженъ былъ давать имъ награды путемъ назначенія придачъ къ окладамъ. Однако потребность въ расширеніи бюрократической машины и облегченіи хода ея работы, вызываемая обремененностью верховной власти множествомъ мелкихъ дѣлъ, все болѣе увеличивавшихся числомъ и усложнявшихся подъ вліяніемъ житейскихъ условій, заставила и здѣсь постепенно устанавливать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самостоятельное положеніе для подчиненныхъ органовъ администраціи. Въ 1636 г. служилымъ людямъ провинціальнымъ за смоленскую службу придача дана была безъ государя [4]). Въ 1638 г. безъ спеціальнаго государева указа былъ награжденъ придачей подьячій Устюжской четверти Марковъ [5]). Въ 1648 г. на челобитной головы усердскихъ казаковъ о придачѣ читаемъ помѣту: „учинит государева жалованья придачи“ столько-то [6]). Въ 1640 г. „казначей Павел Иванович Волынской приказал молодому подьячему Павлу Григорьеву прибавит государева жалованья къ прежнему ево окладу к дву рублем три рубли“ [7]). Этого мало: не позднѣе 1629 года молодымъ (т.-е. младшимъ) подьячимъ разныхъ приказовъ по общему правилу стали давать придачи къ окладамъ ихъ начальники—приказные дьяки; это видно изъ слѣдующей помѣты на челобитной молодого подьячаго Галицкой чети Редрикова: „по государеву указу

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., приказ. дѣла старыхъ лѣтъ, св. 120, № 69.

[2]) Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 34, л. 32 и сл.

[3]) Дворцовые Разряды, т. I, 103, 175, 180, 207, 209, 314, 353, 386, 408 и т. д.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 60, л. 14 и сл., № 65, л. 65 и сл.

[5]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Д., приказныя дѣла старыхъ лѣтъ, св. 108, № 43.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. стола Разряда, № 267, л. 40 и слѣд.

[7]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. пал., 7148 г., № 17.

вашей братьи прибавливают жалованья смотря по дѣлу дьяки, которые вас у дѣла знают“ [1]). Наблюдаемъ опять выдѣленіе сферы подчиненнаго управленія и въ процессѣ происхожденія: когда подьячій Галицкой чети Невѣровъ просилъ поверстать его придачей, государь не рѣшилъ дѣла, а передалъ его въ приказъ: „велѣлъ поверстат денежным и помѣстным окладом, кому он вверсту“ [2]).

Недостаточно было получить указъ о придачѣ, надо было, чтобы она была зарегистрирована, „справлена“. Эта „справка придачи“ также требовала дѣятельности властей, и для нашей цѣли опять таки имѣетъ значеніе вопросъ, какъ слагалась административная техника, какія власти вѣдали справку придачи въ изучаемое нами время, особенно въ 40-мъ и 50-мъ годамъ XVII вѣка.

Справка придачи вѣдалась непосредственно царемъ весьма рѣдко и то лишь въ началѣ XVII столѣтія. Можно даже по нѣкоторымъ даннымъ заключить, что и въ это время она практиковались самой верховной властью только въ исключительныхъ случаяхъ. Это видно съ особенной ясностью изъ того, что тѣ немногочисленные факты, которые сюда относятся, всѣ касаются справки придачъ, своевременно неисполненной, при томъ придачъ, данныхъ въ Смутное время и потому совершенно не провѣренныхъ. Вотъ почему въ такихъ случаяхъ, относящихся къ 1616 и 1617 годамъ, дѣло восходило до государя, и онъ приказывалъ произвести справку „до болшово сыску“, до генеральной, общей провѣрки правъ просителей на придачи [3]). Что эта специфическая особенность разсматриваемыхъ дѣлъ (именно, полное отсутствіе справки въ прошломъ и крайняя ея запоздалость) имѣли тутъ опредѣляющее значеніе въ смыслѣ направленія ихъ на усмотрѣніе верховной власти,—это подтверждается тѣмъ, что въ 1614 и 1615 годахъ, не говоря уже о болѣе позднемъ времени, справки придачъ, не имѣвшихъ указанныхъ особенностей, производились безъ какого-либо участія царя, простымъ распоряженіемъ Разряда [4]). Позднѣе же 1617 года мы не встрѣчаемъ ни одного случая разсмотрѣнія вопроса о справкѣ придачи царемъ. Въ этомъ

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. палаты, 7137 г., № 67.

[2]) Тамъ же, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7127 г., № 74.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 883, л. 65—67, № 901, 41 и сл., 53—58.

[4]) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 18, л. 170 и об., № 55, л. 248 и об., 249 и об.; столбцы Моск. ст. Разряда, № 890, лл. 1—3, 12—4, 17—18, 36—39, № 901, л. 70 и об. и мн. др.

отношеніи окончательно установилось опредѣленное и самостоятельное вѣдомство подчиненнаго учрежденія.

III

Мы убѣдились, такимъ образомъ, что многочисленныя и довольно разнообразныя дѣла, объединявшіяся на московскомъ государственномъ языкѣ подъ общимъ названіемъ „разрядныхъ“ дѣлъ, къ половинѣ XVII вѣка въ довольно значительной степени перешли въ вѣдѣніе органовъ подчиненнаго, главнымъ образомъ центральнаго управленія. Правильность этого вывода и дѣйствительное значеніе совершавшейся постепенно перемѣны въ административной техникѣ выяснится еще съ большей полнотой, если обратить вниманіе на то, что въ вѣдомствѣ Разряда еще въ первой половинѣ XVII вѣка сосредоточились нѣкоторыя другія, неуказанныя выше разрядныя дѣла, которыя исполнялись этимъ приказомъ вполнѣ самостоятельно безъ сношеній съ верховной властью, безъ ея указанія, разрѣшенія или утвержденія. Сюда относятся, какъ показываютъ, напр., записныя книги Разряднаго приказа, выдачи наказовъ вновь назначаемымъ воеводамъ и грамотъ о росписке старымъ, смѣняемымъ [1]). Безъ сомнѣнія, то и другое было первоначально дѣломъ, не проходившимъ мимо царя и боярской думы, но въ XVII столѣтіи участія перваго и второй въ соотвѣтствующей работѣ Разряда уже совершенно незамѣтно. Не нужно было уже также въ изучаемое время и особаго спеціальнаго указа государя о необходимости собрать въ Разрядѣ, Пушкарскомъ, Иноземскомъ и другихъ военныхъ приказахъ свѣдѣнія, касающіяся состоянія военныхъ силъ государства. Тѣ-же записныя книги Разряднаго приказа свидѣтельствуютъ, что составленіе „годовой смѣты“ числа служилыхъ людей по даннымъ разныхъ приказовъ и сборъ изъ Пушкарскаго приказа свѣдѣній о „нарядѣ“ и вообще боевыхъ артиллерійскихъ снарядахъ и запасахъ [2]), входили въ кругъ постояннаго и самостоятельнаго вѣдѣнія Разряда.

Гораздо болѣе многообъемлющей, какъ это впрочемъ и естественно, оставалась непосредственная дѣятельность верховной власти и высшихъ учрежденій по большей части военныхъ дѣлъ въ ближайшемъ смыслѣ этого слова.

---

1) Русская Историч. Библіотека, т. X, 115, 130, 132, 133, 161, 166, 188, 205—206, 221, 224, 225, 235 и т. д.

2) Тамъ же, 124, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 134, 146, 147, 148, 149, 183, 185, 216, 217, 218 и т. д.

Было бы большой ошибкой думать, что главнокомандующіе въ московскомъ государствѣ являлись самостоятельными вождями и руководителями ввѣренныхъ имъ армій. На самомъ дѣлѣ арміи въ сущности имъ никогда не ввѣрялись, и военныя дѣйствія находились подъ бдительнымъ и мелочнымъ контролемъ, надзоромъ и руководствомъ царя и боярской думы. Полковые воеводы „отписывали“ царю обо всякой мелочи, о показаніяхъ лазутчиковъ, о поимкѣ „языковъ“, т. е. плѣнныхъ изъ непріятельской арміи или жителей мѣстности, гдѣ происходила война, знавшихъ о положеніи непріятеля, о ничтожныхъ передвиженіяхъ и стычкахъ и ждали постоянныхъ указаній для того, чтобы хотя на шагъ двинуться впередъ. Но всѣмъ подобнымъ дѣламъ мы постоянно встрѣчаемъ помѣты о томъ, что дѣло слушали и рѣшили государь и бояре [1]), государь и патріархъ [2]), что отписка воеводъ „чтена“ царю [3]), что та или другая мелочь „перед государем чтена і то вѣдомо“ [4]) и т. д.

Не меньше вниманія удѣляла верховная власть различнымъ подробностямъ, имѣвшимъ отношеніе къ аккуратной явкѣ служилыхъ людей въ полки и къ пополненію арміи добавочными людьми. Вотъ типическіе примѣры, иллюстрирующіе такую внимательность къ военно-техническимъ деталямъ. Въ апрѣлѣ 1628 г. воеводы князь Барятинскій и Чемодановъ и дьякъ Волковъ изъ Вязьмы сообщили, что къ нимъ пріѣхало на службу столько-то служилыхъ людей, и въ Разрядѣ была сдѣлана помѣта: „выписат тотчас въ доклад“ [5]). То же самое повторилось затѣмъ въ маѣ [6]) и августѣ [7]) 1628 года. Въ 1644 г. самъ царь распорядился увеличить число пушкарей, воротниковъ и затинщиковъ въ Яблоновѣ.

Далѣе, безъ указа самого государя не обходилось ни одна не только постройка, но и починка укрѣпленій. И при томъ такъ было

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 3, л. 11, № 17, л. 47 и об., № 39, л. 65 и об., 114 и об., № 58, л. 332 и об.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст., № 72, л. 135 и об.; столбцы Моск. ст. Разр., № 79, лл. 196—197, 200 и об., 203 и об. и т. д.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказнаго стола Разряда, № 40; ст. Бѣлгор. стола, № 501, л. 55 и об.

[4]) Моск. Ар. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разряда, № 68, л. 236 и об., 240 и об.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 17, л. 157 и об.

[6]) Тамъ же, л. 214 и об.

[7]) Тамъ же, л. 217 и об.

не только съ большими, серьезными крѣпостными сооруженіями, но даже съ самыми ничтожными. Переносъ укрѣпленій съ одного мѣста на другое въ одномъ и томъ же городѣ рѣшается государемъ и боярской думой въ 1650 году. [1]) Личнымъ распоряженіемъ царя совершаются мелкія починки укрѣпленій. Въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII вѣка. [2]) Безъ доклада царя или думы не могутъ обойтись при постройкѣ не только большихъ „остроговъ“ (т.-е. крѣпостей), [3]) но и „острожковъ“. [4]) Верховная власть утверждаетъ и построеніе „засѣкъ“, [5]) и устройство „надолобъ“, [6]) и укрѣпленіе бродовъ на рѣкахъ, [7]) и размѣщеніе „сторожъ“ или сторожевыхъ пунктовъ, [8]) и даже переводъ сторожъ на другія мѣста [9]).

Доставка свинца, пороху, всякаго рода оружія [10]), постройка пороховыхъ погребовъ [11]) также требовали непосредственнаго участія московскаго государя въ каждомъ дѣлѣ, какъ бы ничтожно съ военной и финансовой точки зрѣнія оно ни было.

Нельзя, впрочемъ, представлять себѣ, что въ области военныхъ дѣлъ не чувствовалась не разъ подмѣченная нами уже въ другихъ случаяхъ потребность въ самостоятельности подчиненной администраціи. Мы видимъ, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ сами цари оказываются иногда вынужденными не разсматривать по суще-

---

1) Моск. Ар. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 304, л. 382 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 191, л. 521 и об., № 256, л. 12—13, № 914, л. 150 и об.; столбцы Моск. стола Разр., № 46, л. 345 и об., № 140, л. 58 и об. № 153, л. 7 и об.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Прик. д. ст. л., св. 164, № 37, св. 189, № 118, св. № 32, св. 44, № 94, св. 53, № 81, св. 66, № 17.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст., Разр. № 39., л. 68 и сл., № 43, л. 48 и об., № 84, л. 47 и об., № 85, л. 246 и об. и др., № 211, л. 102 и об.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 65; лл. 1—3, 14 и сл., 23.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 140, лл. 5 и об., 21—23, 75—76.

6) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разряда, № 158, л. 10 и об.

7) Моск. Арх. Мин. Юст., столцы Бѣлгор. ст. Разр., № 170, л. 14 и об.

8) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разряда, № 60, л. 163—165. № 274, л. 86 и об.

9) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 317, л.л. 177—178.

10) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст.; Разр. № 39, л. 36 и об., № 68, л. 22 и об.; столбцы Бѣлгор. ст., № 72, л. 61 л. об., № 139, л. 32 и об , № 170 л. 21 и об., № 174, л. 328 и об. и др., № 887, л.л. 135 и об., 187 и об.

11) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 149, лл. 165—166.

ству представленныхъ на ихъ усмотрѣніе мелкихъ вопросовъ военной техники, а передавать ихъ не только для исполненія, но и для свободнаго въ извѣстныхъ предѣлахъ рѣшенія подчиненнымъ властямъ. Такъ въ 1631 году государь поручаетъ воеводѣ распорядиться о постройкѣ надолобъ въ Воронежскомъ уѣздѣ. [1]) Въ 1643 г. шацкій воевода Жеребцовъ свидѣтельствуетъ о недостаткѣ сторожъ въ заповѣдномъ лѣсу около „Панковской прорѣхи“; государь не сталъ самъ рѣшать дѣло, и, какъ значится въ помѣтѣ, «велѣл указ учинит іс Пушкарского приказу околничему кнезю Ондрѣю Ѳедоровичу Львову», [2]) т.-е передалъ на усмотрѣніе подчиненнаго учрежденія—приказа.

Разсматривая на предшествующихъ страницахъ организацію управленія разрядными дѣлами въ Московскомъ государствѣ до половины XVII вѣка, мы видѣли, что въ этой области административной дѣятельности къ половинѣ столѣтія усилилась самостоятельность бюрократіи, и верховная власть избавилась отъ обремененія множествомъ мелкихъ дѣлъ, прежде до нея восходившихъ. Этотъ ростъ бюрократической самостоятельности можетъ быть выраженъ въ слѣдующей формулѣ:

Къ половинѣ XVII столѣтія органы подчиненнаго управленія въ Московскомъ государствѣ стали самостоятельно вѣдать запись въ службу главной массы служилыхъ людей, служебные отпуски низшихъ чиновъ въ невоенное время, переводы изъ гарнизонной службы въ полевую, назначеніе на всѣ мелкія должности въ войскѣ, центральномъ и областномъ управленіи, верстанье окладами, назначеніе спеціальныхъ вознагражденій, придачи къ окладамъ низшихъ чиновниковъ, справку придачъ для всѣхъ служилыхъ людей, выдачу инструкцій областнымъ правителямъ, сборъ свѣдѣній о состояніи военныхъ силъ государства и, наконецъ, устройство мелкихъ укрѣпленій.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказнаго стола Разряда, № 51, л. 503 об.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда № 190, лл. 40—41.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дѣятельность верховныхъ и подчиненныхъ органовъ государственной власти въ отношеніи къ землевладѣнію.

I.

Служба, о которой у насъ только что шла рѣчь, обезпечивалась въ Московскомъ государствѣ прежде всего и больше всего землею, что вполнѣ естественно въ земледѣльческой странѣ, только что начавшей избавляться отъ полнаго господства натуральнаго хозяйства. Мы и должны теперь присмотрѣться къ дѣятельности государственныхъ учрежденій въ отношеніи къ землевладѣнію.

Въ Московскомъ государствѣ былъ обширный запасъ государевой земли—дворцовой и черной. Хозяйственная эксплоатація этой земли производилась подъ руководствомъ дворецкаго и начальниковъ дворцовыхъ «путей» волостелями и особенно посельскими и приказчиками, которые, повидимому, и вели дѣло по разъ заведенному порядку. Однако обычный порядокъ, рутина не всегда удовлетворялъ хозяйственнымъ потребностямъ, выгодамъ хозяина, какимъ былъ самъ царь. И потому, когда возникалъ хоть сколько-нибудь необычный, неповседневный хозяйственный вопросъ, личное участіе царя въ его рѣшеніи становилось необходимымъ и немедленно осуществлялось въ дѣйствительности. Любопытнымъ примѣромъ такого вмѣшательства верховной власти въ хозяйственныя подробности является, напр., слѣдующій случай: въ 1627 году курчане служилые и жилецкіе люди просили избавить ихъ отъ обязанности распахивать государеву десятинную пашню (т.-е. отбывать земледѣльческую барщину на царя) и предлагали брать съ нихъ за то оброкъ по 1000 четвертей ржи и 1000 ч. овса въ годъ; дѣло было изслѣдовано въ Разрядѣ, и думный дьякъ Ѳедоръ Лихачевъ докладывалъ царю, а царь изъявилъ согласіе на просьбу жителей Курска [1]).

Въ наличности имѣлось обыкновенно довольно много свободныхъ доходныхъ казенныхъ статей—пашенъ, сѣнокосовъ (пожень), озеръ, лѣсовъ и т. д. Эти земли и воды чаще всего эксплоатировались путемъ сдачи въ аренду или на оброкъ, какъ тогда говорили. И если по заведенному, ранѣе существовавшему порядку, данное угодье

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. ст. Разряда, № 693, л. 79.

сдавалось всегда на оброкъ, то подробности этой сдачи—размѣры арендной платы, сроки и т. под.—опредѣлялись уже не верховной властью и не учрежденіями, дѣлившими съ нею сферу ея непосредственной дѣятельности, а исполнительными органами. Примѣровъ очень много въ нашихъ источникахъ [1]). Ограничимся приведеніемъ двухъ—трехъ типическихъ случаевъ, выбравъ ихъ изъ разныхъ моментовъ. Въ 1628 г. крестьянинъ Тотемскаго уѣзда Немировъ просилъ дать ему на оброкъ поросшее лѣсомъ мѣсто; Приказъ безъ государя рѣшилъ: «дат грамота» [2]). Въ 1638 г. въ Воронежскомъ уѣздѣ также безъ всякаго участія государя сдаются на оброкъ рѣки и рыбная ловля [3]). Въ 1647 г. крестьянину Сольвычегодскаго уѣзда Саранцыну пустой жеребій въ деревнѣ былъ сданъ на оброкъ и на льготу писцами безъ обращенія къ верховной власти [4]).

Правда, бывали въ этомъ отношеніи иногда и исключенія, но они характерны именно потому, что какъ нельзя лучше подтверждаютъ сдѣланныя сейчасъ наблюденія. Дѣло въ томъ, что иногда челобитчики по старой привычкѣ обращались непосредственно къ царю и по сравнительно меньшимъ дѣламъ, касавшимся сдачи въ аренду оброчныхъ статей. Тогда царь обыкновенно направлялъ дѣло въ приказъ или къ воеводѣ, указывая, что имъ слѣдуетъ рѣшить его окончательно. Такъ въ 1636 г. бѣлгородецъ Спѣсивцевъ взялъ на оброкъ въ Хотмышской волости бортный ухожей, не описанный въ оброчныхъ платежныхъ книгахъ, потому что раньше оброкъ съ него не шелъ, и просилъ опредѣлить арендную плату въ полуполтину въ годъ; государь велѣлъ воеводѣ изслѣдовать и рѣшить дѣло окончательно [5]). Или, когда въ 1635 г. Ѳоминъ просилъ царя дать ему на оброкъ пустошь въ Великолуцкомъ уѣздѣ, то царь поручилъ это дѣло всецѣло дьяку Пантелѣю Чирикову [6]). Такимъ образомъ исключенія только подтверждаютъ выводъ, что сдача въ аренду оброчныхъ

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., св. 129, № 50, св. 133, №№ 22, 26, 29, 34, 37, св. 134, № 53 и др., св. 135, № 69, св. 154, № 91, св. 156, № 8, св. 160, №№ 85 и 92, св. 167, № 47, св. 169, № 84, св. 172, №№ 94, 107, 122 , с. 173, № 142; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прикл. д. ст. л., св. 28, № 16, св. 160, № 89 и т д.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прикл. д. ст. л., св., 28, № 16.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлогородс. стола, № 104, л. 579 и об.

4) Моск., Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 182, № 64.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс, ст. Разр., № 75, л. 88 и об.

с 6) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 76, № 57.

статей превратилась уже въ обычную и совершенно самостоятельную функцію подчиненныхъ учрежденій.

Случалось однако, что дворцовая или черная земля не предназначалась для веденія на ней хозяйства и не сдавалась въ аренду. Тогда она обыкновенно раздавалась въ помѣстное владѣніе служилымъ людямъ разныхъ чиновъ. Дача земли въ помѣстье не только требовала хлопотъ со стороны лица, получающаго помѣстье, которому приходилось подыскивать свободную землю, подавать челобитныя, ходить по приказамъ, но, можно сказать, приводила въ движеніе весь административный механизмъ того времени: посылались грамоты къ воеводамъ, которые «обыскивали» дѣло, провѣряли данныя челобитной просителя, составлялись докладныя выписки, выдавалась изъ приказа послушная грамота новому помѣщику, отправлялось распоряженіе воеводѣ ввести помѣщика во владѣніе помѣстьемъ, произвести, если то было нужно, «отдѣлъ», т.-е. отграниченіе помѣстья отъ сосѣднихъ владѣній и т. д. Передъ подчиненной администраціей было открыто, такимъ образомъ, довольно обширное поле дѣятельности. Но все-таки самый существенный въ юридическомъ отношеніи моментъ всей операціи выходилъ изъ сферы вѣдѣнія органовъ подчиненнаго управленія: самый актъ пожалованія помѣстьемъ совершался всегда—и въ 20-хъ, и въ 30-хъ, и въ 40-хъ годахъ—самой верховной властью [1]), и Помѣстный приказъ только регистрировалъ фактъ, занося этотъ актъ въ особыя книги «помѣстныхъ дачъ» [2]).

Земли жаловались государемъ не только въ помѣстное владѣніе, но также и въ вотчинное, причемъ, какъ извѣстно, пространство владѣльческихъ правъ на пожалованныя вотчины опредѣлялось текстомъ жалованной грамоты [3]). Понятно, что если пожалованіе во временное и условное, помѣстное владѣніе исходило всегда непосредственно отъ государя, то такимъ же способомъ жаловалась земля и въ полную, наслѣдственную собственность со всѣми или, по крайней

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разряда, № 72, л. 102 и об.; столбцы Моск. стола Разр., № 6, л. 5 и об., № 157, столп. 2, л. 1 и об., № 229, л. 4 и об.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 37 № 38, св. 20, № 21 и т. д.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., книги записныя вотч. Пом. приказа, кн. $\frac{5989}{21}$ и $\frac{5990}{22}$.

3) См., напр., Акты Арх. Эксп., т. I, № 304; Акты, отн. до юридич. быта древней Рос., т. I, № 30, III; Доп. къ Акт. Ист., т. V, № 175.

мѣрѣ, нѣкоторыми правами пользованія и распоряженія. Многочисленныя свидѣтельства источниковъ подтверждаютъ это на каждомъ шагу [1]). Исключеніе представляютъ въ этомъ отношеніи только пожалованія дворовъ въ городахъ: здѣсь обходились уже безъ утвержденія и вообще безъ участія царя. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ цѣлаго ряда другихъ. Въ 1637 г. царицынъ сынъ боярскій Сновидовъ просилъ пожаловать его «порожжимъ» дворовымъ мѣстомъ въ Москвѣ на Кисловкѣ; приказъ помѣтилъ на его челобитной: «будет то дворовое мѣсто порожжо, и ему то мѣсто дати» [2]). Въ 1619 г. стрѣлецкому сотнику Власьеву дворъ въ Калугѣ на посадѣ былъ данъ безъ государя: «дат грамота, велѣт дат»—рѣшили въ приказѣ для передачи объ этомъ мѣстному воеводѣ [3]). Бывали, правда, и исключенія, приводившія къ вмѣшательству царя, но это объясняется всегда особыми обстоятельствами: это или пожалованіе дворовыхъ мѣстъ на посадѣ служилымъ людямъ, напр., драгунамъ и пушкарямъ [4]), или пожалованіе мѣстъ для осадныхъ дворовъ, находившихся не на посадѣ, а въ «городѣ» или крѣпости [5]), гдѣ необходимо было принимать во вниманіе слишкомъ важные интересы—интересы военной обороны поселенія, или, наконецъ, передача двора умершаго служилаго человѣка его дальнимъ родственникамъ [6]).

Но и за раздачей земель на оброкъ и въ помѣстья и пожалованіемъ ихъ въ вотчину много еще оставалось свободной земли, остававшейся безъ всякой хозяйственной эксплоатаціи, лежавшей «впустѣ» и потому не приносившей дохода государевой казнѣ. Чтобы такія земли не оставались безплодными для послѣдней, правительство при-

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. стола, № 279, л. 53 и об., № 289, л. 99 и об., № 292, л. 231 и сл., № 294, л. 66 и об., № 317, лл. 123—124, 144 и об., № 105, л. 5 и об., 415 и об., № 107, л. 156 и об., № 152, л. 24 и об., № 170, л. 283 и об., № 236, л. 872 и об. и т. д.; столбцы Моск. ст. Разр., № 8, л. 1 и сл., 31 и об., 94 и сл., № 120, л. 33 и об. и мн. др.

[2]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. пал. 7145 г., № 101.

[3]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7127 г., № 154.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. стола Разряда, № 78, л. 345 и об., № 258, л. 78 и об.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. стола Разряда, № 190, л. 88 и об.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 181, л. 5 и об.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 5, № 8.

бѣгало къ продажѣ «порожей» земли въ вотчину всѣмъ желающимъ ее купить служилымъ людямъ. Продавались въ вотчину и помѣстныя земли. Однако такое отчужденіе казенной земли не обходилось безъ участія государя. Доказательствъ много [1]). Вотъ примѣры: въ 1643 г. Кутузову продано въ вотчину его не помѣстье въ Московскомъ уѣздѣ «по государеву указу и по подписной челобитной за помѣтою думного дьяка Івана Гавренева» [2]). Или: «в приходных книгах продажных земел 144 году октября въ 20 д. написано: по государеву имянному приказу за помѣтою думного дьяка Михаила Данилова продано в вотчину боярину князю Дмитрею Мамстрюковичу Черкаскому въ Можайскомъ уѣздѣ.... ис порожих земель» бывшее помѣстье Ковалева [3]).

Наконецъ, помѣстныя земли не только продавались въ вотчину, но и жаловались даромъ. Это было не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ видовъ награды за службу и за особыя заслуги и, какъ всѣ награды, исходило, разумѣется, непосредственно отъ носителя верховной власти. Вотъ примѣры: въ 1627 г. государь за «осадное сидѣнье королевичева приходу» распорядился наградить многихъ лицъ пожалованіемъ изъ помѣстій въ вотчины [4]); тогда же о пожалованіи землей изъ помѣстья въ вотчину Тараканова «государь пожаловалъ, велѣл службу его выписать и доложить себя государя», но и послѣ этого Тараканову пришлось подавать еще другую челобитную на томъ основаніи, что «бес твоего государева имянного приказу тебя государя не доложат», и лишь затѣмъ царь рѣшилъ дѣло [5]).

II.

Развитіе денежнаго хозяйства, даже первоначальное постепенно превращаетъ землю въ товаръ, въ предметъ, обращающійся на

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., книги запис. вотч. Помѣст. приказа, кн. $\frac{5979}{11}$, дѣла №№ 61 и 66, кн. $\frac{5981}{13}$, д. № 57, кн. $\frac{5985}{17}$, д. № 49, кн. $\frac{5986}{18}$, д. №18, кн. $\frac{5998}{30}$, д. №№ 13 и 17, кн. $\frac{5999}{31}$, д. №№ 30 и 72.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., книги записныя вотчин. Помѣст. приказа, кн. $\frac{2978}{10}$, д. № 37.

[3]) Тамъ же, д. № 44.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 8, лл. посл. 31 и об.

[5]) Тамъ же, № 71, л. 1 и об.

рынкѣ. Соотвѣтственно этому усилилась мобилизація земельной собственности, умножились случаи продажи, залоги, мѣны, даренія земли; въ тоже время земли передавались, какъ и прежде,—и даже больше, чѣмъ прежде, въ виду увеличенія размѣровъ вотчинной земли,—по наслѣдству, отдавались въ приданное по рядным записямъ и т. д. Если раньше при полномъ господствѣ натуральнаго хозяйства, когда мобилизація земельной собственности была ничтожна, и гражданскія сдѣлки съ землей являлись рѣдкостью, чувствовалась все-таки потребность въ регистраціи пріобрѣтаемыхъ правъ, въ ихъ нотаріальномъ укрѣпленіи, то теперь эта потребность обострилась весьма сильно. Прежде можно было добиваться этого укрѣпленія правъ путемъ полученія жалованной грамоты великаго или удѣльнаго князя. Теперь уже невозможно было привлекать къ участію въ актахъ ежедневной дѣйствительности, какъ бы мелки они не были, самое верховную власть. И потому старый порядокъ регистраціи владѣльческихъ правъ на землю путемъ жалованныхъ грамотъ князей оказался несостоятельнымъ, отошелъ въ прошлое и былъ замѣненъ другимъ.

Первые признаки новаго порядка становятся замѣтными во второй половинѣ XVI вѣка. Въ указѣ 11 января 1558 года читаемъ: „купити вотчина, сыскивая и въ тѣхъ книгахъ разсмотря, гдѣ вотчинныя купли и закладныя у которыхъ діаковъ въ книгахъ записаны“ [1]). Затѣмъ въ купчихъ грамотахъ преимущественно съ восьмидесятыхъ годовъ XVI вѣка становится стереотипнымъ обязательство продавца записать за покупателемъ вотчину въ Помѣстномъ приказѣ[2]),—обязательство, прежде совершенно отсутствовавшее въ этого рода актахъ. Наконецъ, отъ первой половины XVII вѣка до насъ дошелъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ „записныхъ вотчинныхъ книгъ“ [3]) Помѣстнаго приказа, при чемъ въ сохранившихся книгахъ встрѣчается указаніе, что онѣ велись и въ XVI вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, въ самомъ концѣ его, именно въ 1600 году [4]).

Книги записныя вотчинныя и являются документами объ укрѣпленіи недвижимой собственности. Каждое дѣло, внесенное въ любую

---

[1]) Акты Историч., т. I, № 154, IX.

[2]) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Переясл.—Залѣсс. у., №№ 9015, 9021, 9024; Владимірск. у., №№ 3858, 3862 и т. д.

[3]) См. нашу статью „Книги записныя вотчинныя Помѣстнаго приказа“,—въ „Историческихъ и соціологическихъ очеркахъ“, часть 2-я.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотчин. $\frac{5992}{24}$, дѣло № 2.

записную вотчинную книгу, начинается или прямо текстомъ челобитной, заключающей въ себѣ просьбу о записи за извѣстнымъ лицомъ вотчины на основаніи представляемыхъ документовъ, или указаніемъ, что такого-то года, мѣсяца и числа въ Помѣстномъ приказѣ такія-то лица подали челобитныя и такіе-то документы, и что съ документовъ снята копія, а подлинники отданы по принадлежности; затѣмъ ужъ слѣдуетъ текстъ челобитныхъ. Вслѣдъ за челобитными въ книги вносились копіи документовъ, представленныхъ въ приказъ челобитчиками въ подтвержденіе ихъ правъ на ту землю, о записи которой за собою они просили. Потомъ помѣщалась выпись изъ писцовыхъ книгъ по передаваемому имѣнію. Затѣмъ слѣдовало изложенія содержанія названной выше челобитной и, наконецъ, помѣта дьяка о рѣшеніи дѣла и полученіи пошлинъ [1]). При этомъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ эта запись въ книги, т.-е нотаріальное укрѣпленіе правъ, производится рѣшеніемъ только одного приказа, безъ участія верховной власти: вездѣ мы встрѣчаемъ помѣты дьяковъ что вотчина записана въ записныя книги [2]), и пошлины взяты, что надо вотчину „записать въ книги“ [3]), „записать въ вотчинныя въ записныя книги“ [4]) и т. д.

Такимъ образомъ, книги записныя вотчинныя Помѣстнаго приказа даютъ рядъ весьма важныхъ свидѣтельствъ въ пользу того, что нотаріальное укрѣпленіе всякаго рода сдѣлокъ на землю сдѣлалось еще во второй половинѣ XVI в. неотъемлемой функціей подчиненной администраціи.

Нерѣдки, однако, были случаи, когда и верховная власть принимала непосредственное участіе въ этомъ юридическомъ дѣйствіи. Необходимо правильно истолковать всѣ эти случаи, чтобы составить себѣ вѣрное представленіе объ уровнѣ развитія административной техники въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка.

Прежде всего запись вотчины въ записныя вотчинныя книги не могла быть произведена безъ указа царя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ Помѣстномъ приказѣ возникало сомнѣніе въ законности

---

1) Историческіе и соціологическіе очерки, часть 2-я, стр. 308.

2) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотч. Помѣстн. приказа — $\frac{5969}{1}$ л. 568 об., — 569.

3) Тамъ же, кн. $\frac{5970}{2}$, дѣло № 22.

4) Тамъ же, дѣло № 25.

самой подлежащей утвержденію сдѣлки или, по крайней мѣрѣ, оказывался пробѣлъ въ законѣ, открывавшій просторъ для различныхъ толкованій. Вотъ типичный примѣръ: въ 1638 году княгиня Марья Хованская купила у Романа Боборыкина вотчину въ Новгородскомъ уѣздѣ и просила въ Помѣстномъ приказѣ записать эту вотчину за нею; думный дьякъ М. Даниловъ помѣстилъ на дѣлѣ: „выписать изъ уложенья, ноугородцкие вотчины московскимъ людемъ продают-ли и записывают-ли?“ Въ результатѣ этой помѣты получилась справка: „такова государева указу в указной книге пѣтъ“. Тогда думный дьякъ помѣтилъ: „выписат в доклад“, и дѣло было рѣшено государемъ: „государь пожаловал, велѣлъ ту вотчину записать“ [1]).

Затѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда записи подлежалъ актъ отчужденія земли, проданной ея собственнику изъ государевыхъ „порожихъ“ земель,—запись совершалась также по указу царя. Такъ, князь Хилковъ подарилъ дьяку Строеву купленную изъ порожихъ земель свою вотчину въ Московскомъ уѣздѣ; въ 1637 г. „государь пожаловал велѣл тое вотчину записать в книги“ [2]). То же самое повторилось въ томъ же году при продажѣ Корсаковыми вотчины, купленной ими изъ порожихъ земель [3]). Въ 1646 г. Соковнинъ купилъ у князя Шлякова-Чешскаго вотчину, купленную послѣднимъ изъ помѣстныхъ земель; дѣло было доложено государю, и онъ „поволил ему ту вотчину купит и в Помѣстномъ приказе в вотчинные книги записат велѣл“ [4]).

Въ 1638 г. по смерти князя Тимофея Долгорукаго осталась выморочная вотчина, выслуга его тестя. Онъ завѣщалъ ее своему свояку князю Юрію Сицкому. Выморочныя вотчины должны были отойти на государя. Поэтому, когда зашла рѣчь о записи вотчины за Сицкимъ, приказъ доложилъ дѣло государю, и послѣдній „приказалъ имянно“ записать землю за Сицкимъ [5]).

Дальнѣйшимъ основаніемъ личнаго участія царя въ актахъ нота-

---

[1]) Тамъ же, кн. $\frac{5984}{16}$, дѣло № 41.

[2]) Тамъ же, кн. $\frac{5986}{18}$, дѣло № 18.

[3]) Тамъ же, кн. $\frac{5987}{19}$, дѣло № 48.

[4]) Тамъ же, кн. $\frac{5996}{28}$, дѣло № 15.

[5]) Тамъ же, кн. $\frac{5983}{15}$, дѣло № 150.

ріальнаго укрѣпленія земельной собственности являлась чрезвычайная запоздалость просьбы о такомъ укрѣпленіи. Князь Д. М. Пожарскій купилъ вотчину въ Московскомъ уѣздѣ деревню Высокую, но „за государевыми службами и своими частыми болѣзнями“ не успѣлъ записать ее за собой въ Помѣстномъ приказѣ до самой своей смерти, а передъ смертью завѣщалъ ее своей женѣ. Когда эта послѣдняя стала просить записать за ней вотчину, то это было сдѣлано только послѣ доклада царю [1]). Въ 1635 г. Коковинскій просилъ записать за нимъ вотчину, купленную имъ годъ тому назадъ и не записанную своевременно по случаю отправленія въ походъ подъ Смоленскъ, и опять дѣло не обошлось безъ государя [2]).

Московскіе государи весьма внимательно слѣдили за мобилизаціей боярскихъ вотчинъ: бояре стояли слишкомъ близко къ трону и играли слишкомъ важную политическую роль, чтобы можно было этимъ пренебрегать. И потому запись отчуждаемыхъ боярскихъ вотчинъ производилась обыкновенно съ разрѣшенія верховной власти: это было, напримѣръ, съ вотчинами князя Лыкова въ 1641 г. [3]), князя Сулешова въ 1643 г. [4]) и т. д. [5]).

Наконецъ, иногда приходилось записывать вотчины за иностранцами, и тогда также дѣлался докладъ царю. Такъ, въ 1639 г. англичанинъ „часовнишной воденово взводу мастеръ Христофоръ Головей“ получилъ вслѣдствіе просрочки платежа по залогу вотчину въ Боровскомъ уѣздѣ, и въ Помѣстномъ приказѣ помѣтили: «по государеву имянному приказу записат та вотчина в книги за немчиномъ за Христоѳором Головеем [6]).

Такимъ образомъ, всѣ исключенія объясняются особыми, необычными условіями и свидѣтельствуютъ только лишній разъ о томъ, что укрѣпленіе сдѣлокъ на землю сдѣлалось уже постоянной и са-

---

1) Тамъ же, кн. $\frac{5978}{10}$, дѣло № 8.

2) Тамъ же, кн. $\frac{5981}{13}$, дѣло № 55.

3) Тамъ же, кн. $\frac{5991}{23}$, дѣло № 68.

4) Тамъ же, кн. $\frac{5993}{25}$, дѣло № 78.

5) Тамъ же, кн. $\frac{5993}{25}$, дѣло № 106; кн. $\frac{5996}{28}$, дѣло № 2.

6) Тамъ же, кн. $\frac{5983}{15}$, дѣло № 90.

мостоятельной функціей центральнаго подчиненнаго учрежденія — Помѣстнаго приказа.

Въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. правительство производило, какъ извѣстно, статистическія описанія, переписи и дозоры земель. Для производства такихъ работъ не было установлено какихъ-либо сроковъ, не существовало періодичности, такъ что все зависѣло отъ спеціальнаго каждый разъ распоряженія. Кѣмъ дѣлалось это распоряженіе? На этотъ вопросъ можно дать категорическій, вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: произвести описаніе, перепись или дозоръ всегда предписывала верховная власть. Извѣстно, что ею сдѣлано было, напримѣръ, распоряженіе сначала о производствѣ дозора, а потомъ описанія въ 20-хъ годахъ XVII вѣка, что переписныя книги сороковыхъ годовъ возникли такимъ же образомъ. Можно привести и другіе примѣры. Въ 1637 г. крестьяне Комарицкой волости, Устюжскаго уѣзда просили произвести у нихъ дозоръ, такъ какъ послѣ составленія писцовыхъ книгъ много земель въ волости запустѣло; «государь пожаловалъ, велѣлъ выписать и доложить себя государя»; дѣло было выписано въ докладъ и рѣшено самимъ государемъ согласно желанію просителей [1]). Въ 1641 г. въ Устюгѣ и въ Устюжнѣ посадскіе люди просили о производствѣ у нихъ дозора вслѣдствіе крайней обременительности сошнаго оклада, произведеннаго писцами; въ обоихъ случаяхъ дѣло было рѣшено по докладѣ царю [2]).

Межеваніе всякаго рода земель и угодій обыкновенно производилось такъ же лишь тогда, когда на его производство давалъ свое согласіе самъ царь. Такъ, въ 1640 г. нововыѣзжіе черкасы, стрѣльцы и ѣздоки просили о размежеваніи ихъ пашень и сѣнокосовъ; „государь пожаловал, велѣл дат грамота“ [3]). Въ 1650 г. межеванье помѣстныхъ дачъ отдѣльныхъ служилыхъ людей на Корочѣ разрѣшилъ царь [4]). Тогда же государь опредѣлилъ отмежевать земли воронежскихъ черкасъ отъ земель дѣтей боярскихъ [5]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ половинѣ XVII в. наблюдается тенденція въ передачѣ этого дѣла подчиненнымъ учрежденіямъ — приказамъ. Такъ, въ 1649 г. осколяне, вновь поселенные на Осколѣ дѣти

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 89, № 18.

[2]) Тамъ же, св. 123, № 29.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородск. ст., № 131, л. 141 и об.

[4]) Тамъ же, № 317, л. 179 и об.

[5]) Тамъ же, № 314, л. 131 и об.

боярскіе, пожалованные помѣстьями по 20 четв черезъ межу (т.-е черезполосно) со старыми дѣтьми боярскими, ранѣе тамъ жившими, чему составлены были и строельныя книги, посланныя въ Разрядъ, жаловались, что старые помѣщики не даютъ имъ пашню пахать «и черезъ межу съ ними не дѣлятъ»; они просили поэтому велѣть «наши дачи от старых помещиков отмежеват или через межу раздѣлит»; по этому поводу «государь пожаловал, велѣл указ учинит в Разряде» [1]).

Верховная власть не только назначала описаніе, перепись, дозоръ, межеваніе и не только, какъ было въ предыдущей главѣ показано, назначала писцовъ, переписчиковъ, дозорщиковъ и межевщиковъ, но и снабжала ихъ инструкціями или наказами, издаваемыми въ законодательномъ порядкѣ. Это доказывается какъ текстами самихъ наказовъ [2]), такъ и другими данными: въ указной книгѣ Помѣстнаго приказа встрѣчаемъ, напримѣръ, докладъ по вопросу, слѣдуетъ ли при описаніяхъ одабривать дачи въ помѣстья и вотчины изъ дворцовыхъ земель, при чемъ вопросъ этотъ рѣшенъ въ опредѣленномъ смыслѣ по указу царя и патріарха [3]).

За то всѣ остальныя операціи, изъ которыхъ слагались описанія, переписи, дозоръ и межеваніе,—напримѣръ, собираніе «сказокъ» населенія, запись данныхъ, провѣрка ихъ, подсчетъ и т. д.—исполнялись уже всецѣло подчиненными властями и не требовали вмѣшательства и санкціи верховной власти и органовъ высшаго управленія.

III.

Остается изслѣдовать вопросъ о порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія спорныхъ дѣлъ о землѣ, т.-е. поземельныхъ тяжбъ. Правда, это въ сущности входитъ уже, какъ часть, въ вопросъ объ организаціи суда въ Московскомъ государствѣ, но все-таки необходимо теперь разсмотрѣть земельные споры отдѣльно отъ иныхъ судебныхъ дѣлъ, какъ по особо-тѣсной связи ихъ съ земельными дѣлами вообще, такъ и въ виду нѣкоторыхъ особенностей, имъ свойственныхъ.

Весьма богатый матеріалъ поземельныхъ тяжбъ, сохранившійся въ нашихъ источникахъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, въ XVII вѣкѣ, если не раньше, уста-

[1]) Тамъ же, № 310, л. 1 и об.

[2]) См., напр., Акты Арх. Экп., т. IV, № 14.

[3]) Сторожевъ, Указная книга Помѣстнаго приказа, стр. 98—99.

новилось уже, какъ норма, разсмотрѣніе и рѣшеніе судебныхъ дѣлъ, касающихся земли, подчиненными органами, а не верховной властью и не учрежденіями, раздѣляющими съ нею сферу ея непосредственной дѣятельности. Данныхъ въ этомъ смыслѣ очень много, [1]) и мы приведемъ лишь два-три примѣра на выборъ. Въ 1627 г., во Владимірскомъ судномъ приказѣ, безъ всякаго участія царя и боярской думы, рѣшено было спорное дѣло о землѣ между Маріей Андреевой и княземъ Урусовымъ [2]). Въ 1637 г. въ Двинскомъ уѣздѣ была безъ государя и думы рѣшена воеводой поземельная тяжба [3]). Въ 1626 г. дѣло о спорной пашнѣ между двумя крестьянами рѣшено въ Устюжской четверти безъ государя [4]). Въ 1618 г. приказъ безъ государя и боярской думы разобралъ судное вотчинное дѣло Якова Козловскаго съ церковью въ Великолуцкомъ уѣздѣ [5]).

Соотвѣтственно такому общему порядку государь или боярская дума разсматривали поземельныя тяжбы обыкновенно лишь во второй инстанціи, по докладу подчиненныхъ властей. Можно слѣдующимъ приблизительно образомъ классифицировать мотивы или причины, вызывавшіе докладъ при поземельныхъ тяжбахъ.

Прежде всего необходимо было докладывать спорное поземельное дѣло царю въ томъ случаѣ, если оказывался пробѣлъ въ законѣ, дѣлавшій невозможнымъ юридически-обоснованный приговоръ. Такъ, напр., въ 1628 г. спорное дѣло Ромодановскихъ было рѣшено государемъ и патріархомъ по той причинѣ, что законъ не давалъ отвѣта, какъ поступать, если возникнетъ споръ о вотчинахъ между сыновьями и дочерьми умершаго; при этомъ приговору верховной власти сейчасъ же болѣе придана форма общей юридической нормы, общаго закона: «и впередъ которые челобитчики учнутъ бити челомъ госу-

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 88, № 9, св. 92, № 46, св. 117, № 21, св. 130, № 68, св. 133, №№ 20 и 27, св. 141, № 75, св. 144, № 15, св. 152, № 69, св. 167, № 53, св. 172, № 91; Моск. Арх. Мин. Юст., книга запис. вотч. Помѣстн. приказа $\frac{5970}{2}$, дѣла №№ 22 и 23, кн. $\frac{5971}{3}$, д. №№ 1, 19, кн. $\frac{5975}{7}$, д. №№ 44, 45, кн. $\frac{5976}{8}$, д. № 23, кн. $\frac{5988}{20}$, д. № 32, кн. $\frac{5992}{24}$, д. №№ 2, 19, 35 и т. д.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. книга запис. вотч. Пом. прик. № $\frac{5971}{3}$, д. № 1.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 89, № 21.

[4]) Тамъ же, св. 18, № 11.

[5]) Тамъ же, св. 7, № 6.

даремъ послѣ отцовъ своихъ сыновья и дочери о вотчинахъ, и тѣ вотчины указали давати сыновьямъ, а дочерямъ вотчинъ зъ братьею жеребьевъ давати не велѣли, покамѣсто братья ихъ живы, а давати дочерямъ после отцовъ ихъ изъ помѣстей на прожитокъ по своему государеву указу, и какъ братьи ихъ не станетъ, и дочери тѣмъ вотчинамъ вотчичи» [1]). Или: въ 1649 г. въ Помѣстномъ приказѣ разсматривалось дѣло Караулова съ Юшковымъ; Юшковъ въ подтвержденіе своихъ притязаній представилъ документъ,—закладную кабалу, выданную мачехой Караулова на землю; Карауловъ не оспаривалъ подлинности этого документа, но утверждалъ, что денегъ его мачеха по нему не получила; Юшковъ утверждалъ, что деньги были выданы; оба сошлись на общей ссылкѣ на мать Караулова, но судъ не успѣлъ опросить послѣднюю, какъ она умерла. Тогда Помѣстный приказъ рѣшилъ справиться, нѣтъ ли по этому поводу какого-либо закона, и оказалось, что въ указахъ не нашли рѣшенія вопроса, какъ быть, если «опчей правды не будетъ». Тогда дѣло было доложено боярской думѣ, и «сеѣ выписки бояре слушавъ приговорили: быть вотчине за Прокофьемъ Юшковымъ по крепости, а Григорью Караулову отказат, верит в том довелос крѣпости» [2]).

Второй причиной перенесенія дѣла къ верховной власти являлась несправедливость судей или нарушеніе порядка судопроизводства. Такъ въ 1558 г. одно поземельное тяжебное дѣло было окончательно рѣшено царемъ по жалобѣ одной изъ сторонъ на то, что судьи «неподѣльно» начертили чертежъ размежеванной землѣ [3]). Въ 1557 г. царь судилъ во второй инстанціи Чулковыхъ съ Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ по ихъ спору изъ-за земли, и это произошло потому, что передъ судьями «обыскные люди двои рѣчи говорили» [4]).

«Въ государеве цареве и великого князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси указе на челобитной резанца Ермолы Гвоздева, что онъ билъ челомъ государю на діака Александра Дурова о закладной своей вотчине о повороте за помѣтою думного діака Івана Гавренева нынешнего 143 году декабря въ 22 д. написано: государь... пожа-

---

1) Сторожевъ, Указная книга Помѣстнаго приказа, стр. 87—88.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., книга запис. вотч. Помѣст. приказ. $\frac{5999}{31}$, дѣло № 62.

3) Ѳедотовъ-Чеховскій, Акты, относ. до гражд. расправы, № 71.

4) Тамъ же, № 70.

ливал, сей челобитной слушав, указал досмотрѣт купчие: будетъ ту вотчину у него дьякъ Александръ Дуров купил под Смолѣнском, и та вотчина ему не крепка для того, что онѣ посланы были на государеву службу, не вотчин покупат, над государевыми недруги промышлят, и онъ за тѣмъ государевым дѣломъ не ходилъ и государево дѣло потерял; и та вотчина отдат ему Ермоле Гвоздеву бездѣнежно; да и вперед воеводам и дьяком і всяким приказным людем на службах вотчинъ не покупат, а хто купит, и у того даром отимуть и отдадут тому, хо еѣ продалъ для того, что многие, будучи на службах, воруют, бражничаютъ и для воровства вотчины на малые дѣнги отдают; проворовав вотчину, і вперед государю не слуга будет; да і вперед Гвоздеву той вотчины не продават и не закладыват». [1]) Этотъ любопытный текстъ свидѣтельствуетъ, конечно, прежде всего, что неполнота закона и въ данномъ дѣлѣ могла быть однимъ изъ основаній рѣшенія дѣла царемъ. Но здѣсь есть и нѣкоторое другое основаніе — явная недобросовѣстность сдѣлки, хотя и обоснованной документально. Это третій мотивъ передачи спорнаго дѣла о землѣ на разсмотрѣніе верховной власти.

Существовалъ, наконецъ, и четвертый — сложность и запутанность дѣла какъ по причинѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, такъ и въ особенности по внутренней его сущности. Такъ въ 1628 г. князья Морткины и Вельяминовъ предъявили искъ о вотчинѣ къ князьямъ Прозоровскимъ; дѣло было само по себѣ запутано и сложно, но оно еще болѣе осложнялось вслѣдствіе того, что въ московскомъ пожарѣ 1626 года сгорѣли документы, касавшіеся этого дѣла и давшіе возможность Прозоровскимъ раньше его выигарать. Понятно, что дѣло было доложено государю и патріарху, и они рѣшили его въ пользу Прозоровскихъ [2]). Запутанныя и сложныя дѣла вообще обыкновенно докладывались царю [3]).

Этотъ анализъ мотивовъ или причинъ, приводившихъ къ пере-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., книга запис. вотчин. Помѣстнаго приказа $\frac{5991}{23}$, дѣло № 24.

[2]) Сторожевъ, Указная книга Помѣстнаго пирказа, стр. 85—87.

[3]) Русская Историч. Библ., т. XII, А. № IV; Моск. Арх. Мин. Юст., книга запис. вотч. Помѣстн. прик., $\frac{5987}{19}$, дѣло № 67; кн. $\frac{5991}{23}$, д. №№ 12 и 41, кн. $\frac{5994}{26}$, дѣло № 6 и т. д.

смотру и рѣшенію дѣла верховной властью или органами высшаго управленія, на ряду съ отмѣченнымъ уже выше рядомъ фактовъ, указывающихъ на обычный разборъ спорныхъ поземельныхъ дѣлъ въ первой инстанціи подчиненными органами власти, свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ этой области старый хаосъ въ первой половинѣ XVII вѣка сталъ смѣняться нѣкоторымъ порядкомъ, и что подчиненныя учрежденія усвоили себѣ и здѣсь опредѣленный и самостоятельный кругъ дѣятельности.

Такое заключеніе еще болѣе утвердится, если обратить вниманіе на случаи, когда поземельныя тяжбы въ первой инстанціи разбирались царемъ. Такіе случаи бывали, но, во-первыхъ, не часто, во-вторыхъ, по особымъ обстоятельствамъ, и въ третьихъ, чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще сопровождались передачей дѣлъ на рѣшеніе подчиненныхъ учрежденій: царь самъ стремился направить дѣла, къ нему попадавшія, въ обычное русло.

Особымъ обстоятельствомъ была, напр., дача вотчины въ монастырь, особенно тайкомъ отъ родственниковъ. Понятно, почему тутъ дѣло поступило прямо къ царю: такая дача земель въ монастырь съ половины XVI в. большею частью не могла совершаться безъ согласія царя. Поэтому мы видимъ, что въ 1559 г. царь судитъ дѣло Фоминыхъ съ окольничимъ Андреемъ Квашнинымъ о томъ, что послѣдній отдалъ тайно въ Кирилловъ монастырь свою московскую вотчину [1]). Вслѣдствіе такого именно особаго положенія земель, пріобрѣтаемыхъ монастырями, дѣло о выкупѣ Лошаковымъ заложенной въ Алексѣевскій монастырь въ Угличѣ его вотчины докладывалось въ 1627 г. царю и патріарху и было рѣшено ими [2]).

Особымъ обстоятельствомъ надо признать и то, которымъ сопровождалось одно дѣло 1645 года: Загоскинъ обвинялъ Поздѣева въ томъ, что онъ «на дмитровскую и ярославскую вотчины наредил и подписал и потпечатал воровски твою государеву грамоту». Поддѣлка царской грамоты неизбѣжно вызывала разсмотрѣніе дѣла самимъ царемъ. Такъ и было въ данномъ случаѣ, который впрочемъ— кстати сказать — кончился для виновнаго благополучно: Поздѣевъ самъ призналъ, что произвелъ поддѣлку «зглупа», и царь «велел ему вину отдать» [3]).

---

[1]) Ѳедотовъ-Чеховскій, Акты, отн. до гражд. расправы, т. I, № 74.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., кн. запис. вотч. Пом. прик. $\frac{5972}{4}$, д. № 58.

[3]) Тамъ же, кн. $\frac{5994}{26}$, д. № 6.

Въ общемъ однако, какъ только что было уже указано, царь въ тѣхъ случаяхъ, когда по старой привычкѣ не различать инстанцій обращались непосредственно къ нему, не разсматривалъ и не рѣшалъ дѣла самъ, а передавалъ его для суда и постановки приговора въ какое-либо подчиненное учрежденіе, — въ тотъ или иной приказъ или даже къ воеводѣ. Такъ въ 1627 г. къ царю обратился цѣлый рядъ лицъ съ претензіями на прожиточное помѣстье только что умершей Ульяны Ситиной; не рѣшая дѣла самъ, царь передалъ его въ Помѣстный приказъ и велѣлъ «учинить указъ по своему государеву указу и по уложенью», т.-е. по общему закону [1]). То же самое видимъ по дѣлу о вотчинѣ Нелидовыхъ въ 1631 г. [2]), о землѣ Чоглоковыхъ въ 1641 г. [3]), объ имѣніи Ржевскихъ въ 1651 г. [4]). Въ 1638 г. вдова убитаго татарина Ишеева просила пожаловать ее съ пятилѣтнимъ сыномъ частью помѣстья мужа, которое все цѣликомъ получено братомъ мужа, обвиняющимъ ее неосновательно въ мужеубійствѣ; царь не сталъ самъ рѣшать дѣло, а передалъ его въ приказъ,—«велѣлъ указъ учинить по уложенью». Когда въ 1647 г. возникъ споръ о землѣ между ольшанскими черкасами, то государь велѣлъ мѣстному воеводѣ «разъѣхать и разверстать» спорныя земли [5]).

Если теперь резюмировать все, сказанное выше о дѣятельности верховныхъ и подчиненныхъ органовъ государственной власти въ отношеніи къ землевладѣнію, то придется формулировать слѣдующій выводъ: органы подчиненнаго управленія въ первой половинѣ XVII вѣка, отчасти и раньше, успѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ самостоятельное завѣдываніе хозяйствомъ на дворцовыхъ земляхъ, поскольку оно шло нормальнымъ, обычнымъ порядкомъ, сдачу на оброкъ разныхъ доходныхъ статей на черныхъ земляхъ, передачу свободныхъ дворовъ на посадахъ, нотаріальное укрѣпленіе владѣльческихъ правъ на землю, исполнительную дѣятельность по производству статистическихъ описаній и межеваній земли и разборъ поземельныхъ тяжбъ обычнаго характера.

---

1) Тамъ же, кн. $\frac{5973}{5}$, д. № 63.

2) Тамъ же, кн. $\frac{5976}{8}$, д. № 20.

3) Тамъ же, кн. $\frac{5978}{10}$, д. № 42.

4) Тамъ же, кн. $\frac{6000}{32}$, д. № 2.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. стола Разряда, № 219, л. 267 и об.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Финансовыя функціи верховнаго и подчиненнаго управленія.

I.

Если земля въ эпоху натуральнаго хозяйства является главной, почти единственной цѣнностью, имѣющей значеніе въ экономической жизни страны, то съ зарожденіемъ денежнаго хозяйства на ряду съ ней выдвигается денежный капиталъ. Соотвѣтственно этому и въ государственномъ хозяйствѣ денежные налоги и денежные расходы начинаютъ играть все болѣе видную роль. Этимъ вызывается и развитіе техники финансоваго управленія.

Въ литературѣ по исторіи государственнаго хозяйства Московской Руси хорошо выяснены вопросы о томъ, какъ шло развитіе русскаго бюджета, окладныхъ единицъ и окладовъ отдѣльныхъ податей въ XVI и XVII вѣкахъ. Установлено также, что царь, боярская дума и земскіе соборы, т.-е. верховная власть и высшія учрежденія, все время сосредоточивали въ своихъ рукахъ всю нормативно финансовую дѣятельность [1]), такъ что ни установленіе смѣты доходовъ и расходовъ, ни введеніе новыхъ налоговъ, ни опредѣленіе ихъ окладовъ, ни, наконецъ, установленіе и измѣненіе окладныхъ единицъ не входили въ компетенцію подчиненныхъ органовъ управленія—центральныхъ и областныхъ. Мы не будемъ поэтому останавливаться на этихъ хорошо освѣщенныхъ изслѣдованіемъ явленіяхъ.

Необходимо обратить нѣкоторое вниманіе въ этомъ отношеніи только на два стоящихъ въ связи съ этимъ явленія,—на сдачу на откупъ нѣкоторыхъ налоговъ и на финансовыя льготы и облегченія.

Находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ позволяетъ сдѣлать выводъ, что отдача тѣхъ или другихъ казенныхъ сборовъ на откупъ „изъ наддачи“ (т. е. съ прибавкой противъ прежней откупной суммы) или безъ наддачи производились, по крайней мѣрѣ съ

---

[1]) См. особ. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Московскомъ госуд.; Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в.; Милюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства.

тридцатыхъ годовъ XVII вѣка, подчиненными учрежденіями—приказами, безъ всякаго вмѣшательства верховной власти и высшихъ учрежденій. Такъ, еще въ 1620 году кабацкіе и таможенные сборы въ Новгородѣ-Сѣверскомъ были отданы на откупъ путивльцу Резинкову самимъ царемъ [1]). Но въ 1630 г. кабакъ въ Алексинѣ отданъ на откупъ безъ государя [2]). То же наблюдается по отношенію къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ въ городахъ, подвѣдомственныхъ Устюжской четверти, въ тридцатыхъ [3]) и сороковыхъ [4]) годахъ. Кабакъ изъ наддачи былъ отданъ безъ государя еще въ 1624 году въ Волоколамскѣ [5]). Въ томъ же году посадскій человѣкъ города Коломны Головинъ просилъ дать ему на откупъ изъ наддачи баню, перевозы на Москвѣ рѣкѣ, квасъ, пролубное и поплашное, и въ приказѣ, не докладывая государю, помѣтили: „дат из наддачи“ [6]). Такимъ же путемъ сдано было въ 1625 году на откупъ право держать „на кружечномъ дворѣ про питуховъ чарки и плошки, и калачи, и яйца, а въ постные дни сельди“ [7]).

Но таможенные, кабацкіе и другіе болѣе мелкіе сборы не всегда, какъ извѣстно, отдавались на откупъ,—они иногда сбирались „на вѣрѣ“, черезъ выборныхъ отъ насилія, или черезъ отдѣльныхъ лицъ, на то вызвавшихся и обязанныхъ присягой отдавать въ казну всю выручку отъ продажи вина и сбора таможенныхъ пошлинъ. Такая сдача на вѣру производились также безъ участія верховной власти приказомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда и раньше сборъ былъ на вѣрѣ: такимъ именно образомъ были, напр., отданы на вѣру таможенные доходы въ Твери въ 1640 году [8]). Все это вполнѣ понятно и естественно: подчиненная администрація дѣйствовала тутъ, не нарушая установившихся порядковъ, по разъ заведенному обычаю, только повышая по возможности доходы государства.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., столбцы 2-го разр. Оруж. пал. 7129 г., № 32.

[2]) Тамъ-же, 7138 г., № 59.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 53, № 80, св. 106, № 38.

[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 134, № 58, № 75, св. 144, № 16.

[5]) Моск. Арх. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7132 г., № 26.

[6]) Моск. Арх. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7132 г. № 20.

[7]) Тамъ-же, 7133 г., № 34.

[8]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал. 7148 г., № 27.

Совершенно другое положеніе получалось тогда, когда ставился вопросъ о переходѣ отъ «вѣрной» службы къ откупной системѣ или наоборотъ: тогда государственная власть выступала уже въ болѣе активной, творческой роли, мѣнялась самая система полученія казенныхъ доходовъ. И потому въ этихъ случаяхъ безъ участія царя не могли обойтись, — дѣлался докладъ государю. Вотъ примѣры. Въ 1630 году Трифонъ Ивановъ, указывая, что откупщики Юрьево-польскаго кабака спаиваютъ народъ, просилъ отдать ему этотъ кабакъ на вѣру, обѣщая въ то же время прибыль въ 50 руб. въ годъ; «государь указал тот кабак отдати тому Трифонку» [1]). Когда въ 1613 г. новоторжскіе дворяне и дѣти боярскіе просили перевести тамгу и кабакъ съ откупа на вѣру, то «государь пожаловал, велѣл выписав доложит бояр» [2]). Точно такъ же самъ царь разрѣшилъ перейти отъ «вѣрной» системы къ откупной въ Сольвычегодскѣ въ 1636 г. [3]) и въ Рузѣ въ 1646 г. [4]).

Совершенно понятно, наконецъ, что когда отдавалась на откупъ иностранцамъ вывозная торговля какимъ-либо товаромъ, то необходимъ былъ докладъ государю тѣмъ болѣе, что въ такихъ случаяхъ обыкновенно разные иностранные купцы конкуррировали между собою. Въ 1639 г. англійскій дворянинъ Дигби просилъ дать ему на откупъ вывозную торговлю смолой, которую до того времени откупали голландцы; государь велѣлъ дать съ доклада ему на откупъ эту торговлю тому, кто больше наддастъ [5]).

Разнаго рода финансовыя льготы и облегченія относятся ближайшимъ образомъ къ нормативно-финансовой дѣятельности государственной власти и въ то же время могутъ весьма чувствительнымъ образомъ отразиться на состояніи денежныхъ средствъ казны. Понятно поэтому, что они невозможны безъ доклада верховной власти, что и засвидѣтельствовано данными нашихъ источниковъ. И въ XVI и въ первой половинѣ XVII в. мы видимъ, какъ самъ царь освобождаетъ отъ уплаты мыта, [6]) избавляетъ на опредѣленный срокъ (напр., на

---

[1]) Тамъ же, 7138 г., № 59.

[2]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7121 г. № 83.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 86, № 68.

[4]) Тамъ же, св. 173. № 142.

[5]) Тамъ же, св. 103, № 7.

[6]) Акты Историч., т. I. № 143.

годъ) отъ взноса всѣхъ податей [1]), слагаетъ пошлины при записяхъ вотчинъ въ книги записныя вотчинныя Помѣстнаго приказа [2]), разрѣшаетъ безпошлинно курить вино [3]), освобождаетъ отъ уплаты денегъ за даточныхъ людей [4]), отъ постоя стрѣльцовъ [5]), отъ взысканія даточныхъ людей [6]), отъ взноса начетныхъ [7]) и недоборныхъ [8]) денегъ, отъ уплаты пошлинъ [9]). Царь самъ отсрочиваетъ платежъ недоборныхъ откупныхъ денегъ [10]), переноситъ въ другое мѣсто платежъ таможенныхъ сборовъ [11]), облегчаетъ сборъ посошныхъ людей [12]) и т. д. и т. д. Надо однако замѣтить, что и въ этой сферѣ въ XVII в. наблюдается тенденція къ передачѣ менѣе важныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе подчиненныхъ учрежденій. На это указываютъ слѣдующіе два характерныхъ примѣра. Въ 1627 г. приказъ безъ государя далъ ржевичамъ посадскимъ людямъ отсрочку на 8 дней въ платежѣ «четвертныхъ и земленыхъ оброчныхъ денегъ» [13]). Безъ государя-же дана въ 1645 г. Бѣликову отсрочка въ платежѣ доимочныхъ денегъ за даточныхъ людей [14]).

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 29, № 52.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., кн. зап. вотч. Пом. пр. $\frac{5969}{1}$, л. 287 об. и сл., кн. $\frac{5970}{2}$, д. №№ 18,20,21, кн $\frac{5971}{3}$, д. №№ 3, 4, 11,29,30.

[3]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л. св., 156, № 15.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда № 840. ст. I, л. 229 и об. и др.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 83. № 83, № 32, св. 99, № 49, св. 100, № 56, св. 101, № 62, св. 112, №№ 65, 68. св. 134, № 48, св. 137, №№ 14 и 15 и т. д.

[5]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 30, № 63.

[6]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 37, № 38.

[7]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 7, № 2.

[8]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 73. № 11.

[9]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 27, № 68, св. 33, № 74; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разр., № 58, л. 467 и об., № 93, л. 31 и об., № 294, л. 89 и об.

[10]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пол. 7157 г., № 31; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 57, № 66.

[11]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. д., пр. д. ст. л., св. 19, № 15.

[12]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. д., пр. д. ст. л., св. 63, № 37.

[13]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. д. прик. д. ст. л., св. 27, № 76.

[14]) Тамъ-же, св. 159, № 64.

II.

Хорошо извѣстно, какъ производились раскладка и сборъ податей въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вѣковъ [1]). Извѣстно, что эта сторона дѣла тогда уже совершенно не привлекала непосреднаго вниманія верховной власти и высшихъ учрежденій, которыя только устанавливали въ этомъ отношеніи законодательныя нормы, не вторгаясь въ исполнительную дѣятельность.

Спрашивается теперь: требовался ли непремѣнно по поводу каждаго дохода, получаемаго казной, спеціальный докладъ царю или боярской думѣ? На этотъ вопросъ по крайней мѣрѣ для XVII вѣка, надо отвѣтить категорическимъ отрицаніемъ. Вотъ рядъ доказательствъ того, что приказы ограничивались пріемомъ денегъ и ихъ записью въ книги, не обращаясь ни къ царю, ни къ думѣ. Въ 1628 г. были присланы въ Разрядъ деньги за городовое дѣло изъ Калуги, судебныя пошлины изъ Лебедяни,—таможенные и кабацкіе сборы изъ Воронежа, и въ приказѣ была сдѣлана помѣта: «записать въ приходъ» [2]).

Въ 1626 г. такими же помѣтами сопровождался пріемъ въ Устюжской четверти денегъ «за кабацкій дворъ и за суды» (т. е. посуду) съ одного кабака въ Дмитровскомъ уѣздѣ, судебныхъ пошлинъ изъ Бѣжецкаго Верха, оброчныхъ, пищальныхъ и кормовыхъ денегъ изъ Устюжны, оброчныхъ и стрѣлецкихъ денегъ изъ Чаронды и четвертныхъ денежныхъ доходовъ съ Можайска и Тотьмы [3]). «Медъ на дворецъ, отписка въ столъ» или «отписка въ столъ, деньги на приходъ»—помѣчали въ 1621—22 г. при полученіи доходовъ съ Архангельска, Вологды, Каргополя, Холмогоръ, Нижняго-Новгорода, Вятки, Колы и другихъ городовъ [4]). Подобныя же явленія наблюдаемъ въ той же Устюжской четверти въ 1629 [5]) и 1635 [6]) годахъ. «Деньги принять и въ приходъ записать», помѣчаютъ въ приказѣ въ сороковыхъ годахъ при полученіи таможенныхъ доходовъ изъ Пе-

---

[1]) Лаппо-Данилевскій. Организація прямого облаженія въ Московскомъ госуд.; Милюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Моск. госуд.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 28, л. 83 и об., 115 и об., 127 и об.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 18, № 2.

[4]) Тамъ же, св. 9, № 17.

[5]) Тамъ же, св. 38, № 54.

[6]) Тамъ же, св. 77, № 76.

черниковъ [1]), оброка съ дворовъ изъ Калуги [2]) и Мценска [3]), четвертныхъ доходовъ изъ Бѣлева [4]). Въ 20-хъ годахъ приказъ Большого дворца безъ доклада государю принимаетъ деньги за печатныя книги, проданныя на Двинѣ и въ Вяткѣ [5]). Такимъ же образомъ производится пріемъ самоѣдской дани изъ Пустозерска въ 1631 г. [6]) и т. д.

Ясно такимъ образомъ, какъ прочно сложилось вѣдомство центральныхъ подчиненныхъ учрежденій по части пріема различныхъ доходовъ, получавшихся государствомъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Верховная власть къ этому времени уже совершенно перестала вмѣшиваться въ дѣйствія приказавъ въ данной сферѣ.

III.

Совершенно иначе, гораздо сложнѣе и многообразнѣе, складывались отношенія между верховнымъ и подчиненнымъ управленіемъ въ дѣлѣ завѣдыванія государственными расходами.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ остановить вниманіе на выдачѣ жалованья. Со второй половины XVI вѣка жалованье по установленнымъ окладамъ выдавалось, какъ извѣстно, двумя способами: четвертчики брали его изъ чертвертей ежегодно, а остальнымъ служилымъ людямъ, «емлющимъ жалованье съ городомъ», оно выдавалось черезъ два-три года [7]). Кѣмъ въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ дѣлалось распоряженіе о выдачѣ жалованья?

Жалованье XVI и XVII вѣковъ было дѣйствительно, въ буквальномъ смыслѣ этого слова «жалованьемъ», особымъ актомъ пожалованія со стороны верховной власти, а вовсе не регулярной выдачей обычнаго вознагражденія, повторяемой всегда въ опредѣленные сроки. Это особенно справедливо по отношенію къ жалованью «съ городомъ», не четвертному. Характеренъ слѣдующій примѣръ: въ 1635 году бывшій подьячій стародубской съѣзжей избы Дружининъ,

---

1) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7155 г., № 4.
2) Тамъ же, 7155 г., № 5.
3) Тамъ же, 7156 г. № 12.
4) Тамъ же, 7158 г., № 63.
5) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7135 г., №№ 26, 28
6) Тамъ же, 7139 г., № 22.
7) Сторожевъ. Къ вопросу о четвертчикахъ, — въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за 1892 г., январь, стр. 197, 205—206.

служившій раньше въ Стародубѣ и получавшій жалованье по 12 р. въ годъ, 12 четв. ржи и 12 ч. овса, но ушедшій оттуда при взятіи города литовцами, просилъ опредѣлить его въ подьячіе въ Орелъ и выдать ему жалованье; на его челобитной значится слѣдующая помѣта: «государь пожаловал, велѣлъ быть на Орлѣ, а не показавъ службы, жалованье не даютъ» [1]).

Итакъ для того, чтобы получить жалованье по установленному окладу, служилый человѣкъ долженъ былъ „показать службу". Слѣдовательно, выдача жалованья являлась слѣдствіемъ оцѣнки этой службы высшей властью. Впрочемъ это не было единственнымъ и постояннымъ основаніемъ для выдачи жалованья. Случалось, что жалованье выдавали и по другимъ причинамъ,—вслѣдствіе болѣзни, пожара, разоренья и т. д. Напримѣръ, въ 1632 г. сторожу Галицкой чети Родивонову его жалованье было дано по случаю пожара его двора [2]).

Въ виду всего этого неудивительно, что служилые люди, «емлющіе жалованье съ городомъ", т. е. не каждый годъ, получали его обыкновенно не иначе, какъ съ доклада государю. Участіе въ этомъ верховной власти засвидѣтельствовано множествомъ мѣстъ въ нашихъ источникахъ [3]). Приведемъ только одинъ типическій примѣръ: въ 1616 г. жилецъ Даевъ былъ посланъ на службу въ Калугу съ воеводой княземъ Троекуровымъ, а жалованьемъ онъ, какъ жилецъ, еще пока не былъ верстанъ, „и мои денги з городом по десяти рублевъ"; онъ просилъ выдать ему жалованье изъ калужскихъ доходовъ; „государь пожаловалъ", велѣлъ выдать [4]).

Точно также часто и четвертчики получали свое ежегодное жалованье не иначе, какъ по особому каждый разъ указу самого царя. Вотъ примѣры. Въ 1616 г. жилецъ Жеребятичевъ просилъ за смоленскую службу „четвертные мои денжонки пятнатцат рублевъ выдати", и это „государь пожаловал" [5]). Въ 1614 г. государь велѣлъ

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 65, л. 166 и об.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7140 г., № 1.

[3]) Акты г. Юшкова, № 264; Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, ст. 2-го разр. Оруж. пал., 7127 г., № 15; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 901, л. 19 и др., 65 и об., № 1002, лл. 163 и об., 258 и об.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 7, № 2, св. 69, № 75, св. 71, № 95, св. 74, № 26, св. 75, № 46 и т. д.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 901, л. 65 и об.

[5]) Тамъ же, л. 50 и слѣд.

выдать князю Ѳедору Борятинскому его жалованье „четвертной оброкъ“ [1]). Въ 1630 г. царь самъ указалъ выдать жалованье Пестрикову, получавшему его „ежегодь изъ Устюжской чети“ [2]).

Надо однако же замѣтить, что довольно рано служилые люди высшихъ разрядовъ, занимавшіе важныя должности по центральному и областному управленію и получавшіе жалованье „изъ чети“, стали снабжаться этимъ жалованьемъ безъ участія государя, путемъ простого распоряженія соотвѣтствующаго приказа. Такъ отъ 1616 года дошла до насъ челобитная о жалованьѣ князя Петра Мосальскаго, назначеннаго воеводой въ Романовъ; на этой челобитной имѣется помѣта: „князю Петру княжъ Володимерову сыну Клубкову-Мосальскому в Галицкой четверти в Кормленной книгѣ прошлаго 126 году написанъ оклад 92 рубли“ [3]). Въ томъ же году Хатунскій, назначенный осаднымъ головой въ Коломну, просилъ выдать жалованье, заявляя, что онъ „емлетъ из четверти девет рублев“, и приказъ безъ государя рѣшилъ: „дат грамота х кабацкому головѣ, велѣт дат денги, какъ в зборѣ будутъ“ [4]). Понятно, что когда позднѣе воеводы обращались къ царю съ просьбами о выдачѣ имъ жалованья, получаемаго ими изъ четверти, то онъ не вмѣшивался самъ въ дѣло, а передавалъ его въ приказъ. Когда въ 1626 г. брянскій воевода просилъ выдать ему жалованье, „государь пожаловал, велѣл выписат, как прежним воеводам давано жалованье, по тому и ему учинит“ [5]).

Но не только четвертчики, а и многіе служилые люди менѣе высокихъ чиновъ, «емлющіе съ городомъ», по мѣрѣ приближенія къ половинѣ XVII вѣка стали получать жалованье все чаще безъ прямого участія государя: онъ или передавалъ это дѣло въ отдѣльныхъ случаяхъ на усмотрѣніе подчиненныхъ учрежденій, или эти учрежденія—приказы—сами непосредственно его рѣшали. Раньше всего и чаще всего это замѣчается по отношенію къ тѣмъ, кто служилъ по центральному управленію и дворцовому вѣдомству. Такъ, сторожамъ Владимірской и Галицкой четей и подъячимъ Владимірской четверти въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ жалованье вы-

---

1) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7122 г., № 11.

2) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал. 7139 г., № 5.

3) Тамъ же, 7127 г.. № 7.

4) Тамъ же, 7127 г., № 77.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разр., № 48, л. 66 и об.

дается уже безъ государя [1]). То же можно повторить о сторожахъ Казеннаго приказа [2]), завязочныхъ мастерахъ, бобровникахъ и мочильщикахъ [3]), портныхъ мастерахъ Казеннаго двора [4]), посошникахъ Казеннаго двора [5]), царицыныхъ дѣтяхъ боярскихъ [6]), золоныхъ мастерицахъ [7]), портомояхъ [8]) и т. д. въ сороковыхъ годахъ.

Наконецъ, къ концу изучаемаго нами періода и рядовые провинціальные служилые люди и при томъ даже служилые люди по прибору начинаютъ получать жалованье безъ доклада государю; по крайней мѣрѣ, царь усваиваетъ привычку передавать дѣла о выдачѣ имъ жалованья въ руки центральныхъ подчиненныхъ учрежденій. Такъ, въ 1649 г. на челобитной карповскихъ драгунъ о жалованьи находимъ помѣту: «думным дияком Івану Гавреневу да Семену Заборовскому да дияку Григорью Ларіонову. Государь пожаловал велел указ учинит» [9]).

Разобранные выше факты выдачи жалованья относятся къ постоянному, выдаваемому по окладу, регулярному жалованью, къ жалованью «въ окладъ», какъ тогда выражались. Но бывали весьма часто случаи, когда служилые люди получали жалованье «въ приказъ, а не въ окладъ» [10]), т.-е. имъ дѣлались лишь единовременныя выдачи, не имѣвшія значенія постоянныхъ дачъ. А priori можно сказать на основаніи предыдущаго, что въ этомъ случаѣ дѣло не обходилось, по крайней мѣрѣ, большею частью, если не всегда, безъ личнаго рѣшенія его государемъ. И источники подтверждаютъ такое апріорное заключеніе: мы видимъ, что московскій царь выдаетъ самъ единовременныя награды своимъ слугамъ не только дворцовымъ, но и государственнымъ [11]), жалуетъ имъ деньги «на дворовое строенье»

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разр., № 91, л. 16 и об.; Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., ст. 2-го разр. Ор. пал., 7140 г., №№ 53 и 59, 7144 г., № 19, 7144 г., № 15, 7149 г., №№ 5 и 6, 7155 г., № 42.

[2]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7158 г., № 109, 7153 г., № 55.

[3]) Тамъ же, 7148 г., № 23, № 24.

[4]) Тамъ же, 7148 г., № 25.

[5]) Тамъ же, 7148 г., № 28.

[6]) Тамъ же, 7150 г., № 12.

[7]) Тамъ же, 7150 г., № 39.

[8]) Тамъ же, 7150 г., № 54.

[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 78, л. 181 и об.,

[10]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7133 г., № 132.

[11]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7156 г., № 4; 7151 г., № 14, 7125 г., № 3, № 5, № 65, № 81, 7127 г., № 1, № 10 и т. д.

(на постройку дворовъ)[1]), на платье[2]), на поминъ души усопшихъ родственниковъ[3]), выдаетъ «селитебный хлѣбъ»[4]) и т. д. Характерно, однако, что и здѣсь къ пятидесятымъ годамъ XVII вѣка проявляется тенденція къ порученію нѣкоторыхъ дѣлъ подчиненнымъ органамъ управленія. Такъ, особое жалованье за постройку новаго города (т.-е. укрѣпленій) въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII в. выдавалось обыкновенно по личному распоряженію царя[5]). Но въ 1650 г. наблюдаемъ слѣдующій любопытный фактъ, являющійся несомнѣннымъ зародышемъ новыхъ, начинающихъ слагаться порядковъ: жители города Вольнаго просили дать имъ особое жалованье за постройку острога; «государь пожаловал, велѣл указ учинит в Розряде»[6]).

Московское правительство, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, чрезвычайно ревниво относилось къ денежнымъ средствамъ, находившимся въ его распоряженіи. Этимъ объясняется то, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ всѣ остальные расходы—центральныхъ и областныхъ учрежденій—производились по указу носителя верховной власти.

Приказы не могли произвести ни одного сколько-нибудь значительнаго расхода безъ разрѣшенія царя. Такъ, въ 1633 г. «государь указал послат память, а взят денги в Помѣсном приказе на жалованье полскимъ городом на 5000, что им дат жалованья»[7]). Подобное же распоряженіе о выдачѣ денегъ изъ приказа на жалованье служилымъ людямъ въ г. Волуйкахъ встрѣчаемъ въ томъ же году[8]). Въ 1638 г. курскій воевода Данило Яковлевъ писалъ, что ему было велѣно купить въ Курскѣ рогожныхъ кулей для ссыпки и храненія

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 181, л. 27 и об., № 219, л. 102, № 242, л. 216 и об., № 268, л. 502 и сл., № 274, л. 203 и сл., № 285, л. 54 и об. и мн. др.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 108, № 43. Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., столбцы Оруж. пал., 7142 г., № 332, 7144 г., №№ 48, 25, 23 7150 г., № 43.

[3]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7144 г. № 5, № 3.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 158, л. 89 и об., № 3, лл. 1 и сл., 137 и об., № 104, л. 311 и об. и т. д.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 37, л. 277 и сл.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 304, лл. 353—354.

[7]) Тамъ же, № 60, л. 331.

[8]) Тамъ же, л. 369 и об.

въ нихъ муки, предназначенной для войска, и взять для этого денегъ изъ курскихъ неокладныхъ доходовъ, но денегъ этихъ у него мало; «государь указал послат к Данилу денег» [1]).

Послѣдній фактъ показываетъ, что и областныя власти—воеводы — расходовали имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи деньги обыкновенно по царскому указу. Еще болѣе яркимъ свидѣтельствомъ о такой сильной зависимости воеводъ отъ верховной власти въ данномъ отношеніи является слѣдующее наблюденіе: въ 1629 г. путивльскій воевода сообщалъ о доходахъ и расходахъ въ Путивлѣ за годъ, при чемъ указалъ, что съ путивльскихъ бортниковъ слѣдовало получить еще за медъ нѣкоторую сумму, которая и расходовалась обыкновенно на мѣстѣ, но въ нынѣшнемъ году приказъ Большого Дворца вытребовалъ эту сумму себѣ; отъ этого можетъ оказаться въ Путивлѣ дефицитъ; дѣло не обошлось безъ государя: Разрядъ рѣшилъ «выписат в доклад о денгах, откуда за мед денги имати указано и колко денег» [2]).

Въ 1629 г. для казенныхъ нуждъ взяты были у воронежскихъ служилыхъ людей подводы. Уплата денегъ за эти подводы произведена была съ доклада царю [3]).

Когда для казны покупался хлѣбъ, расходъ на эту покупку всегда производился съ утвержденія государя. Такъ было, напр., въ 20-хъ и 30-хъ годахъ при покупкѣ хлѣба для Кольскаго острога [4]), въ 1630 году въ Путивлѣ [5]), въ 1640 г. на Усердѣ [6]) и т. д.

Такъ какъ денежное хозяйство едва зарождалось, то для финансовъ государства весьма большое значеніе имѣли не однѣ деньги, а и всякаго рода запасы натурой, которыми (напр., хлѣбомъ) выдавалось жалованье и которые разсылались въ разныя мѣста и учрежденія непосредственно для удовлетворенія ихъ потребностей. Расходованіе всѣхъ этихъ натуральныхъ запасовъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ производилось въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ опять таки съ утвержденія главы государства. Напр..

---

1) Тамъ же, № 110, л. 27 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст., № 248—252.

3) Моск. Арх. Мин. юст., столбцы Бѣлгородс. стола Разр., № 37, л. 276 и об.

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 36, № 34.

5) Моск. Арх. Мин. юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 68, л. 69 и об.

6) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. ст. Разр., № 121, л. 557 и об.

такъ называемый донской отпускъ, т.-е. посылка хлѣба на Донъ на жалованье донскимъ казакамъ, производился всегда съ доклада царю [1]). Въ 1640 г. о расходѣ хлѣбныхъ запасовъ въ Хотмышскѣ на жалованье московскимъ стрѣльцамъ было „написано въ докладъ“, и государь рѣшилъ дѣло [2]).

Починка и постройка разныхъ казенныхъ зданій вызывала расходы, также нуждавшіеся въ санкціи царя: примѣромъ могутъ служить починки на большомъ посольскомъ дворѣ въ Москвѣ, произведенныя въ 1643 году [3]).

Даже такія мелочи, какъ починка вѣстового колокола въ Воронежѣ въ 1630 г., восходили до государя [4]).

Впрочемъ и здѣсь по мѣрѣ приближенія въ половинѣ XVII в. наблюдается иногда тенденція къ развитію бо́льшей самостоятельности подчиненныхъ органовъ администраціи. Вотъ два характерныхъ примѣра, показывающихъ, что мелкіе расходы стали производиться безъ доклада царю. Въ 1647 г., сторожа Устюжской четверти просили, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, выдать имъ свѣчъ и ладану къ образамъ въ помѣщеніи приказа; приказъ безъ государя распорядился выдачей [5]). Въ 1649 г. воевода города Бобрика просилъ прислать ему писчей бумаги, и это исполнено приказомъ безъ доклада царю [6]).

Предшествующее изложеніе даетъ намъ такимъ образомъ право слѣдующимъ образомъ формулировать соотношеніе между верховной властью и подчиненнымъ управленіемъ въ финансовыхъ дѣлахъ, поскольку это соотношеніе сложилось къ половинѣ XVII вѣка: подчиненныя учрежденія пріобрѣли право отдачи казенныхъ сборовъ на откупъ и сдачи ихъ на вѣру въ тѣхъ случаяхъ, когда откупная или „вѣрная“ система существовали уже въ данной мѣстности и не требовалось перехода отъ одной изъ нихъ къ другой; они-же отсрочивали на непродолжительное время платежъ податей, получали всѣ доходы государства, выдавали обычное жалованье служилымъ лю-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. юст., столбцы Бѣлгор. ст., № 908, л. 47 и об., № 141, лл. 44—46 и др.

[2]) Тамъ же, № 132, лл. 99—100.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 140, № 70.

[4]) Моск. Арх. Мин. юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 58, л. 92 и об.

[5]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 176, № 12.

[6]) Моск. Арх. Мин. юст., столбцы Бѣлгородс. ст. Разряда, № 877, л. 123 и об.

дямъ высшихъ разрядовъ и важнѣйшимъ должностнымъ лицамъ по центральному и областному управленію, а также дворцовымъ слугамъ, наконецъ, производили и другіе расходы, если они были невелики по размѣрамъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Соотношеніе верховныхъ и подчиненныхъ органовъ власти въ области суда.

I.

Судебныя дѣла доходили въ Московскомъ государствѣ до верховной власти тремя способами,—посредствомъ обращенія челобитчиковъ къ государю непосредственно, въ первой инстанціи, посредствомъ доклада подчиненныхъ органовъ власти и, наконецъ, путемъ подачи жалобы одною изъ тяжущихся сторонъ на рѣшеніе судьи. О послѣднемъ способѣ и вытекавшихъ отсюда послѣдствіяхъ мы будемъ говорить позднѣе, при разсмотрѣніи вопроса о надзорѣ и контролѣ надъ дѣятельностью властей въ Московскомъ государствѣ. Вопросъ о докладѣ и причинахъ, его вызывавшихъ, хорошо выясненъ въ литературѣ [1]). Поэтому теперь у насъ рѣчь пойдетъ лишь о судѣ царя и боярской думы въ первой инстанціи.

Надо прежде всего замѣтить, что конецъ изучаемаго періода принесъ опредѣленное законодательное запрещеніе обращаться къ государю съ прошеніями по судебнымъ дѣламъ, минуя приказы.

По этому поводу Уложеніе 1649 года содержитъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: „не бивъ челомъ въ приказѣ, ни о какихъ дѣлѣхъ государю никому челобитенъ не подавати“ подъ страхомъ наказанія батогами или тюремнымъ заключеніемъ; государю челобитчикъ можетъ бить челомъ лишь въ томъ случаѣ, если „ему въ приказѣ суда не дадутъ, или противъ его челобитья указу ему не учинятъ“ [2]). Это, несомнѣнно, весьма важное постановленіе указывающее, что, по крайней мѣрѣ, юридически, если не фактически, утверждено было отдѣленіе судебныхъ функцій подчиненныхъ органовъ власти отъ судебной дѣятельности царя. Намъ предстоитъ из-

---

[1]) См. особ. Дмитріевъ, Сочиненія, т. I,—Исторія судебныхъ инстанцій.

[2]) Уложеніе, X, 20.

слѣдовать, какъ практика подготовляла такое отдѣленіе и поскольку оно фактически осуществлялось. Эту задачу лучше и удобнѣе всего разрѣшить, разсматривая подробно организацію разбора и рѣшенія отдѣльныхъ категорій судебныхъ дѣлъ тѣмъ болѣе, что такимъ путемъ можно будетъ установить извѣстную постепенность въ передачѣ отдѣльныхъ видовъ нарушенія права въ самостоятельное вѣдѣніе подчиненныхъ учрежденій.

Начнемъ съ суда по государственнымъ преступленіямъ. Въ числѣ такихъ преступленій обращаетъ на себя вниманіе прежде всего измѣна. Подъ измѣной разумѣлись въ то время главнымъ образомъ побѣгъ или попытка къ побѣгу за границу или въ непріятельскую армію и сношенія съ непріятелемъ. Данныя нашихъ источниковъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что при наличности такихъ преступленій дѣло непремѣнно докладывалось царю, при чемъ докладъ производился немедленно послѣ обнаруженія преступленія, нерѣдко еще до производства слѣдствія, и царь обыкновенно предписывалъ воеводѣ или кому-либо изъ судей того или иного приказа произвести слѣдствіе; затѣмъ результаты разслѣдованія докладывались государю, и дѣло рѣшалось опять-таки по приговору этого послѣдняго. Такимъ образомъ, царь принималъ непосредственное и весьма активное участіе въ производствѣ и рѣшеніи подобныхъ дѣлъ. Такъ, напр., разобрано и рѣшено было въ 1628 г. дѣло о побѣгѣ за границу стрѣльца Самодура [1]), дѣло о бѣжавшемъ за рубежъ крестьянинѣ Андреѣ Терешкинѣ [2]) и т. д. [3]).

То, что сказано сейчасъ о побѣгѣ заграницу, слѣдуетъ повторить безъ всякихъ измѣненій о ходѣ и рѣшеніи дѣлъ о сношеніяхъ съ непріятелемъ: и здѣсь при обнаруженіи преступленія совершался докладъ царю, а затѣмъ и самый приговоръ устанавливали самимъ носителемъ верховной власти. Въ 1621 г. Иванъ и Степанъ Голенищевы обвиняли въ Брянскѣ своего брата Павла Голенищева въ сношеніяхъ съ „зарубежными людьми“, съ литовцами; объ этомъ было „выписано въ докладъ“, и, согласно рѣшенію царя, подсудимые были вызваны въ Москву въ Разрядъ, для производства слѣдствія,

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 26, л. 1 и об. и сл.

[2]) Тамъ же, л. 99 и об.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разр., № 18, л. 229 и об.; столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 11, л. 428 и сл.; столбцы Приказ. стола Разр., № 36, л. 322 и об., л. 331 и об., № 42, л. 121 и об., № 46, л. 79 и об.

чтобы потомъ результаты слѣдствія были доложены царю для постановленія приговора [1]).

Самымъ распространеннымъ, чаще всего встрѣчавшимся въ судебной практикѣ того времени государственнымъ преступленіемъ было оскорбленіе величества, произнесеніе „непригожихъ словъ“ или „посмѣшныхъ рѣчей“ про государя или царицу, „лаянье“ государя и т. д. И здѣсь порядокъ производства и рѣшенія былъ таковъ же, и въ только что указанныхъ случаяхъ. Вотъ типическій примѣръ, взятый изъ многихъ другихъ [2]). Въ 1639 г. стрѣлецъ Михайловъ донесъ на царицыну постельницу Волосатову и ея дочь, что онѣ про царя и царицу сказали „посмѣшное слово“; „государь против сеі челобитной указалъ сыскать околничему Василью Ивановичу Стрешневу да дьяку Сурнянину Тороканову“ и, когда слѣдствіе было закончено, и результаты его были ему доложены, велѣлъ постельницу „отставить изъ царицына чину“ и выслать ее, ея дочь и родственниковъ изъ царицыной слободы изъ Кисловки [3]).

Судебная волокита приводила въ то время часто къ тому, что обвиняемому приходилось долгіе годы высиживать въ тюрьмѣ, прежде чѣмъ его дѣло доходило до суда. Не выдержавъ тяжести и продолжительности тюремнаго заключенія, „тюремные сидѣльцы“ часто „говорили за собой государево слово“, заявляли, что они могутъ сдѣлать доносъ на кого либо въ государственномъ преступленіи. И въ этомъ случаѣ дѣло обязательно докладывалось царю, который опять распоряжался порученіемъ кому-либо произвести слѣдствіе и по окончаніи послѣдняго постановлялъ приговоръ. Примѣровъ—достаточно въ нашихъ источникахъ [4]), вотъ одинъ изъ нихъ. Въ 1630 г. Лехчановъ, сидя въ тюрьмѣ, сказалъ за собой государево дѣло, но обнаружилось, что основаній для этого въ дѣйствительности не было; дѣло было рѣшено по докладу государю [5]). Въ томъ же году два

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 11, л. 81.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разр., № 10, л. 265 и сл. № 83, л. 85 и об.; ст. Бѣлгор. ст. Разр., № 10, л. 28 и об., № 61, л. 145, № 83, л. 716 и об., № 236, л. 816 и об., № 270, л. 171 и об., № 298, лл. 20—21; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 85, № 64, св. 92, № 47, св. 172, № 105, св. 184, № 81; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 79, л. 60 и сл. и т. д.

[3]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7147 г., № 44.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 83, л. 286 и об.; столбцы Владимир. стола Разряда, № 32, л. 15 и сл., № 60, лл. 96 и об., 100 и сл., 110 и об., 175 и сл., 479 и сл., и т. д.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разр., № 18, л. 10 и об.

казака, подравшись, сказали другъ на друга по злобѣ государево дѣло; отписка объ этомъ была „государю чтена“, и онъ приговорилъ обоихъ ихъ „бить батоги, чтобы казакамъ неповадно было затѣвать государевы дѣла въ своихъ дракахъ“ [1]). Надо однако замѣтить, что уже самая многочисленность подобнаго рода дѣлъ вынуждала верховную власть удерживать за собой только право произнесенія приговора и не требовать доклада передъ производствомъ слѣдствія: этимъ производствомъ въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка начинаютъ распоряжаться центральные подчиненные органы—приказы, какъ показываетъ слѣдующій, напр., фактъ: сапожковскій полковой казакъ Василій Апрятка въ 1647 г. обвинялся въ одномъ преступленіи и, уклоняясь отъ суда, сказалъ за собой государево слово; сапожковскій воевода отписалъ объ этомъ въ Разрядъ; тамъ, не докладывая государю, рѣшили: „послат государева грамота, а велѣт его распросит, какое за ним государево дѣло; а будет не скажет, и ему быт пытану, да что скажет, о том отписат к государю“ [2]).

За исключеніемъ указаннаго сейчасъ слабаго зародыша выдѣленія самостоятельныхъ функцій подчиненныхъ органовъ власти при разборѣ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ—зародыша, сводящагося въ сущности къ производству ими слѣдствія, нельзя отмѣтить ничего, что до конца изучаемаго періода сокращало бы область непосредственнаго воздѣйствія верховной власти въ данномъ отношеніи. Судъ по государственнымъ преступленіямъ вообще производился самой верховной властью, и это нашло себѣ яркое отраженіе въ Уложеніи 1649 г., устанавливающемъ, всѣдъ за судебною практикой, широкое участіе царя въ постановленіи приговоровъ по государственнымъ преступленіямъ: невиновные въ измѣнѣ мужа или отца жена и дѣти измѣнника получаютъ на прожитокъ изъ вотчинъ и помѣстій, „что государь пожалуетъ“ [3]); при извѣтѣ о великомъ государевѣ дѣлѣ безъ свидѣтелей и уликъ дѣло рѣшается, „какъ государь укажетъ“ [4]); награда за убійство или поимку измѣнника выдается убившему или поймавшему изъ „животовъ“ измѣнника, „что государь укажетъ“ [5]) и т. д.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 46, лл. 340—341.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірс. стола Разряда, № 138, лл. 3—4.

[3]) Уложеніе, II, 7.

[4]) Тамъ же II, 12.

[5]) Тамъ же, II, 15.

II.

Въ ближайшей связи съ государственными преступленіями находятся преступленія противъ власти и противъ порядка управленія. Правосознаніе того времени, повидимому, придавало этимъ преступленіямъ несравненно меньшее значеніе, чѣмъ преступленіямъ государственнымъ. Притомъ преступленія противъ власти и противъ порядка управленія съ развитіемъ денежнаго хозяйства, торговыхъ сношеній, съ параллельными этому усложненіемъ гражданскихъ отношеній и связей и усиленіемъ вмѣшательства органовъ администраціи въ житейскія отношенія стали весьма частымъ, почти заурядным явленіемъ. По всѣмъ этимъ причинамъ невозможно было доводить всѣ эти дѣла до царя, и потому мы видимъ, какъ постепенно уменьшается непосредственное участіе верховной власти въ разборѣ и рѣшеніи дѣлъ по подобнымъ преступленіямъ.

Возьмемъ прежде всего дѣла о обидахъ, побояхъ и ранахъ, наносившихся разнымъ должностнымъ лицамъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Въ 1624 г. въ Каширѣ Лихоревы избили въ кабакѣ кабацкаго голову и цѣловальниковъ; каширскій воевода, по предписанію изъ приказа, произвелъ слѣдствіе и прислалъ въ Москву «обыскныя рѣчи»; здѣсь помѣтили на его отпискѣ: «выписат із обысков тотчасъ в доклад» [1]) царю, которому и принадлежало, слѣдовательно, право рѣшить дѣло. Въ 1636 г. воеводы Голенищевъ и Аверкіевъ были оскорблены въ съѣзжей избѣ сыномъ боярскимъ Фроловымъ и доставили объ этомъ отписку въ Москву; «государь, сей отписки слушавъ, указалъ» посадить Фролова въ тюрьму [2]). Въ томъ же году посадскіе люди города Сольвычегодска обвинялись въ замыслѣ убить и ограбить воеводу Головачева; объ этомъ дѣлѣ было «выписано в доклад» [3]). Эти факты показываютъ, что довольно долго верховная власть стягивала въ свои руки дѣла объ обидахъ, побояхъ и ранахъ, наносимыхъ должностнымъ лицамъ, причемъ подчиненные органы производили лишь слѣдствіе. Однако въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ наблюдается иное: сначала дѣла объ

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірс. стола Разр., № 31, л. 538 и об.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 115, лл. 637—643.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 84, № 53.

обидахъ и побояхъ, наносимыхъ второстепеннымъ администраторамъ, а потомъ и воеводамъ, передаются въ вѣдѣніе подчиненныхъ властей. Вотъ характерные факты. Въ 1632 г. устюжскій таможенный голова Клюкинъ и кабацкіе цѣловальники били челомъ на «англійскія земли переводчика Вилема Еремѣева», что онъ со своими людьми избилъ въ кабакѣ цѣловальниковъ; о разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣла «указал государь послать память в Посольской приказ» [1]). Въ 1642 г. Тимоновъ «безчестилъ и лаялъ» романовскаго воеводу Воейкова; «государь пожаловалъ, велѣл про то сыскат губному старостѣ» и сообщить для рѣшенія дѣла въ Разрядъ [2]). Правда, въ обоихъ указанныхъ случаяхъ нѣтъ еще рѣшенія дѣлъ подчиненными учрежденіями по собственной иниціативѣ, но все-таки несомнѣнна передача имъ подобныхъ дѣлъ верховной властью, такъ что намѣчается довольно ясно значительная перемѣна въ направленіи къ расширенію самостоятельности подчиненныхъ учрежденій.

Гораздо рѣзче и сильнѣе измѣнился въ указанномъ направленіи порядокъ рѣшенія дѣлъ о сопротивленіи или непослушаніи законнымъ требованіямъ властей. Въ нашихъ источникахъ сохранилось много данныхъ о томъ, что такія дѣла въ двадцатыхъ, тридцатыхъ, сороковыхъ, пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка разбирались и рѣшались подчиненными учрежденіями безъ всякаго участія царя [3]). Приведемъ нѣсколько типическихъ примѣровъ. Въ 1627 г. въ Устюжнѣ-Желѣзопольской Панковскій оказалъ сопротивленіе воеводѣ при обыскѣ, произведенномъ у него по подозрѣнію въ корчемствѣ; воевода донесъ объ этомъ въ приказъ, и послѣдній безъ государя распорядился подвергнуть одного изъ холоповъ Панковскаго тюремному заключенію [4]). Въ 1646 г. жители Шунгскаго погоста сопротивлялись при сборѣ податей; Устюжская четверть предписала воеводѣ наказать ихъ [5]). Въ 1638 г. за сопротивленіе воеводѣ посадскаго человѣка въ Лихвинѣ приказъ, безъ доклада государю, предписалъ посадить виновнаго въ тюрьму на два дня [6]).

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 57, № 66.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірс. ст. Разр., № 117, л. 269 и слѣд.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 28, л. 51 и об., № 39, л. 104 и об.; № 281, лл. 2—3; столбцы Моск. ст. Разр., № 40, л. 580 и об., № 74, ст. 2, л. 135 и об., № 58, л. 74 и об.; столбцы Владимірс. стола Разр., № 84, л. 59 и сл.; столбцы Моск. ст. Разр., № 272, л. 94 и об. и т. д.

[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 27, № 76.

[5]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 166, № 42.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 87, л. 11 и об.

Только въ особо важныхъ случаяхъ, преимущественно тогда, когда сопротивленіе оказывалось военнымъ распоряженіямъ воеводы, дѣло докладывалось государю, какъ показываютъ между прочимъ [1]), слѣдующія наблюденія. Въ 1649 г. царю былъ сдѣланъ докладъ о сопротивленіи жителей Царева Алексѣева города предписаніямъ воеводы относительно постройки укрѣпленій [2]). Въ 1630 г. крестьяне Комарицкой волости отказались перейти въ городъ по случаю осаднаго времени,—и дѣло также не обошлось безъ доклада государю [3]). Въ 1648 г. жители Добраго Городища отказались выдать разбойниковъ и отвести слѣдъ; «государь указалъ про такое воровство сыскат» воеводѣ [4]). Намъ уже извѣстно, какъ ревниво относились московскіе цари къ каждой копейкѣ, поступавшей въ ихъ казну. Понятно поэтому, что въ 20-хъ годахъ всякій отказъ отъ уплаты податей непремѣнно восходилъ до государя. Такъ, когда въ 1627 г. строитель Телѣгова монастыря въ Устюжскомъ уѣздѣ отказался платить государевы четвертные доходы—данные и оброчные,—то объ этомъ выписано было «въ докладъ» [5]). Точно также, когда въ 1628 г. Чихачевъ «угрозою заказалъ» въ волости Шалгѣ Чарондскаго уѣзда выборному вѣрному цѣловальнику Степанову, чтобы онъ не бралъ мыта съ его крестьянъ, то «государь слушалъ и указалъ про то сыскат послат с Москвы нарочно дворенина или сына боярсково добра» [6]). Однако позднѣе, по крайней мѣрѣ, въ менѣе важныхъ случаяхъ, наблюдается иной порядокъ рѣшенія подобныхъ дѣлъ; въ 1630 г. крестьяне одной изъ волостей Устюжскаго уѣзда жаловались въ Устюжскую четверть на одного крестьянина, что онъ отказывается платить четвертные доходы; приказъ не доложилъ государю, а рѣшилъ дѣло самъ: „отписат, велѣт доправит“, значится въ помѣтѣ. [7]) Въ 1633 дѣло о неплатежѣ государевыхъ доходовъ 12-ю деревнями Устьянскихъ волостей Ростовской волости было рѣшено дьякомъ Пантелеемъ Чириковымъ въ Устюжской четверти совершенно самостоятельно. [8])

---

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 11—12, л. 515 и об.; № 134, лл. 310—311, № 270, л. 239 и об. и др.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 305, л. 199 и об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 58, л. 311 и об.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірс. ст. Разр., № 131, л. 406 и об

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 23, № 9.

6) Тамъ же, св. 31, № 66.

7) Тамъ же, св. 42, № 74.

8) Тамъ же, св. 61, № 5.

Къ числу преступленій противъ порядка управленія относится также контрабанда или продажа заповѣдныхъ товаровъ. Характерно, что и дѣла по этому преступленію, сначала рѣшавшіяся царемъ, затѣмъ постепенно переходятъ въ вѣдѣніе подчиненныхъ учрежденій. Въ Мещовскѣ въ 1624 г. вывозили за рубежъ заповѣдные товары; по этому дѣлу сдѣланъ былъ докладъ царю [1]). Но когда въ 1644 г. купцы порохового ряда обвинялись въ продажѣ пороха крымцамъ, то судилъ и рѣшилъ дѣло Посольскій приказъ безъ всякаго участія государя. [2])

Еще въ документахъ XVI вѣка—въ губныхъ [3]) и уставныхъ земскихъ [4]) грамотахъ—находимъ несомнѣнныя указанія на то, что дѣла о корчемствѣ были подсудны губнымъ старостамъ и излюбленнымъ головамъ, т.-е. органамъ подчиненнымъ. Самостоятельность подчиненныхъ учрежденій въ рѣшеніи этихъ дѣлъ въ XVII вѣкѣ засвидѣтельствована также многими документами. Вотъ примѣры: въ 1636 г. дѣло о корчемствѣ въ Сольвычегодскѣ рѣшено было безъ государя [5]); то же повторилось въ Тотемскомъ уѣздѣ въ 1637 г. [6]). Въ 1639 г. усердскій воевода далъ на поруку до указа троихъ дѣтей боярскихъ за корчемную продажу одному казаку вина; разрядъ безъ доклада царю велѣлъ дѣтей боярскихъ посадить въ тюрьму на два дня, а казака на три дня, а если окажется, что казакъ этимъ виномъ „чумашничалъ, продавалъ“, предписалъ „бить его батоги“. [7]) Въ 1640 г. по дѣлу о корчемствѣ въ Осколѣ Разрядъ вынесъ рѣшеніе: „дать государева грамота“, чтобы воевода разобралъ дѣло. [8])

III.

Расчлененіе общества на замкнутыя, юридически-различающіяся одно отъ другого сословія и крѣпостническія тенденціи соціальнаго развитія сильно увеличили число дѣлъ, касающихся нарушенія правъ

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 11, л. 369 и об.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 150, № 56.

[3]) Ретвихъ, Органы губного управленія въ XVI и XVII в.,—въ „Сборникѣ нравовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, томъ VI, стр. 267, прим. 45.

[4]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 234; т. III, № 37.

[5]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 83, № 36.

[6]) Тамъ же, св. 92, № 48.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Бѣлг. ст. Разр., № 128, л. 434 и об.

[8]) Тамъ же, № 115, л. 306 и об.

состоянія. Судебная практика того времени особенно богата была всякаго рода исками о холопствѣ и крестьянствѣ.

Въ 1614 г. князь Иванъ Голицынъ просилъ дать ему грамоту о правѣ вывезти его крестьянъ, бѣжавшихъ изъ его дѣдиловскаго помѣстья и найденныхъ имъ у нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ Тульскаго уѣзда; „государь пожаловал, велѣл дат свою свозную грамоту, за кѣм сыщет“ [1]). Подобныя же дѣла рѣшались самимъ царемъ неоднократно и позднѣе, въ 20-хъ годахъ XVII вѣка. [2]) Однако, уже одновременно съ этимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣльцы просили оставить за ними ихъ крестьянъ, неправильно вывозимыхъ отъ нихъ другими землевладѣльцами, государь обыкновенно предписывалъ разобрать и рѣшить дѣло подчиненнымъ органамъ, чѣмъ подготовлялось расширеніе самостоятельной компетенціи послѣднихъ. Такъ было, напр., въ 1613 г. съ Чудовымъ монастыремъ, на челобитьѣ архимандрита котораго помѣчено: „государь велѣл дат ему суд и сыскъ, да по суду и по сыску указ учинит, до чево доведетца, чтобы вперед о том не били челом“. [3]) Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ практика рѣшенія исковъ о крестьянахъ приказами и воеводами утверждается вполнѣ прочно, какъ видно изъ ряда наблюденій надъ источниками. Панинъ въ 1636 г. жаловался на Карогодовскаго, что онъ подговорилъ выйти къ себѣ изъ его козельской вотчины крестьянина „съ его крестьянскими животы и с ссудным хлебом и с денгами,“ и просилъ дать ему грамоту въ Козельскъ къ воеводѣ „въ подговорномъ крестьянинѣ и въ сносѣ, что стати ему на Москвѣ к ответу в Челобитном приказе“; приказъ, не обращаясь къ царю, помѣтилъ: „дат государева грамота“ [4]). Подобное же рѣшеніе находимъ на челобитныхъ ливенскаго Сергіева монастыря въ томъ же году, [5]) галичанина Апушкина въ 1639 г., [6]) Коптева относительно его кинешемскихъ крестьянъ въ 1643 г. [7]).

---

1) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр Оруж. пал., 7122 г., № 41.

2) См., напр., тамъ жѳ, 7122 г., № 49, 7129 г., №№ 183 и 217.

3) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7121 г., № 31.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірс. ст. Разр., № 70, л. 5 и об.

5) Тамъ же, л. 42 и об.

6) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірс. стола Разр., № 84, л. 137 и сл.

7) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірс. стола Разр., № 111, л. 115 и сл.

Въ 1647 г. Новгородская четверть, такъ же не докладывая царю, поручила разборъ и рѣшеніе дѣла о вывезенныхъ у новгородца Колобова крестьянахъ мѣстному приказному человѣку [1]). Въ 40-хъ годахъ, если какой-либо челобитчикъ обращался при искѣ о крестьянахъ прямо къ государю, минуя низшія инстанціи, то государь не разбиралъ дѣла, а передавалъ дѣло въ подчиненныя учрежденія, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра: въ 1640 г. Лихаревъ просилъ вернуть ему его крестьянина, бѣжавшаго за границу, потомъ вернувшагося и поселившагося у другого землевладѣльца; несмотря на то, что дѣло было весьма запутанное, государь не сталъ его рѣшать самъ, а „велѣл в том указ учинит и государеву грамоту дат по уложенью, досмотря ево государева указу и уложенья“ [2]).

Въ томъ-же направленіи, т.-е. къ расширенію самостоятельной компетенціи подчиненныхъ учрежденій, совершались перемѣны въ разборѣ и рѣшеніи дѣлъ о возвратѣ въ прежнее состояніе крестьянъ, бѣжавшихъ на посадъ или записавшихся въ служилые люди. Такъ въ 1613 году самъ царь распорядился возвращеніемъ князю Сицкому его медынскихъ крестьянъ, бѣжавшихъ на посадъ въ Калугу [3]). Но въ нашемъ распоряженіи имѣется множество позднѣйшихъ фактовъ, указывающихъ, что подобныя дѣла стали рѣшаться подчиненными органами безъ участія верховной власти [4]); напр., въ 1628 г., когда сынъ боярскій Сѣченый нашелъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ Бѣлгородѣ, приказъ помѣтилъ на его челобитной: „дат грамота, а велѣт дат суд“ [5]); точно также въ 1639 г. приказъ сбору ратныхъ людей самостоятельно рѣшилъ дѣло о возвратѣ Троицкому Сергіеву монастырю его крестьянина, записавшагося въ драгуны [6]). Рѣдко, и то лишь тогда, когда крестьяне формально были уже зачислены въ другое сословіе, дѣло не обходилось безъ участія государя: такъ было, напр., тогда, когда въ 1648 г. посадскій староста

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 187, № 99.

2) Тамъ же, св. 119, № 51.

3) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7121 г., № 46.

4) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 104, л. 430 и об., Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7128 г., № 39 и мн. др.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разр., № 33, л. 7 и об.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 104, № 16.

въ Ельцѣ зачислилъ торговавшихъ тамъ крестьянъ Караманова въ посадскіе люди [1]).

Иногда холоповъ и крестьянъ насильственно сводили отъ ихъ владѣльцевъ. Въ этихъ случаяхъ иски разрѣшались въ 30-хъ и 40-хъ годахъ также исключительно подчиненными учрежденіями. Такъ въ 1630 г. приказъ рѣшаетъ дѣло о сводѣ холопа и похищеніи лошадей и имущества [2]), въ 1642 г. подобное дѣло поручается суду воеводы, [3]) въ 1650 г. дѣло рѣшаетъ Соковнинъ въ Мастерской палатѣ [4]) и т. д.

Иски о бѣглыхъ кабальныхъ людяхъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ доходили до царя, обыкновенно же разсматривались и рѣшались подчиненными учрежденіями, воеводами [5]), приказомъ Холопья суда [6]) и т. д. [7]).

Въ 1628 г. Устюжская четверть самостоятельно огородила устюжанина, посадскаго человѣка Злобина, отъ сына боярскаго Розварина, пытавшагося его закабалить [8]). Въ 1649 г. дѣло о насильственномъ закрѣпощеніи свободной женщины, племянницы тяглеца Казенной слободы, разбиралось и было рѣшено въ Царицыной мастерской палатѣ безъ государя [9]). Верховная власть вмѣшивалась только тогда, когда иностранцы объявляли русскихъ посадскихъ людей своими холопами, какъ то было, напр., въ Новгородѣ въ 1647 г. [10]), такъ что вообще дѣла о закабаленіи или закрѣпощеніи лицъ городского сословія вѣдались въ XVII вѣкѣ подчиненными учрежденіями.

Весьма нерѣдко случалось, однако, что пытались закабалить слу-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. стола Разр., № 275, л. 69 и об.

[2]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7138 г., № 61.

[3]) Тамъ же, 7150 г., № 2.

[4]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7158 г., № 16.

[5]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7157 г., № 4; 7158 г., №№ 20 и 21 и др.

[6]) Тамъ же, 7133 г., № 29, 7136 г., № 41, 7150 г., №№ 52 и 55.

[7]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 148, № 48; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 41, л. 1 и об., л. 3 и об., л. 11 и об. и т. д.

[8]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 30, № 56.

[9]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7157 г., № 38.

[10]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 177, № 14.

жилаго человѣка. Въ такихъ случаяхъ дѣло рѣшалось всегда подчиненными органами власти: такъ, напр., когда Савельевъ въ 1624 г. жаловался на соловлянина сына боярскаго Хрипкова, что онъ объявилъ его своимъ холопомъ, то дѣло было рѣшено въ пользу Савельева Холопьимъ приказомъ [1]); въ 1649 г. дѣло о попыткѣ закрѣпостить пушкарскаго сына государь, которому, по старой привычкѣ, непосредственно подана была челобитная, велѣлъ разрѣшить въ приказѣ [2]). Докладъ государю, иногда и государю съ Думой, былъ обязателенъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда служилый человѣкъ, вопреки закону, самъ добровольно поступалъ въ холопы. Вотъ примѣры: въ 1626 г. Левашова просила вернуть въ службу ея сына, закабалившагося князю Шуйскому; «государь пожаловал, велел выписавъ доложит себя государя, был ли сын твой в службе и верстан ли и своею ль волею бил челом в холопи» [3]); въ 1641 г. Окороковъ и двое Бабоѣдовыхъ просили освободить ихъ родственника, поступившаго въ кабальные холопы къ князю Репнину, и самъ царь освободилъ его [4]) и т. д.

Крѣпостническія тенденціи общества сказывались часто по отношенію къ плѣннымъ и выходцамъ изъ-за границы: ихъ также пытались объявлять холопами. Въ этомъ случаѣ всегда вмѣшивалась верховная власть, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ 1633 г. самъ царь распорядился огражденіемъ свободы плѣнной польки-шляхтянки Малаховской, которую одинъ сынъ боярскій хотѣлъ «похолопить», выдавъ замужъ за своего человѣка [5]); въ 1631 г. [6]) и въ 1656 г. [7]) понадобилось вмѣшательство государя, чтобы предотвратить закрѣпощеніе двухъ литовскихъ шляхтичей, вышедшихъ на его имя.

Наконецъ, правительству приходилось слѣдить за тѣмъ, чтобы и два высшихъ сословія—служилое и посадское—были прикрѣплены къ своимъ обязанностямъ, строго отграничены другъ отъ друга.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7132 г., № 34.

[2]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7157 г., № 50.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разр., № 39, л. 16 и об.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородск. стола Разряда, № 74, л. 41 и сл.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 100, л. 323 и об.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірск. стола Разр., № 32, л. 155 и об.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 325, л. 818 и слѣд.

Между тѣмъ посадскіе люди бѣгали съ посадовъ, уклоняясь отъ тягла, или записывались въ служилые люди по прибору, вызывая тѣмъ иски о возвратѣ со стороны посадской общины; съ другой стороны, посадская община стремилась обложить тягломъ и служилыхъ людей по прибору, нерѣдко промышлявшихъ и торговавшихъ на посадѣ, иногда даже прямо записывали ихъ въ посадскіе люди. Интересуясь прежде всего обезпеченіемъ службы, государство съ особенною строгостью наблюдало за тѣмъ, чтобы служилые люди не зачислялись на посадъ, и потому нерѣдко такія дѣла доходили до царя; но онъ уже обыкновенно передавалъ ихъ въ подчиненныя учрежденія. Ограничимся однимъ примѣромъ: когда въ 1639 г. нѣсколько человѣкъ карачевскихъ пушкарей и затинщиковъ жаловались, что ихъ неправильно зачисляютъ на посадъ въ качествѣ посадскихъ людей, то «государь пожаловал, велѣл про то сыскат, а по сыску указ учинит по уложенью» [1]). Точно такъ же и дѣла о посадскихъ людяхъ самостоятельно рѣшались подчиненными учрежденіями: напр., въ 1641 г. клинскій губной староста прислалъ отписку о побѣгѣ съ посада посадскаго человѣка Овчинникова; приказъ безъ государя рѣшилъ вернуть его на посадъ [2]); въ 1646 г. псковскіе земскіе старосты просили вернуть на посадъ посадскаго человѣка Смолянкина, записавшагося въ пушкари; рѣшено: «дат государева грамота, велѣт про то сыскат, будет наперед сего в пушкарѣх не бывал, а нынѣ торгуетъ, и ево по прежнему велѣт из пушкарей взят въ тягло» [3]).

IV.

Мы не будемъ останавливаться на способахъ разбора и рѣшенія дѣлъ о религіозныхъ преступленіяхъ, потому что въ этой области незамѣтно никакихъ измѣненій за все изучаемое время: въ эпоху всевозможныхъ суевѣрій понятіе религіознаго преступленія было необычайно широко, репрессія въ этомъ случаѣ отличалась тогда чрезвычайной суровостью и, наконецъ, всему дѣлу придавалось такое важное значеніе, что оно обыкновенно не проходило безъ участія верховной власти; вотъ почему мы видимъ, что царь рѣшаетъ дѣла объ

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 116, № 8.
[2]) Тамъ же, св. 127, № 42.
[3]) Тамъ же, св. 16[8], № 72.

отступленіи отъ православія въ мусульманство [1]), о колдовствѣ [2]), о «порчѣ» [3]), о святотатствѣ [4]), о волшебствѣ [5]).

Переходимъ къ преступленіямъ противъ жизни—къ убійству. Не подлежитъ сомнѣнію и подтверждается цѣлымъ рядомъ указаній источниковъ [6]), что обыкновенныя дѣла объ убійствѣ судились и рѣшались подчиненными органами власти—приказами, воеводами, приказными людьми, губными старостами. Правда, между центральными и областными учрежденіями дѣла эти распредѣлялись, какъ и большая часть другихъ дѣлъ, довольно безпорядочно, и все опредѣлялось тѣмъ, куда поступала челобитная, такъ какъ отъ челобитчика зависѣло, начать ли дѣло въ приказѣ въ Москвѣ или передъ областными властями, однако и здѣсь уже обнаруживалась сильная тенденція въ передачѣ главной массы дѣлъ мѣстнымъ учрежденіямъ. При всемъ томъ, однакоже, бывали случаи, когда, по старой привычкѣ, подавалась челобитная прямо царю о обыкновенномъ убійствѣ; тогда царь предписывалъ подчиненнымъ органамъ рѣшить дѣло. Вотъ характерный примѣръ. Въ 1651 г. Чупахинъ подалъ челобитную царю объ убійствѣ Дружининымъ и Корченковымъ его крестьянъ; государь «велѣлъ указъ учинить» яблоновскому воеводѣ князю Репнину [7]).

Зато приговоръ по дѣламъ объ убійствахъ особаго рода не могъ быть постановленъ безъ непосредственнаго участія верховной власти. Въ этомъ отношеніи сфера непосредственнаго воздѣйствія послѣдней была еще весьма широка. Такъ, дѣла о мужеубійствѣ подлежали рѣшенію царя и Боярской думы. Напр., въ 1636 г. по дѣлу о мужеубійствѣ, случившемся въ Курскѣ, «бояре приговорили» зарыть мужеубійцу живьемъ въ землю [8]). Верховная власть рѣшала также

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 11, № 27.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 11, л. 162 и сл., № 54, ст. 2, л. 247 и об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородск. ст. Разр., № 83, л. 58 и об.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 575, л. 148 и сл.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 181, № 66.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 87, № 70, св. 129, № 53, св. 150, № 53; Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го Разр. Оруж. пал., 7150 г., № 5; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 41, л. 61 и об.; Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, ст. 2-го разр. Оруж. пал., 7144 г., № 29; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 12, л. 312 и сл., и т. д.

7) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 298, л. 33 и сл.

8) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 83, л. 258 и об.

дѣла о братоубійствѣ. Вотъ примѣры: въ 1638 г. государю докладывали о результатахъ слѣдствія по дѣлу о братоубійствѣ, совершенномъ Шепелевымъ, при чемъ цѣлью доклада было получить опредѣленное рѣшеніе [1]); въ 1641 г. отписка о другомъ случаѣ братоубійства была «государю чтена; государь указал того убійцу пытать накрѣпко» и прислать разспросныя рѣчи въ Москву [2]).

Убійство, совершенное служилымъ человѣкомъ во время похода или вообще во время отбыванія службы, также подлежало суду самого царя или Боярской думы въ первой инстанціи. Въ 1622 г. въ Данковѣ на службѣ одинъ служилый человѣкъ подрался съ другимъ и убилъ его; «бояре приговорили за его воровство бити на козлѣ кнутомъ» [3]). Въ другомъ подобномъ случаѣ, относящемся къ 1644 году, приговоръ постановилъ государь [4]). Имъ же рѣшено было дѣло объ убійствѣ Дымовскимъ казака Комарева въ 1648 г. [5])

До царя доходили далѣе и имъ рѣшались въ первой инстанціи дѣла объ убійствѣ холопами и крестьянами свободныхъ людей, особенно ихъ господъ. Слѣдующіе, взятые на выборъ, факты свидѣтельствуютъ объ этомъ. Въ 1632 г. по дѣлу объ убійствѣ въ Устюжскомъ уѣздѣ Важенина двумя холопами слѣдствіе было произведено воеводой и дьякомъ Устюжской четверти Пантелеемъ Чириковымъ, а затѣмъ дѣло было выписано «въ докладъ» государю [6]). Въ 1636 г. въ Торопецкомъ уѣздѣ Кушелевъ былъ убитъ своими крестьянами, о чемъ было доложено царю, и онъ велѣлъ пытать ихъ и разспросныя рѣчи сообщить въ Москву [7]). То же самое наблюдаемъ въ 1638 г. при убійствѣ Сергѣева крестьяниномъ Тыртова [8]), въ 1642—при убійствѣ Левашова холопомъ Волынскаго Игнатьевымъ [9]), въ 1654—при убійствѣ Толбугина крестьянами князя Черкасскаго [10]).

Къ числу исключительныхъ дѣлъ, подлежавшихъ рѣшенію вер-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Моск. ст. Разр., № 134, л. 639 и об.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 85, № 64.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 12, лл. 142 об.—150.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 190, л. 323 и об.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 131, л. 68 и об., л. 183 и об.

[6]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 49, № 48.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разр., № 58, л. 463 и сл.

[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 133.

[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 117, л. 149 и сл.

[10]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 294, л. 326 и сл.

ховной власти, принадлежали, наконецъ, дѣла объ убійствѣ священно- и церковнослужителей и объ убійствѣ иностранныхъ подданныхъ, а также объ убійствѣ иностранцами русскихъ. Вотъ доказательства: въ 1642 г. дьяконъ въ пьяномъ видѣ зарѣзалъ въ кабакѣ попа, съ которымъ у него была «недружба» и который его раньше «бивалъ неодинова»; отписка объ этомъ была «государю чтена», и онъ рѣшилъ послать грамоту, съ предписаніемъ произвести пытку [1]); въ 1635 г. была выписана въ докладъ отписка холмогорскаго воеводы объ убійствѣ одного посадскаго человѣка «цесарскія земли прапорщикомъ Улфомъ Полгеромъ» [2]); въ 1639 г. царь рѣшилъ дѣло объ убійствѣ одного литвина Петрищевымъ [3]).

Въ связи съ убійствомъ или «душегубствомъ», какъ оно обыкновенно тогда называлось, стоятъ другія «губныя» дѣла, именно—разбой и татьба съ поличнымъ. Еще губныя грамоты XVI вѣка установили подсудность этихъ дѣлъ подчиненнымъ органамъ областного управленія [4]), и это сохранилось въ XVII в. Если и бывали случаи, когда дѣло разсматривалось и рѣшалось царемъ, то это было исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Сюда относились, напр., дѣла о массовыхъ и систематическихъ разбояхъ на Волгѣ: въ 1623 г. воронежскій воевода прислалъ въ Москву слѣдственное дѣло о такихъ разбояхъ, и рѣшено было его «выписать в доклад тотчас» [5]). Безъ царя—что вполнѣ естественно—не обходились и дѣла о разбояхъ надъ иностранными подданными: въ 1639 г. было «написано в доклад» о разбоѣ, совершенномъ однимъ жителемъ Торопца надъ заграничными велижскими крестьянами [6]); въ 1645 г. подверглись разбою караваны двухъ голландскихъ купцовъ около Новгорода; дѣло было немедленно доложено государю, который распорядился производствомъ слѣдствія воеводой и Посольскимъ приказомъ; затѣмъ послѣдовалъ докладъ царю, который и постановилъ приговоръ [7]).

Наши источники переполнены фактами, свидѣтельствующими, что

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 129, № 45.
2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 76, № 62.
3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 108, л. 446 и сл.
4) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 187, 192, 194, 224, 330; Доп. къ Акт. Историч., т. I, № 31.
5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 11, л. 9 и об.
6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 103, № 11.
7) Тамъ-же, св. 157 № 18.

всѣ обыкновенныя дѣла по разнаго рода уголовнымъ преступленіямъ увѣчью, нанесенію ранъ и побоевъ, безчестью, кражѣ, грабежу, поджогу. машенничеству [1]), а также всѣ гражданскія правонарушенія [2]) разбирались и рѣшались въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка подчиненными учрежденіями. Мы не будемъ поэтому останавливаться на этомъ вопросѣ подробно; отмѣтимъ только тѣ особые случаи, въ которыхъ замѣтно непосредственное участіе верховной власти въ первой инстанціи; мы убѣдимся при этомъ, что такъ бывало лишь тогда, когда были спеціальныя для того причины, коренившіяся въ характерѣ разбираемаго дѣла.

Въ 1621 года Леховъ и Левашовъ по царскому указу взяли въ Вязьмѣ у литовскаго купца могилевца Таруты икону съ мощами и перо и привезли ихъ въ Москву, оставивъ Тарутѣ подъ закладъ ихъ 411 руб. 4 деньги и условившись размѣняться обратно въ Петровъ день того-же года; потомъ Таруга отказался размѣняться и потому Леховъ и Левашовъ просили царя дать грамоту вяземскому воеводѣ задержать въ Вязьмѣ могилевскихъ купцовъ; «государь пожаловал, велѣл дат грамота» [3]). Понятно, почему здѣсь необходимо было участіе царя: рѣчь шла о неисполненіи обязательства иностраннымъ подданнымъ, и мѣра, вызывавшаяся обязательствами сводилась къ репрессіямъ по отношенію къ иностраннымъ подданнымъ.

Въ 1641 г. Погожевъ обвинялъ Нелединскаго, что онъ подкупилъ лицъ, участвовавшихъ въ повальномъ обыскѣ, почему послѣдніе показали на вторичномъ обыскѣ не такъ, какъ при первомъ; неудивительно, что при такомъ исключительномъ и важномъ обвиненіи «государь пожаловал, велѣл дѣло внести къ бояромъ» [4]).

---

[1]) Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 102, № 70, св. 139, № 60, св. 144, № 15, св. 152, № 61, св. 157, № 31, св. 135, № 65, св. 152, № 68, св. 156, № 14, св. 121, № 77, св. 139, № 60, св. 141, № 75, св. 144, № 15, св. 152, № 61, св. 153, № 71; св. 158, № 46, Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Бѣлгор. ст., № 1076, л. 13 и об.; Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., ст. Оруж. пал., 7139 г., № 94.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 81, № 13, св. 88, № 14, св. 90, № 34, св. 92, № 53, св. 94, № 5, св. 96, №№ 14 и 15, св. 97, № 23, св. 104, № 22, св. 120, № 65 и т. д.; Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Приказ. ст. Разр., № 108, л. 190 и об. и т. д.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 181, ст. 3, л. 1. и об.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 205, л. 7 и об.; Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го Оруж. пал., 7143 г., № 216; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 54, ст. 2, л. 196 и об. и т. д.

Понятно—далѣе, что до чрезвычайности сложный и запутанный споръ о наслѣдствѣ между вдовой князя И. Б. Черкасскаго и княземъ Я. К. Черкасскимъ былъ въ концѣ концовъ въ 1643 г. разрѣшенъ самимъ царемъ, предоставившимъ однако и здѣсь разрѣшеніе отдѣльныхъ пунктовъ спора подчиненнымъ учрежденіямъ какъ видно изъ слѣдующаго текста помѣты: «государь пожаловалъ животы велѣлъ раздѣлит по прежнему своему государеву указу боярину князю Алексѣю Михайловичу Львову да дьяку Григорью Ларивонову, а судное дѣло взяти к Москвѣ, а вотчинами владѣти по дачемъ, что кому дано, а государево жалованье загородные дворы раздѣлити пополам, а что живот своз до дѣлу, и то написат и биті челом іменно, а въ Юрьевскомъ уѣздѣ вотчину село Семинское з деревнямі і с пустошами раздѣліті пополам» [1]).

Остается, наконецъ, отмѣтить, что нѣкоторыя измѣненія въ процессуальныхъ дѣйствіяхъ властей опредѣлились распоряженіемъ царя. Сюда относились, напр., переносъ дѣла изъ одного учрежденія въ другое по просьбѣ одной изъ сторонъ [2]), отсрочка разбирательства по случаю отправленія на службу, похода и по другимъ уважительнымъ причинамъ [3]). Иногда впрочемъ—именно тогда, когда законъ давалъ основанія для разрѣшенія просьбы въ опредѣленномъ смыслѣ,—царь и въ процессуальныхъ вопросахъ предоставлялъ рѣшеніе дѣла подчиненнымъ учрежденіямъ, хотя съ челобитной обращались и непосредственно къ верховной власти. Такъ бывало, напр., тогда когда отвѣтчики просили царя рѣшить дѣло въ ихъ пользу за неявкой истцовъ. Въ такихъ случаяхъ государь распоряжался, чтобы приказы или воеводы «указъ учинили по уложенью»: такъ было, напр., въ 1635 [4]), 1691 г. [5]) и т. д.

Такимъ образомъ, мы убѣдились, что самостоятельныя судебныя функціи подчиненныхъ учрежденій выражались къ половинѣ XVII вѣка въ производствѣ слѣдствія по государственнымъ преступленіямъ, въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ о преступленіяхъ противъ власти и противъ порядка управленія (за исключеніемъ особенно важныхъ)

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разр., № 4, л. 39 и об. № 71, л. 44 и об., № 80, л. 1 и об.; ст. Бѣлгор. ст. Разр., № 4, л. 109 и об., № 16, л. 235 и об., № 65, л. 105 и об., № 130, л. 96 и об.; Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7140 г., № 37 и т. д.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 15, № 33.

3) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 91, № 40.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 70 л., 5 й об.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 130, № 61.

исковъ о крестьянахъ и холопахъ, дѣлъ о закабаленіи и закрѣпощеніи свободныхъ людей, о выходѣ служилыхъ и посадскихъ людей изъ ихъ состояній, наконецъ обыкновенныхъ, заурядныхъ дѣлъ объ убійствѣ, о преступленіяхъ противъ здоровья, чести и противъ правъ имущественныхъ и всякаго рода гражданскихъ тяжбъ. Въ общемъ нельзя не признать, что соотношенія между верховными и подчиненными органами власти въ области суда складывались въ извѣстномъ уже намъ направленіи облегченія верховной власти и высшихъ учрежденій отъ множества мелкихъ дѣлъ, ранѣе постоянно восходившихъ до нихъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Полицейская дѣятельность государства. Соотношеніе между верховной влатью и подчиненными органами въ дипломатической дѣятельности.

Полицейская дѣятельность государства, т. е. заботы его о безопасности и благосостояніи населенія, развивается, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, позднѣе, чѣмъ другія функціи государственной власти. Поэтому здѣсь мы будемъ наблюдать гораздо больше остатковъ страны, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Сколько-нибудь организованной полиція безопасности становится лишь въ XVI вѣкѣ, съ появленіемъ губныхъ учрежденій. Губныя грамоты свидѣтельствуютъ, что населеніе стало выбирать десятскихъ, пятидесятскихъ и сотскихъ на каждые 10, 50, 100 дворовъ; всѣхъ пріѣзжихъ и проѣзжихъ людей населеніе должно было «являть» десятскимъ, десятскіе ихъ являли пятидесятскимъ, а пятидесятскіе сотскимъ, а сотскіе съ пятидесятскими и десятскими тѣхъ людей «осматривали и записывали». [1]) Во второй половинѣ XVI вѣка, когда появились излюбленные головы, и они были привлечены къ содѣйствію губнымъ учрежденіямъ въ дѣлѣ полицейскаго надзора: они должны были „беречи накрѣпко“, чтобы у нихъ «всякихъ лихихъ людей не было». [2]) Въ XVII вѣкѣ такого же рода функціи свойственны были воеводамъ. [3]) Неудивительно, что полицейскій надзоръ, элементарная забота о безопасно-

---

1) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 192, 194, 330.

2) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 250, т. II, № 52.

3) *Чичеринъ*, Областныя учрежденія Россіи въ XVII в., стр. 178 и слѣд.

сти населенія раньше и полнѣе всего перешла въ самостоятельное вѣдѣніе подчиненныхъ областныхъ учрежденій: съ развитіемъ денежнаго хозяйства участились передвиженія населенія по странѣ, обострились классовыя противорѣчія, и господствующіе имущіе классы почувствовали настоятельную потребность въ правильной организаціи защиты своихъ матеріальныхъ интересовъ. Въ городѣ Москвѣ функціи полицейскаго надзора исполняло особое учрежденіе — Земскій приказъ или Земскій дворъ.

То же усиленіе торговыхъ сношеній вызвало постоянныя поѣздки иностранныхъ купцовъ по Россіи. Свобода проѣзда для нихъ обезпечивалось особыми выдававшимися московскимъ правительствомъ паспортами — „проѣзжими грамотами“. Выдача такихъ проѣзжихъ грамотъ въ первой половинѣ XVII вѣка сдѣлалась уже одной изъ обычныхъ функцій подчиненной администраціи. Вотъ примѣры: въ 1628 г. проѣзжую грамоту голландцу Демулину на проѣздъ изъ Москвы до Архангельска выдалъ Посольскій приказъ безъ государя [1]); такимъ же образомъ получена была однимъ гамбургскимъ купцомъ въ 1636 г. проѣзжая грамота на Псковъ [2]); то же повторилось съ московскимъ торговымъ иноземцемъ въ 1642 г. [3]) и т.-д. Лишь въ томъ случаѣ, когда иноземецъ навсегда или надолго выѣзжалъ заграницу, требовалось разрѣшеніе царя на выдачу проѣзжей грамоты, какъ видно изъ слѣдующаго, напр., факта: Бурцевъ завелъ бумажную фабрику и пригласилъ изъ за границы прусака Фрума, который «в бумажных спастех учеников русских людей научил» и теперь просится на родину; по этому поводу Бурцевъ просилъ для него проѣзжей грамоты на выѣздъ за границу; въ 1641 г. „государь пожаловал, велел дат свою государеву проѣзжую грамоту“ [4]).

Если такимъ образомъ уже въ выдачѣ проѣзжихъ грамотъ наблюдаются остатки непосредственной дѣятельности верховной власти, то еще болѣе замѣтна эта дѣятельность въ другихъ отрасляхъ полиціи безопасности. Напр., пожарная часть сосредоточивалась въ городахъ въ вѣдѣніи воеводъ, но въ Москвѣ, хотя ее вѣдалъ Земскій приказъ, но обо всякомъ значительномъ пожарѣ непремѣнно докладывалось царю. Мало того: даже о большихъ пожарахъ въ провин-

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 28, № 2.
2) Тамъ же, св. 84, № 52.
3) Тамъ же, св. 122, № 17.
4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 77, № 77.

ціальныхъ городахъ дѣлали иногда такой же докладъ: такъ было, напр., въ 1636 г., когда случился громадный пожаръ въ Архангельскѣ [1]).

Царь принималъ также непосредственное участіе въ распоряженіяхъ о распланированіи и постройкѣ московскихъ улицъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны слѣдующіе документы. Послѣ огромнаго пожара въ Москвѣ въ 1626 г. царь и патріархъ распорядились, чтобы князь Г. К. Волконскій и дьякъ Волковъ измѣрили и описали погорѣвшія улицы; 21 мая царь и патріархъ „росписи слушали и указали", какой ширины должна быть каждая улица [2]). Въ іюнѣ тѣмъ же лицамъ царь и патріархъ указали „на Николском кресцѣ иконной ряд на обѣ стороны подвинут назад для уличнаго простору" [3]).

Заботы о безопасности населенія отъ всякаго рода стихійныхъ бѣдствій принимали въ то время весьма часто форму предписанія объ исполненіи религіозныхъ обрядовъ. Распоряженія въ этомъ направленіи также сплошь и рядомъ исходили прямо отъ верховной власти. Такъ, въ октябрѣ 1650 года „государь, совѣтовавъ съ патріархомъ, указали" по случаю недорода, саранчи, наводненій, пожаровъ и эпизоотій въ Филипповъ постъ вездѣ поститься и служить молебны [4]).

II.

Еще менѣе развитой и расчлененной между разными органами власти была дѣятельность государства, направленная на заботы о благосостояніи населенія. Для этой цѣли прежде всего большое значеніе имѣютъ пути сообщенія и почта. Но московское правительство было настолько далеко отъ удовлетворенія въ этомъ отношеніи общественнымъ потребностямъ, что почту и дорожную часть приспособляло исключительно къ нуждамъ государства: этой именно цѣли служила ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ. Соотвѣтственно этому и въ организаціи ямской гоньбы можно наблюдать важную роль царя, непосредственно на нее воздѣйствовавшаго. Правда, обычная исполнительная, текущая работа по ямскому дѣлу уже сосредоточилась въ рукахъ подчиненныхъ органовъ администраціи; построеніе ямовъ и устройство ямской гоньбы лежало на обязанности особыхъ, спеціально посылавшихся изъ Москвы стройщиковъ; самую

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 82, № 26.
2) Моск. Арх. Мин. Юст., книга Моск. стола Разряда № 17. лл. 1 и сл.
3) Тамъ же, кн. № 18, л. 1.
4) Полное собраніе законовъ, № 47.

гоньбу вели старосты, приказчики и ямскіе охотники; въ центрѣ завѣдывалъ ею съ технической стороны Ямской приказъ [1]). Но и это центральное учрежденіе, какъ и другіе приказы, не могло самостоятельно распоряжаться учрежденіемъ новыхъ ямовъ; это требовало непремѣнно спеціальнаго указа государя. Такъ въ 1646 г. объ учрежденіи ямовъ и ямской гоньбы въ Важскомъ уѣздѣ было «написано в доклад» царю [2]).

Весьма видную роль игралъ московскій государь въ дѣлахъ, касавшихся торговой полиціи. Правда, и здѣсь стала уже постепенно выдѣляться сфера самостоятельной дѣятельности подчиненныхъ учрежденій: мы видимъ, напр., что разрѣшеніе устройства новыхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій переходитъ въ ихъ руки: такъ, безъ участія государя разрѣшено было въ 1637 г. одному голландскому купцу завести торговлю смолой и добываніе ея близъ Архангельска на Жабьѣ болотѣ [3]), въ 1637 г. Устюжская четверть самостоятельно разрѣшила понойскимъ и есканскимъ новокрещенамъ купить въ Вологдѣ хлѣба и доставить его въ Арангельскъ, а оттуда на кораблѣ гостя Юрія Клинка [4]); отписки о литовскихъ купцахъ, пріѣзжавшихъ въ Великія Луки, Осташковъ и Вязьму въ 1639 г. съ заповѣдными товарами (табакомъ, виномъ и проч.), всегда читались государю, но дѣла столь же постоянно рѣшались приказомъ совершенно независимо [5]). Но при всемъ томъ сплошь и рядомъ попадается непосредственное руководительство царя по весьма мелкимъ дѣламъ. Такъ, въ декабрѣ 1626 года государь и отецъ его „котѣльного ряду торговых людей пожаловали, по рядом и по крестцом с котлы оприч котѣлного ряду сидѣт не велѣли“ [6]), а затѣмъ ими же велѣно „прокликати биричу по всѣм рядом і по кресцом і по воротам и посылати приставов почасту и смотрети накрепко, чтоб в рядѣхъ торговые всякіе люди сидѣли съ товары своими, которыми товары в котором ряду торгуют, гдѣ кому указано, а порознь бы нихто никаков человѣкъ с розными товары в ыных рядѣх не торговали и по кресцом ни с какими мѣлкими товары і в воротах і в окнах и на скамьях ни с каким товаром не сидѣли и не торговали, а торговали б в рядѣх

---

1) *Гуляндъ*, Ямская гоньба въ моск. госуд., стр.
2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 174, № 152.
3) Тамъ же, св. 93, № 60.
4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 93, № 60.
5) Тамъ же, св. 103, № 10.
6) Моск. Арх. Мин. Юст., книги Моск. стола Разряда, № 18, л. 37 и об.

и сидѣли на скамьяхъ с товары своими, гдѣ кому даны мѣста“ [1]). Разрѣшеніе разыскивать руды и контроль за этими розысками въ концѣ концовъ зависѣли также отъ царя. Въ 1636 г. кайгородскій воевода описывалъ, что двое Олковыхъ, Бартовъ и Шишкинъ, сообщившіе, что они знаютъ оловянную и серебряную руду, и обѣщавшіе принести «опытъ» ея, не исполнили этого послѣдняго обѣщанія, почему у воеводы явилось подозрѣніе, что они хотятъ „покорыстоваться“ этою рудою; по этому поводу „указалъ государь“ произвести слѣдствіе и о результатахъ довести до его свѣдѣнія [2]). Безъ прямого распоряженія самого царя не обходились даже такія неважныя дѣла, какъ устройство мостовой въ Москвѣ или похороны самоубійцы. Вотъ примѣры: въ 1643 г. „указалъ государь намостит мосты для своего государева походу за Стрѣтенскими и за Покровскими вороты в земляном городе, а денги указал государь собрати по писцовым книгамъ з дворов и с лавок, которые дворы и лавки за Стрѣтенскими и за Покровскими вороты“; [3]) въ томъ же году Матрена Шишкина кончила жизнь самоубійствомъ; мать ея просила у патріарха позволенія ее похоронить; патріархъ велѣлъ произвести сыскъ, а царь предписалъ сыскъ изъ Патріаршаго двора взять и по дѣлу сыскать боярину князю Юрію Андреевичу Сицкому и дьяку Д. Карпову и „доложить себя государя“ [4]).

Такимъ образомъ, несмотря на позднее и слабое развитіе полицейской дѣятельности государства, къ половинѣ XVII вѣка, отчасти и раньше, слагается мало-по-малу самостоятельное полицейское вѣдомство подчиненныхъ учрежденій: ихъ функціи слагаются изъ элементарной охраны общественной безопасности, снабженія паспортами купцовъ, завѣдыванія пожарной частью, исполнительной дѣятельности по ямской гоньбѣ и менѣе важныхъ дѣлъ по торговой полиціи.

III.

Намъ уже извѣстно, что въ удѣльной Руси верховная власть часто принимала непосредственное участіе въ веденіи дипломатическихъ переговоровъ, и что съ этою цѣлью стремились вести эти переговоры непремѣнно въ Москвѣ. Эта традиція сохранилась и въ

1) Тамъ же, лл. 190 - 191.
2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 87, № 81.
3) Тамъ же, св. 139, № 59.
4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. ст. л., св. 138, № 45.

XVI вѣкѣ. Въ малолѣтство Грознаго московское правительство ни за что не соглашалось отправить посольство для мирныхъ переговоровъ въ Литву, упорно отстаивая старый обычай, несмотря на всѣ настоянія Литвы [1]). То же долго продолжалось и тогда, когда Иванъ Грозный самъ сталъ править государствомъ, и только побѣды Баторія заставили впервые отступить отъ этого правила [2]).

Характерно, что и самый способъ веденія переговоровъ остался прежнимъ. Для примѣра укажемъ на переговоры въ январѣ 1549 г. съ литовскимъ посольствомъ Глѣбовича, Камаевскаго и Есмана. Во время перваго съѣзда послѣ безплодныхъ долгихъ споровъ и запросовъ послами Пскова и другихъ городовъ „бояре рѣчи ихъ (пословъ) сказали царю и великому князю“, и царь велѣлъ посламъ ѣхать на подворье [3]). То же повторялось неоднократно и позднѣе. Мало того: иногда Грозный, наскучивъ сношеніями съ послами черезъ „отвѣтныя“ комиссіи Боярской думы, вступалъ въ переговоры самъ непосредственно. Такъ случилось въ 1570 г., когда въ Москву прибыло для переговоровъ о мирѣ литовское посольство, состоявшее изъ Кротошевскаго, Тавлоша и Злешеня: послѣ продолжительныхъ споровъ пословъ съ боярами о полоцкихъ границахъ, царь самъ лично повелъ съ ними разговоръ, и въ концѣ-концовъ было заключено перемиріе [4]).

Отмѣченный уже сейчасъ фактъ, что со временъ Баторія московское правительство стало отправлять своихъ пословъ въ Литву для переговоровъ, свидѣтельствуетъ самъ-по-себѣ о бо́льшей, чѣмъ прежде, самостоятельности московскихъ дипломатовъ уже въ концѣ XVI вѣка. Правда, они и тутъ продолжали весьма часто сноситься съ верховной властью черезъ гонцовъ, испрашивая инструкцій по незначительнымъ иногда вопросамъ, но все-таки это было труднѣе, чѣмъ выйти въ сосѣднюю комнату для полученія надлежащихъ указаній. Такая новая постановка дѣла не замедлила отразиться и на содержаніи инструкцій или „наказовъ“, даваемыхъ посламъ: наказы эти касаются уже весьма важныхъ вопросовъ внѣшней политики и, стремясь исчерпать и предусмотрѣть всѣ подробности и перипетіи переговоровъ, волей-неволей расширяютъ предѣлы компетенціи

---

[1]) Акты Западной Россіи, т. II, № 175.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI, М., 1856, стр. 367 и сл.

[3]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ 59-й, стр. 275.

[4]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ 71-й; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI, стр. 268.

пословъ, предоставляя имъ больше свободы. Особенно выдается въ этомъ отношеніи извѣстный наказъ, данный Иваномъ Грознымъ князю Сицкому и Пивову [1]), а также инструкціи Пушкину и Писемскому [2]).

Въ первой половинѣ XVII вѣка новая организація дипломатической части сохраняется и развивается. Мы видимъ, напримѣръ, что Аладьинъ, Желябужскій, Воротынскій, Сицкой и Измайловъ вели переговоры внѣ Москвы [3]). Параллельно этому растетъ и самостоятельность московскихъ дипломатовъ: во время переговоровъ въ Столбовѣ русскіе послы соглашаются на титулъ „Ижерскій“ для шведскаго короля, не снесясь объ этомъ предварительно съ Москвой [4]); въ 1634 г. во время переговоровъ въ Поляновкѣ Ѳ. И. Шереметевъ и князь А. М. Львовъ ни разу не запрашивали московское правительство [5]).

Вѣнцомъ этой самостоятельности является въ 60-хъ годахъ XVII вѣка та иниціатива, которую проявлялъ въ то время руководитель московской дипломатіи Ординъ-Нащокинъ: онъ, какъ настоящій культурный дипломатъ, проявлялъ уже творческія тенденціи, составилъ записку о принципахъ, на которыхъ должна строиться московская внѣшняя политика, высказывался тамъ за союзъ съ Польшей и борьбу съ Швеціей изъ-за береговъ Балтійскаго моря [6]).

Вообще и въ дипломатической сферѣ къ половинѣ XVII в. сложилось довольно опредѣленно самостоятельное вѣдомство подчиненныхъ органовъ власти.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Контроль и надзоръ за администраціей.

I.

Еще болѣе отсталой, менѣе организованной, чѣмъ полиція, функціей государственной власти въ Московской Руси до половины XVII вѣка является контроль и надзоръ за администраціей, потому что

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI, стр. 368—370.
[2]) Тамъ же, стр. 374—375.
[3]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX.
[4]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 111.
[5]) Тамъ же, стр. 235 и слѣд.
[6]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XI, стр. 201 и слѣд.

реальныя условія общественной жизни того времени—экономическія и особенно соціальныя — не вызывали еще неутолимой потребности въ огражденіи правъ личности отъ произвола властей: слабость развитія денежнаго хозяйства и особенно крѣпостной общественный строй сыграли тутъ главную роль. Мы знаемъ уже, что это отразилось на внѣшней организаціи административнаго надзора и контроля: ни XVI вѣкъ, ни первая половина XVII-го не знали постоянныхъ центральныхъ учрежденій съ такими задачами: Приказъ приказныхъ дѣлъ, Приказъ что на сильныхъ бьютъ челомъ, Сыскной приказъ были временными и рудиментарными учрежденіями; по тайнымъ дѣламъ были только подьячіе, но не было приказа; единственнымъ исключеніемъ являлся Челобитный приказъ, но онъ, будучи канцеляріей по пріему прошеній на царское имя, во-первыхъ вѣдалъ не только контроль за администраціей, а всѣ самыя разнообразныя дѣла, во-вторыхъ онъ можетъ считаться однимъ изъ свидѣтельствъ въ пользу того, что контроль и надзоръ за администраціей были весьма несовершенны, потому что проявлялись почти всегда не систематически, не въ видѣ постоянной функціи высшихъ учрежденій, а въ формѣ разсмотрѣнія жалобъ со стороны потерпѣвшихъ. Такимъ образомъ, говоря о контролѣ и надзорѣ, намъ придется имѣть въ виду почти исключительно разборъ и рѣшеніе дѣлъ о должностныхъ преступленіяхъ. Дѣла эти тогда, какъ и теперь, рѣшались чаще всего въ порядкѣ дисциплинарномъ, рѣже—въ судебномъ порядкѣ. Но рѣшались ли они такъ или иначе, — во всякомъ случаѣ, какъ сейчасъ увидимъ, очень часто верховная власть принимала въ нихъ непосредственное участіе.

Изслѣдованію подлежитъ прежде всего вопросъ о томъ, кѣмъ разсматривались и разрѣшались жалобы на центральныя учрежденія—приказы.

Приказы иногда оказывали неповиновеніе верховной власти, не исполняли ея распоряженій. Примѣромъ такого неповиновенія можетъ служить слѣдующая челобитная гостя Светешникова, относящаяся къ 1627 году. Светешниковъ пишетъ: „пожаловали вы, великіе государи, меня, холопа своего, велѣли закладную Михаила Вешнякова брата ево Володимеровскую вотчинку Вешнякова записать в Помѣсном приказе за мною холопом вашимъ“, но судьи приказа „тое вотчинки не записали, а сказали, что о той вотчине есть челобитчики“ Олябьевъ и Борзецовъ, и какія подписныя челобитныя ни приносилъ затѣмъ Светешниковъ, судьи не исполняли ихъ, „норо-

вили“ Олябьеву и Борзецову, „и той вотчинки в книги не запишут, и вас государей о том не доложатъ“. Дѣло по этой жалобѣ было въ концѣ-концовъ рѣшено самимъ царемъ: вотчина записана за Светешниковымъ, но никакого наказанія судьи Помѣстнаго приказа не понесли [1]). То же самое наблюдается въ другомъ случаѣ, засвидѣтельствованномъ въ челобитной новгородца посадскаго человѣка Суконникова въ 1647 г.: „по твоему государеву по верховному по имянному приказу и по четыремъ по подписным челобитнымъ новгородцу посадскому человѣку Василію Варварину по ложному челобитью и по воровской по нарядной купчей двороваго твоего государева жалованья данаго мѣста съ садом и хоромишекъ моихъ поставленья моево до подлинново сыску отнимать у меня сироты твоего не велѣно“, а думный дьякъ Назаръ Чистой изъ Новгородской четверти велѣлъ только выслать Варварина съ „воровской“ купчей въ Москву, а объ оставленіи двора за челобитчикомъ распоряженія не сдѣлалъ; Суконниковъ просилъ сдѣлать такое распоряженіе, и царь, не подвергая взысканію Чистого, велѣлъ сдѣлать [2]).

Бывали затѣмъ случаи, когда приказъ не исполнялъ законныхъ рѣшеній другого приказа, подлежащихъ непремѣнному исполненію. И тогда жалоба шла къ верховной власти, которая и распоряжалась исполненіемъ рѣшенія, опять-таки не наказывая виновныхъ. Вотъ примѣръ: Булатъ Телицынъ, назначенный въ 1628 г. быть у «государева панихиднаго дѣла», былъ пожалованъ жалованьемъ, и дьякъ Лихачевъ далъ память во Владимирскую четверть къ дьяку Золотареву о выдачѣ жалованья, но Золотаревъ не выдалъ; по жалобѣ Телицына, государь и патріархъ «велѣли дать ему жалованье» [3]).

Если такимъ образомъ пассивное сопротивленіе законнымъ требованіямъ властей, простое неисполненіе ихъ приказами не влекло за собой кары, а вызывало только новое понужденіе къ исполненію со стороны верховной власти, то злоупотребленіе и лихоимство вызывало кару по приговору той же верховной власти, при чемъ производилось слѣдствіе, поручавшееся царемъ каждый разъ особо назначеннымъ для того лицамъ. Въ 1635 г. царь «указал стол-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., книги запис. вотч. Помѣст. приказа, $\frac{5969}{1}$, лл. 1—28.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 183, № 79.

[3]) Моск. Арх. Мин. Императ. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7136 г., № 47.

нику князю Миките Ивановичю Одоевскому да діаку Пантелѣю Чирикову по извѣтной челобитной стадного прикащика Юрья Легасова сыскати про все, о чем он бил челом государю и извещал Конюшеннаго приказу на діака на Григорья Пятово да на Григорья Кузовлева. А в ызвѣтной его Юрьеве челобитной пишетъ: Пятой въ 143 году без государева указу учинил прибавку хлѣбному и денежному жалованью стремяннымъ и задворнымъ стряпчим и конюхом и всяким людем конюшенному чину перед прошлым годом, а за это взялъ себѣ съ каждаго по 3, 4, 5 рублей, а раньше Пятой былъ стремяннымъ конюхомъ и сидѣлъ «у государева дѣла» на московской конской площадкѣ съ Кузовлевымъ и собрали вмѣсто 1200 рублей только 530, брали взятки и морили царскихъ лошадей». О результатахъ слѣдствія было «выписано въ докладъ» царю, который и постановилъ приговоръ [1]).

Далѣе жалобу царю на приказъ вызывало также нерѣдко и неисполненіе приказомъ законныхъ требованій просителя. Такъ въ 1649 г. дьякъ Разряда не далъ двоимъ поручителямъ срока для сыска лица, за которое они поручились; послѣдовала жалоба, и государь велѣлъ дать срокъ [2]).

Уже приведенныхъ сейчасъ фактовъ достаточно, чтобы сдѣлать понятной и естественной ту страшную волокиту, которая тогда была обычнымъ явленіемъ въ московскихъ центральныхъ учрежденіяхъ и вызывала также противъ себя частыя жалобы. Наши источники переполнены относящимися сюда фактами, причемъ опять-таки всегда дѣло шло къ государю и имъ рѣшалось. Это санкціонировано было и Уложеніемъ 1649 года, установившимъ, что самъ царь опредѣляетъ размѣры пени въ такомъ случаѣ [3]). Впрочемъ надо замѣтить, что и здѣсь дѣло ограничивалось большею частью, даже почти всегда простымъ понужденіемъ приказовъ со стороны верховной власти вершить дѣло «безволокитно» [4]).

Въ общемъ приходится, слѣдовательно, признать, что контроль

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 79, № 95.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 265, лл. 313, 337 и об.

[3]) Уложеніе, X, 15.

[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 89, № 18, св. 118, № 43, св. 121, № 82, св. 123, № 29, св. 124, № 30, св. 125, № 38, св. 129, № 52, св. 133, № 21, св. 137, № 4, св. 147, № 27, св. 154, № 90, св. 157, № 30 и др.

и надзоръ за центральными учрежденіями были до конца изучаемаго періода крайне неорганизованы, сосредоточивались всецѣло въ рукахъ самой верховной власти, что и отражалось на самомъ существѣ дѣла: контрольныя дѣйствія возникали лишь по жалобамъ отдѣльныхъ лицъ и проявлялись по преимуществу въ видѣ понужденій къ исполненію приказами возложенныхъ на нихъ функцій; наказанія были рѣдки, примѣнялись только въ болѣе важныхъ случаяхъ.

II.

Переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса о контролѣ и надзорѣ за дѣйствіями воеводъ.

Важнѣйшимъ и наиболѣе часто встрѣчавшимся видомъ должностныхъ преступленій воеводъ было злоупотребленіе властью, заключавшееся въ обидахъ и притѣсненіяхъ жителей вообще и служилыхъ людей въ частности. Всѣ случаи злоупотребленій воеводъ всегда въ первой половинѣ XVII вѣка разсматривались царемъ, который и постановлялъ при этомъ окончательное рѣшеніе. Фактами переполнены источники [1]). Приведемъ насколько характерныхъ изъ нихъ. Въ 1623 г. коломенскіе посадскіе люди били челомъ на воеводу князя Шаховского «въ насильствахъ и налогахъ», и «государь пожаловал, велел по тому дѣлу доложит себя государя» [2]). Въ 1638 г. епифанскій сынъ боярскій Кофановъ жаловался на побои, понесенные имъ отъ епифанскаго воеводы Писарева, и 20 сентября «государь пожалавал, челобитье твое велел записати, а будет учнет тебя Писарев бити и увечити напрасно, іно не про государево дѣло і вину, і онъ самъ будѣт бит и увечен» [3]). Въ 1643 г. елецкій воевода Олябьевъ сбиралъ съ жителей лишнія подати и дѣлалъ незаконные поборы; государь велѣлъ его смѣнить [4]).

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 82, № 25; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. ст. Разр., № 199, лл. 4—5, 56 и об., № 232, л. 146 и об., № 233, л. 32 и об., № 274, л. 215 и об., № 275, л. 155 и об., № 281, л. 16 и об., № 284, л. 204 и слѣд., № 298, лл. 30 и об., 170 и об., № 317, л. 26 и об., № 10, л. 56 и об., № 75, л. 163 и об., № 158, л. 193 и об. и мн. др.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірс. стола Разр., № 31, лл. 629—630.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 135, л. 166 и об.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 116 л. 29 и об.

Въ 1654 г. рославльскій соборный попъ Макаръ Матвѣевъ билъ челомъ на воеводу Горчакова въ томъ, что воевода «отогналъ» его отъ соборной церкви, захватилъ все его имущество, продалъ въ свою пользу весь его хлѣбъ, посадилъ самого попа въ тюрьму на двѣ недѣли и выпустилъ лишь за 2 рубля, отослалъ къ себѣ въ помѣстье попова племянника, наконецъ, во второй разъ заключилъ попа въ тюрьму и освободилъ лишь за 20 р. Царь велѣлъ стольнику князю Гагарину произвести слѣдствіе и о результатахъ сообщить царю для его рѣшенія [1]). Сюда относятся также случаи волокиты [2]) и отказа принять челобитную по судебному дѣлу [3]), вызывавшіе также обязательное участіе государя въ рѣшеніи дѣла. Уложеніе 1649 г. также устанавливаетъ подсудность царю дѣлъ о воеводскихъ злоупотребленіяхъ [4]).

Притѣсненія подьячихъ съѣзжихъ избъ со стороны воеводъ стали ужъ по мѣрѣ приближенія къ половинѣ XVII в. передаваться царемъ на разсмотрѣнія и рѣшеніе другихъ воеводъ, какъ показываетъ слѣдующій, напр., фактъ: подьячій съѣзжей избы во Ржевѣ Володиміровой Вараксинъ въ 1648 г. жаловался на притѣсненія со стороны воеводы Стрешнева и просилъ царя велѣть судить его съ Стрешневымъ воеводѣ Собакину; царь исполнилъ эту просьбу [5]).

Къ числу должностныхъ преступленій воеводъ относилось далѣе превышеніе власти. Типическими въ этомъ отношеніи могутъ быть признаны слѣдующіе, напр., факты. Въ 1639 г. крапивенскій воевода жаловался, что полковой воевода отнимаетъ у него «многія осадныя дѣла»; Разрядъ, не докладывая государю, рѣшилъ отписать къ полковому воеводѣ, чтобы онъ «в осадныя дѣла не вступался, а вѣдал ратныя дѣла» [6]). Въ 1643 г. галицкій воевода писалъ, что по одному дѣлу судилъ и постановилъ рѣшеніе чухломской приказный человѣкъ Невельскій, которому, по грамотѣ изъ Галицкой чети, велѣно было вѣдать только посадъ Чухлому, а Чухломская

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 263, лл. 26 и об. и 85.

[2]) См., напр., Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 81, № 6 и друг.

[3]) См., напр., Моск. Арх. Мин. Императ. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7158 г., № 24 и др.

[4]) Уложеніе, X, 150.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородс. ст. Разр., № 80, л. 14 и об.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 58, л. 619 и об.

осада Галицкаго уѣзда была подсудна галицкому воеводѣ; Разрядъ опять вполнѣ самостоятельно распорядился: «отписат: велѣт судит въ Галиче» [1]). Въ 1637 г. малоярославецкій воевода Селеховскій жаловался на боровскаго воеводу Поливанова, что послѣдній распечаталъ грамоты, посланныя на имя перваго; снова дѣло рѣшено въ приказѣ: «отписать, чтоб грамот не распечатывал» [2]). Ясно такимъ образомъ, что вѣдѣніе дѣлъ о превышеніи власти воеводами уже перешло къ центральнымъ подчиненнымъ учрежденіямъ.

Данныя нашихъ источниковъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что дѣла о непослушаніи воеводъ высшимъ властямъ разсматривались и рѣшались самой верховной властью. Вотъ примѣры. Въ 1613 г. суздальскій воевода, вопреки предписанію приказа, отказался давать кормъ 16-ти иноземцамъ, посланнымъ въ Суздаль; царь «велѣл отписать воеводѣ: то он дѣлает негораздо» [3]). Въ 1612 г. нижегородскій воевода, вопреки предписанію земскаго собора, являвшагося тогда носителемъ верховной власти, отказалъ, не далъ Милославскому списка съ оброчныхъ книгъ; дѣло было рѣшено верховной властью [4]). Въ 1649 г. полковой воевода князь Хилковъ обвинялъ осаднаго воеводу Москотиньева - Плещеева въ непослушаніи; дѣло рѣшилъ царь [5]).

То же непосредственное участіе верховной власти замѣчается и въ рѣшеніи дѣлъ о неисполненіи воеводами законныхъ требованій равныхъ имъ властей. Въ 1635 г, горододѣлецъ Колтовской писалъ въ Москву, что болховскій воевода князь Мещерскій, вопреки его требованію, не позволилъ биричу прокликать на торгу о вызовѣ сошныхъ людей изъ Болховскаго уѣзда для городового дѣла въ Орелъ; государь указалъ написать Мещерскому «с опалою» за непослушанье [6]). Въ 1647 г. бѣлгородскій воевода Бутурлинъ жаловался на непослушанье карповскаго воеводы Вердеревскаго въ дѣлѣ о заготовкѣ хлѣбныхъ запасовъ; царь велѣлъ пригрозить Вердеревскому наказаніемъ [7]). Однако, спустя два года, въ 1649 г., мы на-

[1]) Тамъ же, № 117, л. 405 и об.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 85, л. 377 и об.

[3]) Моск. Арх. Мин. Императ. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7121 г., № 74.

[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д, прик. д. ст. л., св. 4, № 1.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 220, л. 176 и об.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 65, л. 207 и об.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 224, л. 50 и сл.

блюдаемъ уже иной порядокъ—рѣшеніе дѣла Разряднымъ приказомъ: воевода Царева Алексѣева города жаловался, что воеводы разныхъ городовъ, несмотря на его требованія, не высылаютъ къ нему дѣтей боярскихъ «нѣтчиковъ»; Разрядъ рѣшилъ: «послать государева грамота, велѣт тѣх дѣтей боярских сыскав выслать в новой Царев Алексѣев город тотчас» [1]). И это не единственный фактъ [2]), такъ что расширеніе самостоятельной компетенціи подчиненныхъ учрежденій въ этихъ дѣлахъ не подлежитъ сомнѣнію.

Совершенно гармонируетъ съ этимъ и тотъ фактъ, что неисполненіе воеводами законныхъ требованій низшихъ должностныхъ лицъ вѣдалось приказами безъ доклада царю. И такъ было еще въ началѣ XVII вѣка, что видно изъ такого факта: въ 1617 г. Ногинъ, посланный съ государевой грамотой въ Новгородъ, не получилъ подводъ отъ тверского воеводы, на что вполнѣ имѣлъ право; приказъ самостоятельно постановилъ отписать воеводѣ, пусть онъ отпуститъ Ногина немедленно и впредь такихъ гонцовъ не задерживаетъ [3]).

Такимъ образомъ, хотя и справедливо установившееся въ литературѣ мнѣніе, что въ контролѣ за дѣйствіями воеводъ было много безпорядочнаго [4]), но нѣкоторые зародыши большей опредѣленности и организованности наблюдаются уже къ концу изучаемаго періода, при чемъ слагается довольно обширный кругъ немаловажныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ центральнымъ подчиненнымъ учрежденіямъ.

Ш.

Къ числу важныхъ должностныхъ лицъ въ московскомъ государствѣ, хотя и дѣйствовавшихъ непостоянно, а получавшихъ лишь временныя спеціальныя порученія, принадлежали писцы, переписчики и дозорщики. Обязанности, на нихъ лежавшія, чрезвычайно сильно затрогивали матеріальные интересы государства и населенія. Но этимъ причинамъ контроль за ихъ дѣятельностью оставался все время въ вѣдѣніи самой верховной власти, и дѣла объ ихъ злоупотребленіяхъ разбирались и рѣшались непосредственно царемъ. Въ 1625 г. на крайнемъ сѣверѣ «писцы по волостямъ малыя сошки неравно пи-

1) Тамъ же, № 294, л. 45 и об.

2) Тамъ же, лл. 46 и об., 115 и об. и др.

3) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д, прик. д. ст. л., св. 6, № 5.

4) Чичеринъ, Областныя учрежденія Россіи въ XVII в., стр. 289 и слѣд.

сали»; объ этомъ выписано было государю «в доклад» [1]). Въ 1622 г. царь и патріархъ разобрали дѣло по жалобѣ романовцевъ посадскихъ людей на то, что ихъ неправильно «писал и дозирал» Алексѣй Шапиловъ [2]). То же было въ 1627 г. съ жалобой посадскихъ людей ржевичей на писцовъ Лачинова и Матвѣева [3]) и т. д. [4]).

Выбиравшіеся дворянствомъ каждаго уѣзда окладчики въ своей дѣятельности также затрогивали существенные матеріальные интересы государства и дворянскаго сословія. Понятно, какую важность имѣли при такихъ условіяхъ ихъ злоупотребленія. Вотъ почему и здѣсь требовалось непосредственное дѣйствіе носителя верховной власти. Такъ, напр., когда въ 1644 г. Дурасовъ подалъ извѣтную челобитную на муромскихъ окладчиковъ, указывая, что они дали невѣрныя свѣдѣнія о «нѣтчикахъ» и тѣхъ отставныхъ служилыхъ людяхъ и вдовахъ, которые не представили денегъ за даточныхъ людей, то «государь пожаловал, велѣл выписат в доклад в Разряде» [5]).

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію того, кѣмъ рѣшались дѣла о должностныхъ преступленіяхъ лицъ, стоявшихъ ниже воеводъ на административной лѣстницѣ, такъ или иначе имъ подчиненныхъ.

Сюда относятся прежде всего таможенные и кабацкіе откупщики. Ихъ злоупотребленія, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку они затрогивали казенный интересъ,—а это почти всегда такъ было,—подлежали карѣ, налагаемой самимъ царемъ. Вотъ типическіе примѣры: въ 1630 г. голландскій купецъ Деледалъ жаловался на вологодскаго таможеннаго голову Иванова, что онъ незаконно взялъ пошлину съ хлѣба, неподлежавшаго оплатѣ; дѣло было рѣшено государемъ [6]); въ 1642 г. кабацкій цѣловальникъ Бѣжецкаго Верху Желобицкій продавалъ вино, пиво и медъ по высокой цѣнѣ и тратилъ на свое личное торговое предпріятіе вырученныя отъ продажи вина деньги; дѣло было доложено царю [7]).

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 17, № 25.

2) Тамъ же, св. 11, № 9.

3) Тамъ же, св. 28, № 80.

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 129, № 57, св. 166, № 61; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. ст., № 91, л. 73 и об. и др.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 189, лл. 1—2.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 38, № 5.

7) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 132, № 15.

Стрѣлецкіе головы своими злоупотребленіями и проступками не вредили денежнымъ интересамъ казны и потому не привлекали въ такой степени, какъ таможенные и кабацкіе головы, вниманія верховной власти. Административная практика первой половины XVII вѣка слагалась здѣсь въ направленіи передачи дѣла въ вѣдѣніе подчиненныхъ учрежденій. Въ 1640 г. стрѣлецкій голова Бакшіевъ „говорилъ невѣжливо“ съ яблоновскимъ воеводой и изорвалъ на воеводѣ охабень, а когда воевода его заключилъ въ тюрьму, то стрѣльцы освободили заключеннаго; „государь приказал отписат князю Василью Львову, велѣт про то сыскат и по сыску учинит им наказанье“ [1]). Въ 1650 г. ефремовскій воевода жаловался, что стрѣлецкій и казачій голова Шетиловъ вступался въ татиныя и разбойныя дѣла, хотя эти дѣла, по грамотѣ изъ Разбойнаго приказа, было велѣно вѣдать воеводамъ; приказъ запретилъ головѣ такое вмѣшательство [2]). Въ 1659 г. въ Ряжскѣ стрѣлецкій голова не слушался воеводы; Разрядъ послалъ объ этомъ память въ Стрѣлецкій приказъ [3]).

Когда станичныя головы не исполняли по небрежности важныхъ военныхъ обязанностей на нихъ лежавшихъ, благодаря чему государство подвергалось опасности внезапнаго вражескаго нашествія, тогда дѣло рѣшалъ царь: такъ въ 1645 г. станичный голова Шеховцевъ съ товарищами не замѣтили татаръ; государь указалъ посадить ихъ въ тюрьму [4]). Однако не всегда такъ бывало: повидимому, московскіе цари уже сознавали необходимость передачи подобныхъ дѣлъ на рѣшеніе подчиненныхъ учрежденій, и когда дѣла эти до нихъ доходили, поручали ихъ воеводамъ, какъ показываетъ, напр., фактъ 1647 года: царь велѣлъ воеводѣ разобрать, виноватъ ли былъ станичный голова въ недосмотрѣ относительно нападенія крымскихъ татаръ на городъ Вольный [5]).

Естественно, что проступки по должности такихъ менѣе важныхъ должностныхъ лицъ, какъ осадные головы, карались приказами; въ

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 128, л. 952 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 137, л. 110 и об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 301, лл. 130 и об., 131, 132.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. стола Разр., № 203, л. 579 и об.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 256, лл. 29—30.

1639 г. Разрядъ предписалъ заключить въ тюрьму калужскаго осаднаго голову за то, что онъ, вопреки предписанію, позволялъ жителямъ топить бани и мыльни и раскладывать на дворахъ огни [1]).

Относительно злоупотребленій и преступленій по должности, совершавшихся подьячими съѣзжихъ избъ, надо замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда они были особенно серьезны, что большею частью влекло за собою отставку подьячихъ, — докладъ государю и рѣшеніе имъ дѣла были необходимы. Вотъ доказательства: въ 1640 г. царь отставилъ подьячаго кромской съѣзжей избы за большія злоупотребленія его [2]); въ 1652 г. подьячій лебедянской съѣзжей избы былъ уличенъ въ томъ, что онъ чрезвычайно сильно притѣснялъ жителей; „государь пожаловал, велѣл тово подьячево от дѣла отставить“ [3]); то же самое произошло въ 1653 г. съ подьячимъ съ приписью калужской съѣзжей избы, который бражничалъ и ничего не дѣлалъ безъ посула, вина и запаса, такъ что самъ воевода вынужденъ былъ за него подписывать приставныя памяти и закрѣплять нѣкоторыя дѣла [4]). Но всѣ дѣла о менѣе важныхъ должностныхъ преступленіяхъ подьячихъ, не влекшихъ за собой устраненія ихъ отъ должности, разсматривались и рѣшались въ первой половинѣ XVII вѣка всегда подчиненными органами власти. Изъ большаго числа относящихся сюда фактовъ [5]) приведемъ на выборъ два. Въ 1631 г. Устюжская четверть разобрала и рѣшила дѣло о 140 руб. мірскихъ начетныхъ ямскихъ денегъ, увезенныхъ въ Сибирь подьячимъ устюжской съѣзжей избы Котельниковымъ, уѣхавшимъ туда торговать [6]). Въ 1627 г. устюжскіе посадскіе люди жаловались на притѣсненія и обиды отъ подьячихъ съѣзжей избы; жалоба была разсмотрѣна и вынесенъ приговоръ приказомъ, безъ обращенія къ государю [7]).

О должностныхъ преступленіяхъ лицъ, занимавшихъ низшія ступени на лѣстницѣ административной іерархіи въ Московскомъ государствѣ, надо сказать прямо, что всѣ они разбирались и рѣшались

---

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст., № 142, ст. 1, л. 53.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 192, л. 345 и об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 259, л. 112 и об.

4) Тамъ же, № 325, лл. 810, 811, 716.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 47, № 31; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 40, лл. 550, 559 и об., № 213, л. 8 и об. и т. д.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 47, № 31.

7) Тамъ же, св. 24, № 27.

подчиненными учрежденіями — приказами и воеводами. Это доказывается рядомъ фактовъ. Напр., въ 1628 г. полковымъ судьей было подчищено одно дѣло; воевода за это велѣлъ его бить батогами, а Разрядъ сверхъ того распорядился посадить на мѣсяцъ въ тюрьму [1]). Около того же времени Кротовъ жаловался на сотскаго Шевденицкой волости, что онъ отказалъ въ производствѣ слѣдствія и укрылъ тѣмъ людей, его ограбившихъ; шенкурскій воевода Стрешневъ велѣлъ доправить съ сотскаго и цѣловальника 2 гривны за „поноровку“. Въ 1624 г. площадной дьячекъ „прописалъ“, т.-е. написалъ въ челобитной не сполна, имя государя; приказъ, безъ доклада царю подвергъ его наказанію батогами [2]).

Отдѣльно нѣсколько словъ необходмо сказать о преступленіяхъ служилыхъ людей, совершавшихся ими въ время отбыванія ими службы и касавшихся ихъ служебныхъ обязанностей. Мы имѣемъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что бѣгство служилыхъ людей со службы, уклоненіе ихъ отъ нея вызывали докладъ дѣла на усмотрѣніе царя, который и постановлялъ рѣшеніе [3]). Это неудивительно: ревнивое отношеніе государства къ исполненію служилыми людьми ихъ военныхъ обязанностей вызвало верховную власть на непосредственное воздѣйствіе въ данномъ случаѣ. Впрочемъ уже въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка наблюдается отклоненіе отъ стараго обычая: начинается передача подобныхъ дѣлъ въ руки подчиненныхъ властей. Въ 1642 г. одинъ сынъ боярскій, служившій „по выбору“, уклонился отъ службы,—бѣжалъ съ „посылки на вѣсти“; онъ былъ наказанъ за это Разрядомъ [4]). Въ 1648 г. царю было доложено, что семь орловскихъ стрѣльцовъ, вопреки приказанію, не были на службѣ въ Бобрикѣ; „государь указал учинит о том указ тем непослушным боярину Илье Даниловичу Милославскому і дьякам“ [5]). До государя обыкновенно доходили также дѣла, касавшіяся грабежей

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. стола Разр., № 24, л. 100 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 11, л. 403 об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Моск. стола Разр., № 23, л. 26, № 176, л. 55 и сб.; столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 217, лл. 56 и об., 125—126, № 274, л. 185 и об. и мн. др.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 117, л. 97 и об.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 279, лл. 61—62.

жителей служилыми людьми [1]) или потравъ, ими производимыхъ [2]). Но за всѣ остальныя нарушенія своихъ служебныхъ обязанностей служилые люди отвѣчали обыкновенно передъ подчиненными властями. Типическими примѣрами могутъ служить факты 1628 [3]) и 1651 [4]) годовъ, показывающіе, что казаки, пропивавшіе оружіе и платье, наказывались Разрядомъ безъ доклада дѣлъ верховной власти.

Итакъ, хотя контроль и надзоръ за администраціей до половины XVII вѣка былъ неорганизованъ, случаенъ, но многія дѣла по должностнымъ преступленіямъ перешли уже изъ рукъ верховной власти въ самостоятельное вѣдѣніе подчиненныхъ учрежденій. Сюда относились дѣла о притѣсненіяхъ подьячихъ воеводами, о превышеніи воеводами своей власти, о неисполненіи воеводами законныхъ требованій равныхъ имъ и низшихъ властей, о злоупотребленіяхъ и должностныхъ преступленіяхъ стрѣлецкихъ, станичныхъ и осадныхъ головъ, о менѣе важныхъ преступленіяхъ по должности, совершавшихся подьячими съѣзжихъ избъ, о должностныхъ преступленіяхъ низшихъ органовъ администраціи (полковыхъ судей, сотскихъ, площадныхъ дьячковъ и т. д.), наконецъ, также дѣла о менѣе важныхъ служебныхъ проступкахъ служилыхъ людей, составлявшихъ массу московскаго войска.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Отношенія между церковью и государствомъ въ Россіи до половины XVII вѣка.

Въ исторіи отношеній между церковью и государствомъ надо различать двѣ стороны: отношенія въ области административно-технической и отношенія въ сферѣ политической. Какъ вліяло государство на административную технику церковнаго управленія, и какую роль играли въ учрежденіяхъ государственныхъ органы церковной власти—отвѣтъ на эти вопросы характеризуетъ одну сторону дѣла. Каково было политическое значеніе духовенства и его главы,—отвѣ-

1) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 115, л. 595 и об.

2) См. тамъ же, № 127, л. 249 и об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Владим. ст. Разр., № 33, л. 334 и сл.

4) Тамъ же, № 138, л. 573 и об.

тить на этотъ вопросъ значить освѣтить другую сторону. Въ русской исторической литературѣ въ основныхъ чертахъ разрѣшены вопросы, относящіеся къ той и другой сторонѣ [1]). Остается только свести пріобрѣтенныя заключенія въ единое цѣлое, систематизировать ихъ, сдѣлавъ при этомъ нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія.

Церковный строй и отношенія церкви къ государству находятся вообще подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ государственнаго строя, подъ которымъ скрывается, разумѣется, въ конечномъ счетѣ экономическая и соціальная подкладка. Неудивительно поэтому, что въ соотвѣтствіи съ основными свойствами политическаго устройства древнѣйшей Россіи до конца XII вѣка церковный строй характеризовался въ то время почти полной неорганизованностью въ сферѣ административно-технической и полнымъ подчиненіемъ церкви государству съ точки зрѣнія политической. Клиры изъ священниковъ, дававшіе нерѣдко совѣты епископамъ по дѣламъ церковнаго управленія, отличались непостоянствомъ своего состава и нерегулярностью дѣйствія; архіерейскіе намѣстники и тіуны— очень часто изъ свѣтскихъ лицъ—исполняли отдѣльныя порученія безъ всякой системы и порядка. Даже предѣлы компетенціи церковныхъ властей не установились сколько-нибудь прочно. Извѣстно, напр., что по церковному уставу новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, относящемуся въ 1135 году, князья нерѣдко нарушали постановленія Кормчей книги, и церковная юрисдикція отличалась неопредѣленностью и колебаніями: князь отмѣчаетъ, что онъ раньше „самъ вѣдалъ“ тяжбы дѣтей отъ разныхъ браковъ между собою, и только теперь передаетъ „все это епископу управливати“, справившись съ греческимъ „Номаканономъ“ [2]). Вообще князь могъ вмѣшиваться и дѣйствительно вмѣшивался во всѣ мелочи церковнаго управленія и суда.

Въ политическомъ отношеніи церковь и духовенство находились

---

1) См. особенно Исторіи русской церкви митр. Макарія, г. Голубинскаго и г. Знаменскаго; Дьяконовъ. Власть московскихъ государей. Павловъ, Теорія восточнаго папизма (въ „Правосл. Обозр.“ за 1819 г.); Павловъ, Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи; Хрущевъ, Сочиненія І. Санина; Жмакинъ, Митр. Даніилъ и его сочиненія; Архангельскій, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ; Гиббенетъ, Историч. изслѣд. дѣла патр. Никона и многг. друг. Новѣйшая работа г. Шпакова („Кіевскія универс. изв.“ за 1904 г.) не вноситъ ничего новаго.

2) См. его въ приложеніи ко II тому Исторія русской церкви Макарія.

въ древнѣйшей Россіи въ полномъ подчиненіи княжеской власти: князья не только вмѣшивались въ дѣла, подсудныя епископамъ, но и смѣщали, выбирали, даже судили іерарховъ русской церкви, а также пользовались видными представителями духовенства для своихъ чисто-политическихъ цѣлей: призывали епископовъ въ Боярскую думу, отправляли ихъ въ качествѣ пословъ и т. д.[1]). Не малую роль въ такомъ подчиненіи сыграла и матеріальная зависимость духовенства отъ князей.

Еще въ большей степени, чѣмъ въ древнѣйшей Россіи, церковь сдѣлалась орудіемъ государства въ вольныхъ городахъ XIII—XV вѣковъ: новгородскій архіепископъ или владыка сдѣлался выборнымъ; его основной функціей стало служеніе интересамъ государства въ трехъ сферахъ,—сферѣ дѣйствія высшихъ государственныхъ учрежденій—вѣча и совѣта,—въ сферѣ судебной и отчасти политической дѣятельности и въ финансовыхъ дѣлахъ; управленіе церковью и духовенствомъ сосредоточилось въ рукахъ свѣтскихъ слугъ владыки-софіянъ. Но если политически церковь была подчинена государству, то въ то же время техника церковнаго управленія и суда сдѣлали въ вольныхъ городахъ большіе успѣхи. Здѣсь очень рано выдѣлился небольшой сравнительно кругъ важнѣйшихъ церковныхъ дѣлъ, рѣшавшихся самимъ владыкой: сюда относились посвященіе священниковъ и діаконовъ, освященіе церквей и наблюденіе за церковнымъ благочиніемъ во время поѣздокъ по епархіи. Всѣ остальныя церковныя дѣла—административныя и судебныя—перешли въ самостоятельное вѣдѣніе софіянъ—казначея, намѣстника, десятинниковъ—и корпоративныхъ организацій духовенства—соборовъ, въ лицѣ ихъ поповскихъ или соборныхъ старостъ[2]).

Сѣверо-востокъ удѣльной Руси далеко отсталъ отъ вольныхъ городовъ въ отношеніи церковно-административной техники. И здѣсь, какъ и въ управленіи удѣльными княжествами, было мало порядка, опредѣленности и постоянства: большею частью давались лишь отдѣльныя временныя порученія, постоянное же вѣдомство отдѣльныхъ органовъ церковнаго управленія слагалось чрезвычайно медленно. Впрочемъ успѣхи въ данной сферѣ сравнительно съ древнѣйшей

---

1) Голубинскій, Исторія русской церкви, т. I, половина первая, изд. 2-е, М. 1901, стр. 548 и слѣд.

2) См. Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ,—въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1879 г. и отдѣльно.

Россіей все-таки наблюдались; они проявлялись главнымъ образомъ въ образованіи различныхъ органовъ церковной администраціи, слагавшихся по образу администраціи свѣтской. У митрополита появились свои бояре, отроки, стольники, конюшіе и т. д. Судъ по духовнымъ дѣламъ принадлежалъ большею частью духовнымъ лицамъ—протопопамъ и архимандритамъ, но для суда надъ церковными людьми по дѣламъ гражданскимъ существовали у архіереевъ свѣтскіе слуги—десятинники, волостели и посельскіе. Соборные протопопы въ большихъ городахъ (по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ) имѣли нѣкоторую власть надъ причтами приходскихъ церквей.

Съ политической точки зрѣнія церковь и духовенство удѣльной сѣверо-восточной Руси находились въ сильнѣйшей зависимости отъ государства и общества. Низшее духовенство, согласно канонамъ, выбиралось прихожанами, но этотъ выборъ все чаще и чаще становился фикціей, превращаясь въ простую санкцію воли мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ; эти послѣдніе нерѣдко позволяли себѣ при этомъ большія злоупотребленія: напр., добивались отъ епископовъ поставленія въ священники своихъ холоповъ и пользовались этимъ, чтобы извлекать для себя лишніе доходы. Положеніе митрополитовъ и епископовъ по отношенію къ князьямъ было подчиненнымъ, и это подчиненіе постепенно увеличивалось по мѣрѣ усиленія великихъ князей московскихъ. Митрополиты, какъ Петръ, Алексѣй, Іона, всецѣло служили государственному идеалу собиранія Руси. Дмитрій Донской, Иванъ III, Василій III распоряжались митрополичьей каѳедрой по усмотрѣнію. При Дмитріи Донскомъ Митяй, Кипріанъ и Пименъ всецѣло зависѣли отъ милости великаго князя. Митрополиты Зосима и Симонъ были поставлены въ сущности по приказанію Ивана III, выборъ же ихъ соборомъ епископовъ былъ простой формальностью. Василій III возвелъ въ митрополиты Варлаама, потомъ смѣстилъ его и замѣнилъ Даніиломъ. Въ малолѣтствѣ Грознаго Даніилъ былъ замѣненъ Іоасафомъ и Іоасафъ Макаріемъ,—все подъ вліяніемъ свѣтской власти. Сѣверно-русская церковь того времени, вообще близко напоминала состояніе католической, римской церкви въ X вѣкѣ и въ первой половинѣ XI столѣтія.

Церковная администрація въ западной Руси удѣльнаго времени отличалась тѣми же чертами, что и на сѣверо-востокѣ: дворъ и управленіе митрополитовъ и епископовъ отражали на себѣ свѣтское вліяніе,—вліяніе панской вотчины и государственнаго строя удѣльной эпохи. У епархіальныхъ архіереевъ были свои намѣстники, за-

мѣнявшіе ихъ во всѣхъ дѣлахъ церковной администраціи и суда, свои бояре, подскарбіе, маршалки съ компетенціей, соотвѣтствовавшей компетенціи одноименныхъ свѣтскихъ слугъ государства и отдѣльныхъ пановъ. Если положеніе митрополита и епископовъ во многомъ уподоблялось положенію пановъ и князей, то простое духовенство было бѣдно и ближе всего подходило по своему положенію къ крестьянской массѣ. Было много монастырей, большею частью независимыхъ по управленію и суду отъ епископовъ. Надо впрочемъ замѣтить, что и положеніе епископовъ не было равно положенію пановъ: въ радѣ они не участвовали. Вліяніе государства и свѣтскаго общества на положеніе западно-русской православной церкви, какъ учрежденія, и западно-русскаго духовенства, какъ общественной группы, не ограничивалось тѣмъ воздѣйствіемъ, какое оказывали свѣтскія отношенія и порядки на церковный строй. Существовала, кромѣ того, и непосредственная зависимость церкви отъ свѣтскаго общества. Православные паны участвовали въ избраніи митрополитовъ, слѣдили за церковными имуществами и церковнымъ управленіемъ, предотвращали злоупотребленія епископовъ и ходатайствовали передъ правительствомъ о соблюденіи интересовъ церкви, какъ они ихъ понимали. Юридическимъ основаніемъ этого было право патроната свѣтскихъ лицъ надъ церковными учрежденіями,—церквами, монастырями и епархіями. Такимъ правомъ патроната пользовались не только отдѣльные князья и паны, но и городскія общины, особенно тѣ, которыя организовались на основѣ магдебургскаго права. Осуществленіе права патроната надъ церквами въ городахъ выпадало большею частью на долю братствъ. Духовенство тяготилось этой завимостью отъ свѣтскаго общества и пыталось отъ нея освободиться. Съ этою цѣлью въ 1509 году при митрополитѣ Іосифѣ Солтанѣ собранъ былъ церковный соборъ въ Вильнѣ, важнѣйшія постановленія котораго заключаются въ слѣдующемъ: на церковныя должности необходимо ставить людей достойныхъ; выборъ ихъ—дѣло епископовъ и православныхъ пановъ; патронъ лишается права лишать священника патронируемаго имъ прихода или должности безъ вѣдома и согласія мѣстнаго епископа. Рознь между православнымъ духовенствомъ и свѣтскимъ обществомъ на практикѣ приводила къ усиленію власти литовскаго господаря надъ православной западно-русской церковью: міряне жаловались на духовенство митрополиту и великому князю; духовенство — въ томъ числѣ и епископы—въ дѣлахъ между собою также сплошь и

рядомъ обращаются къ господарю, а не къ митрополиту. Въ результатѣ получилось то, что въ XVI вѣкѣ господарь захватилъ въ свои руки замѣщеніе всѣхъ церковно-іерархическихъ должностей, и власть митрополита стала совершенно ничтожной.

Таково было въ главныхъ чертахъ положеніе западно-русской церкви и духовенства въ Литвѣ, западной и югозападной Руси въ удѣльное время, до конца XV вѣка. XVI столѣтіе принесло за собою очень много новаго. Главными новыми явленіями было распространеніе протестантизма (главнымъ образомъ, кальвинизма и социніанства), развитіе католицизма и установленіе и утвержденіе церковной уніи.

Кальвинизмъ и социніанство, разсматриваемыя со стороны общественной организаціи, являются протестомъ противъ аристократическаго строя и проповѣдью демократической простоты и равенства. Условія общественной и государственной жизни Литвы и западной Руси вызывали на такой протестъ по преимуществу низшіе слои населенія, но эти слои были слишкомъ мало подготовлены съ культурной стороны къ воспріятію новыхъ религіозныхъ ученій. Поэтому и распространялись эти ученія только между шляхетствомъ, добивавшимся равенства съ князьями и панами, и когда это равенство было достигнуто, быстро были подавлены, отступили на второй планъ, сохранили за собой сравнительно-слабое меньшинство. Демократическое устойство церкви такимъ образомъ такъ же не привилось, какъ не привились и не развились демократическіе соціальные и государственные порядки.

Гораздо болѣе приспособленнымъ, какъ учрежденіе, къ соціальнымъ и политическихъ условіямъ Литвы и западной Руси оказался католицизмъ. Католическій епископъ виленскій съ самаго своего появленія въ Вильнѣ при Ягайлѣ въ 1386 г. становится членомъ господарской рады. Католическіе епископы, кромѣ того, занимали болѣе независимое положеніе по отношенію къ свѣтскимъ панамъ, чѣмъ православные: они прикрывались и защищались авторитетомъ папы. Присутствіе въ радѣ и самостоятельность ставили такимъ образомъ высшихъ іерарховъ католической церкви на равную ногу съ знатнѣйшими литовскими и русскими князьями и панами. Такое же видное положеніе пріобрѣли и проникшіе въ западную и югозападную Русь католическіе монашескіе ордена, — доминиканскій и іезуитскій. Не надо, наконецъ, забывать, что и политическая необходимость уніи съ Польшей въ интересахъ самосохраненія литовско русскаго

государства отъ опасности, грозившей съ востока, была благопріятнымъ для католицизма условіемъ, содѣйствовавшимъ его распространенію. Такимъ образомъ, строй католической церкви, утвердившійся въ XVI в., болѣе соотвѣтствовалъ господству шляхетскаго сословія, и если высшая католическая іерархія напоминала князей и пановъ, то католическіе священники отражали въ своемъ положеніи простую, рядовую шляхту.

Связующимъ звеномъ между католическимъ и православнымъ духовенствомъ въ этомъ отношеніи явилось, несомнѣнно, уніатское духовенство. Правда уніатскіе епископы и даже митрополитъ не получили доступа въ сенатъ, но за то они стали болѣе самостоятельны по отношенію къ мірянамъ, чѣмъ епископы православные, и, кромѣ того, сильно повысили свое матеріальное обезпеченіе, такъ какъ получили много новыхъ земель. Все это не могло не отразиться на соціальномъ вѣсѣ уніатскаго духовенства.

Остается указать на то, что развитіе католицизма и появленіе уніи отразилось и на положеніи православной церковной іерархіи: эта іерархія еще болѣе обѣднѣла и принизилась въ соціальномъ отношеніи, еще болѣе сблизилась съ низшими слоями общества, стала вполнѣ демократической.

Такимъ образомъ, удѣльная эпоха завѣщала Московской Руси XVI вѣка тѣ же двѣ особенности церковнаго строя, наличность которыхъ наблюдается и въ строѣ государственномъ: слабую организацію административной техники и постоянное и сильное непосредственное вмѣшательство верховной власти во многія мелочи церковнаго управленія, при сильной зависимости церкви отъ государства.

II.

Съ половины XVI до половины XVII вѣка техника церковнаго управленія и суда подверглась сильнѣйшимъ измѣненіямъ, опять-таки явившимся отраженіемъ перемѣнъ, которыя совершились въ государственномъ строѣ.

Первымъ шагомъ въ направленіи къ преобразованію церковной администраціи и суда являются постановленія Стоглава. Стоглавъ передалъ судъ по духовнымъ дѣламъ исключительно въ руки архіереевъ и ихъ слугъ изъ духовенства, по ихъ порученіямъ. Это было однимъ изъ признаковъ того стремленія, которое наблюдается въ русскомъ духовенствѣ особенно XVI и XVII вѣковъ, какъ наблюда-

лось и въ исторіи западно-европейской католической церкви,— стремленія къ независимости отъ государственной власти. Духовенство было объявлено подсуднымъ гражданскому суду только по уголовнымъ дѣламъ. Архіереи, по Стоглаву, должны были дѣйствовать черезъ посредство двухъ родовъ слугъ—духовныхъ и свѣтскихъ. Свѣтскіе слуги — владычны бояре — судили только бѣлое духовенство и мірянъ, жившихъ на церковныхъ земляхъ, по гражданскимъ дѣламъ. Остальныя дѣла церковнаго управленія и суда вѣдались архіерейскими слугами изъ духовенства, — архимандритами, игуменами, протопопами, выборными поповскими старостами и десятскими священниками [1]).

Постановленія Стоглава, какъ извѣстно, въ большей своей части остались мертвой буквой. Но это не означало, что техника церковнаго управленія осталась прежней. Напротивъ, она непрестанно развивалась, и однимъ изъ самыхъ существенныхъ признаковъ такого развитія является появленіе патріаршихъ приказовъ. Въ литературѣ господствуетъ мнѣніе, что эти приказы — Патріаршій Судный или Патріаршій Разрядъ, завѣдывавшій судебными дѣлами и дѣлами о поставленіи на духовныя мѣста, Приказъ церковныхъ дѣлъ, вѣдавшій церковное благочиніе, Казенный, собиравшій сборы съ вотчинъ и духовенства, и Дворцовый, вѣдавшій хозяйство патріаршаго дома, — появились только въ XVII вѣкѣ, даже только со временъ патріарха Филарета [2]). Съ этимъ нельзя согласиться. Слѣды существованія патріаршихъ приказовъ становятся замѣтными уже въ концѣ XVI столѣтія. Такъ, напр., Патріаршій Дворцовый приказъ упоминается въ одномъ документѣ 1595 года [3]).

Дальнѣйшимъ шагомъ по пути измѣненій въ техникѣ церковнаго управленія является царская жалованная грамота патріарху Филарету, относящаяся къ 1621 году и установившая для патріаршей епархіи такой порядокъ суда: всѣ духовныя лица собственной епархіи патріарха подсудны патріарху; въ случаѣ, если они сами предъявляютъ искъ къ человѣку, не подлежащему юрисдикціи патріарха, ихъ иски разбираются и рѣшаются въ тѣхъ приказахъ, гдѣ вѣ-

1) См. Стоглавъ въ казанскомъ изданіи.

2) Шимко, Патріаршій Казенный Приказъ, — въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. архивѣ министерства юстиціи“, кн. IX, стр. 2.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., грам. колл. экономіи, Костром. у., № 5129, л. 20 об.

домы судомъ отвѣтчики; если отвѣтчики выступаютъ съ встрѣчнымъ искомъ, то духовныя лица, подсудныя патріарху, въ этомъ случаѣ отвѣчаютъ по суду въ тѣхъ же приказахъ. Послѣднія постановленія замѣняютъ прежнюю норму, примѣнявшуюся въ подобныхъ случаяхъ — смѣстный судъ — и, несомнѣнно, доказываютъ, что привилегіи духовенства уменьшались, потому что смѣстный судъ носитъ на себѣ печать большей привилегированности, чѣмъ новый порядокъ.

Наконецъ, Уложеніе 1649 года установило особое учрежденіе для завѣдыванія монастырскими и церковными землями и для суда по гражданскимъ дѣламъ надъ всѣмъ духовенствомъ — бѣлымъ и чернымъ, включая и архіереевъ, — и надъ всѣми церковными людьми и крестьянами. Въ случаѣ исковъ къ постороннимъ, не церковнымъ людямъ и при встрѣчныхъ искахъ этихъ послѣднихъ примѣнялись правила, установленныя жалованной грамотой патріарху Филарету [1]). Учрежденіе Монастырскаго приказа имѣло важное значеніе для политическихъ отношеній между церковью и государствомъ, но не менѣе важно оно и для исторіи перемѣнъ въ техникѣ церковнаго управленія и суда; безъ сомнѣнія, извѣстныя уже намъ явленія въ исторіи администраціи и суда въ Московскомъ государствѣ нашли себѣ съ этого времени примѣненіе и въ области церковно-административной. Это должно было и здѣсь технически облегчить роль верховной власти, направить послѣднюю на принципіальные вопросы и задачи.

III.

Подчиненіе церкви государству въ томъ видѣ, какъ оно осуществилось въ XV и первой половинѣ XVI вѣка въ сѣверо-восточной Россіи, не осталось безъ оппозиціи. Оно встрѣтило себѣ яростнаго врага въ лицѣ Іосифа Санина. Большинство изслѣдователей склонны представить себѣ Іосифа, какъ сторонника подчиненія церкви государству, потому что онъ признавалъ въ государѣ хранителя чистоты вѣры, обладающаго высшей властью въ церковномъ управленіи и судѣ [2]). Надо однако замѣтить, что храненіе чистоты вѣры было, съ точки зрѣнія Іосифа, не правомъ, а обязанностью государя, и при томъ государь здѣсь въ сущности долженъ былъ лишь дѣйство-

1) Уложеніе, XII и XIII главы.

2) См., напр., Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, стр. 102.

вать въ интересахъ церкви и по ея рѣшенію, являлся орудіемъ въ рукахъ церкви. Такимъ образомъ, Іосифъ Санинъ въ сущности былъ первымъ яркимъ выразителемъ идеи русскаго папизма и въ этомъ отношеніи сильно напоминаетъ папу Николая I.

Іосифъ имѣлъ успѣхъ лишь отчасти: онъ сдѣлалъ государство орудіемъ церкви въ жгучихъ вопросахъ того времени,—въ вопросѣ о преслѣдованіи еретиковъ и въ вопросѣ о монастырскомъ землевладѣніи. Но ему не удалось поставать церковь выше государства во всѣхъ отношеніяхъ. А его ученики и послѣдовали—іосифляне — превратились въ рабовъ свѣтской власти, въ «потаковниковъ» царя, какъ называлъ ихъ князь Курбскій. Митрополитъ (потомъ патріархъ) и архіереи стали опредѣлять къ себѣ на службу бояръ и дворянъ и увольнять ихъ отъ службы не иначе, какъ съ соизволенія царя. Иванъ Грозный низложилъ митрополита Филиппа и превратилъ его преемниковъ — Кирилла и Антонія — въ своихъ полныхъ холоповъ. При Ѳедорѣ Годуновъ лишилъ власти митрополита Діонисія и возвелъ на митрополичью каѳедру Іова. Самое введеніе патріаршества не столько означало возвышеніе церковной власти, сколько отражало ростъ свѣтской власти самодержавнаго царя. И съ патріархами церемонились не больше, чѣмъ съ митрополитами: Іовъ былъ свергнутъ первымъ Лжедимитріемъ и замѣненъ Игнатіемъ; Василій Шуйскій низложилъ Игнатія и возвелъ Гермогена. Гермогенъ, какъ и другіе архіереи его времени, напр., Ефремъ Казанскій, Исидоръ новгородскій и Ѳеоктистъ тверской, былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Шуйскаго и его партіи.

Масса духовенства — бѣлаго и особенно чернаго — примкнула въ Смутное время къ тѣмъ среднимъ слоямъ русскаго общества, которые поддерживали существовавшій порядокъ: вмѣстѣ съ среднимъ и мелкимъ дворянствомъ, посадскими людьми и зажиточнымъ сѣвернымъ крестьянствомъ духовенство высказалось противъ аристократической олигархіи боярства и возвело на престолъ новую династію. Эта соціальная роль духовенства увеличила его удѣльный вѣсъ въ политической жизни и возвысила патріарха. Поэтому-то двоевластіе царя и патріарха, которое создалось при Михаилѣ и Филаретѣ, объясняется не столько родственною связью патріарха съ царемъ, сколько правящимъ положеніемъ духовенства на ряду съ другими средними слоями русскаго общества того времени. При Филаретѣ русскій папизмъ сдѣлалъ такимъ образомъ рѣшительный шагъ впередъ.

Крупнѣйшимъ представителемъ папизма на московской патріаршей каѳедрѣ былъ, какъ извѣстно, Никонъ. Онъ сознательно выставилъ и проводилъ въ жизнь ученіе о главенствѣ церкви надъ государствомъ, о приматѣ духовной власти сравнительно съ властью свѣтской. Не даромъ во вновь изданную Кормчую книгу онъ включилъ знаменитую легенду о дарѣ Константина. Но такія притязанія столкнули Никона и представляемое имъ духовенство съ правящими средними слоями русскаго общества, главнымъ образомъ, съ дворянствомъ, которое къ этому времени упрочило самодержавную власть царя. Въ результатѣ получилось крушеніе принципа двоевластія и паденіе идеи папизма въ Россіи. Церковь окончательно стала орудіемъ государственной власти, средствомъ, которымъ пользовалось для своихъ цѣлей самодержавіе.

Такимъ образомъ, техника церковнаго управленія и суда, развиваясь и улучшаясь, достигла постепенно къ половинѣ XVII вѣка, того же состоянія, какъ и техника управленія свѣтскаго, такъ что и здѣсь для верховной власти открылась возможность по преимуществу одной направляющей, принципіальной дѣятельности; въ то же время послѣ нѣкоторой борьбы церковная власть окончательно подчинилась верховной власти московскихъ царей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Политическая сторона развитія верховной власти и высшаго управленія въ Московскомъ государствѣ до половины XVII вѣка.

I.

Политическая исторія утвержденія самодержавія въ Россіи въ главныхъ чертахъ достаточно изслѣдована въ нашей исторической литературѣ. Намъ остается только, во-первыхъ, представить резюмирующее изложеніе вопроса, во-вторыхъ разрѣшить нѣкоторыя контроверзы, въ-третьихъ—и это главное—связать политическій процессъ въ цѣломъ и частностяхъ съ явленіями, изслѣдованными нами въ предыдущихъ главахъ.

Зарожденіе самодержавія въ Россіи относится еще къ концу удѣльнаго періода, когда обнаружились первые, слабые ростки его. Съ конца XV вѣка до половины XVI столѣтія и длится этотъ пер-

вый, зачаточный періодъ развитія самодержавной власти русскихъ государей. Періодъ этотъ характеризовался тѣмъ, что опредѣлились силы, борьба которыхъ привела, въ концѣ-концовъ, къ утвержденію самодержавія; силы эти уяснили себѣ и усвоили опредѣленныя политическія идеи; произошли отдѣльныя, спорадическія вспышки борьбы, и, наконецъ, одна изъ борющихся силъ временно восторжествовала.

Силами, опредѣлившимися для борьбы одна съ другой, были, съ одной стороны, думная аристократія, съ другой—среднее и мелкое провинціальное дворянство съ прибавленіемъ посадскихъ людей и зажиточной части крестьянства. Думная аристократія не представляла собою единой, цѣльной силы; напротивъ, она, сообразно своему соціальному составу, двоилась, дѣлилась на двѣ части—на титулованное боярство, вышедшее изъ среды бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей, поступившихъ на службу къ московскому государю и занявшихъ первыя мѣста въ Боярской думѣ, заполнившихъ собою чины бояръ и окольничихъ, и на нетитулованныхъ думныхъ людей, главная часть которыхъ принадлежала къ числу „дѣтей боярскихъ, живущихъ въ думѣ“ (впослѣдствіи думныхъ дворянъ) и большихъ или введенныхъ дьяковъ (впослѣдствіи думныхъ дьяковъ) [1]).

Политическія настроенія каждой изъ этихъ соціальныхъ группъ успѣли въ изучаемый періодъ настолько опредѣлиться и скристаллизоваться, что превратились уже въ политическія идеи, даже въ системы политическихъ идей. Наименѣе систематизированными были воззрѣнія незнатныхъ думныхъ людей, потомковъ старинныхъ удѣльныхъ слугъ московскихъ князей. Эти люди жили традиціями удѣльной старины, видѣли политическій идеалъ въ прошломъ, когда московскіе великіе князья не задавались широкими политическими задачами, не проводили рѣзкой разграничительной черты между собою и своими слугами, держали себя съ ними запросто и прибѣгали къ совѣту съ ними по всѣмъ дѣламъ, охотно выслушивая возраженія. Типическимъ представителемъ этихъ реакціонеровъ того времени является извѣстный Иванъ Никитичъ Берсень-Беклемишевъ, которому за его „непригожія рѣчи“ о Василіи III и его матери отрѣзали языкъ [2]). Впрочемъ, этотъ слой и былъ наименѣе вліятеленъ: бывшіе удѣльные слуги были подавлены съ одной стороны новымъ титулованнымъ боярствомъ, съ другой незнатнымъ провинціальнымъ

[1]) Ключевскій, Боярская Дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 273 и сл.
[2]) Акты Арх. Экс., т. I, № 172.

дворянствомъ, которое, выслуживаясь, проникало въ Думу по преимуществу въ чины думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ и здѣсь большей частью ассимилировало съ собой старыхъ удѣльныхъ слугъ.

Такимъ образомъ, враждебными, точно опредѣленными, сложившимися силами являлись аристократическое боярство и дворянски-демократическій провинціальный, отчасти и столичный служилый классъ. Обѣ эти соціальныхъ силы стремились къ преобладанію, и это нашло себѣ отраженіе въ опредѣленныхъ системахъ политическихъ воззрѣній. Формулировка этихъ системъ произведена была самыми образованными элементами той и другой общественной группы,— чернымъ духовенствомъ, монахами, выходившими изъ ихъ среды. „Заволжскіе старцы“, ученики Нила Сорскаго, были идейными представителями аристократіи, іосифляне являлись идеологами рядового дворянства.

Не подлежитъ сомнѣнію, что составленная въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XVI вѣка „Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа“ является политическимъ памфлетомъ, вышедшимъ именно изъ среды заволжскихъ старцевъ. Здѣсь ясно и опредѣленно выразилась тенденція знатнаго боярства къ ограниченію власти государя черезъ посредство Боярской думы. „Бесѣда“ прямо заявляетъ: „царемъ и великимъ княземъ достоитъ изъ міру всякіе доходы своя съ пощадою збирати и всякія дѣла дѣлати милосердно съ своими князи и съ боляры и съ прочими міряны, а не съ иноки“. [1])

Іосифлянская группа политическихъ писателей, являясь идейной представительницей средняго и мелкаго дворянства, унаслѣдовавъ давно уже проводившуюся духовенствомъ идею о богоустановленности власти и усвоивъ представленіе о томъ, что Константинополь палъ вслѣдствіе отступленія отъ православія царя и патріарха во флорентійской уніи, и что истинное благочестіе сохранилось только на Руси, развила изъ этихъ основъ цѣлую стройную и сложную теорію значенія, задачъ и цѣлей православнаго русскаго царства. Въ византійской литературѣ—напр., въ сочиненіяхъ Меѳодія Патарскаго, Льва Премудраго, въ такъ-называемыхъ видѣніяхъ пророка Даніила—было не мало мистическихъ пророчествъ о судьбѣ Царьграда. Въ числѣ этихъ пророчествъ было одно, въ которомъ

1) Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа, въ изданіи гг. Дружинина и Дьяконова.

говорилось, что «родъ русыхъ» (ξανθὸν γένος) побѣдитъ всего Измаила и овладѣетъ Седмихолмымъ. Этотъ «родъ русыхъ» у русскихъ книжниковъ, составлявшихъ сказанія о паденіи Царьграда, замѣненъ былъ «родомъ русскихъ». Затѣмъ, въ 1492 г. во вновь составленной на восьмую тысячу лѣтъ отъ сотворенія міра пасхаліи великій князь Иванъ III названъ былъ новымъ царемъ Константиномъ, и Москва—новымъ Константинополемъ. Подобныя представленія почерпались также изъ византійскаго сказанія о Вавилонскомъ царствѣ, передававшаго о томъ, какъ греческій императоръ Левъ отправилъ въ Вавилонъ пословъ, чтобы взять знаменіе отъ трехъ отроковъ, не сгорѣвшихъ въ печи, и добыть вещи Навуходоносора; послѣ многихъ опасностей послы принесли ему царскій скипетръ и шапку Мономаха. Эта легенда пополнялась другой—такъ-называемой «Исторіей властодержцевъ отъ Ноя»: отъ Ноя здѣсь выводился Августъ, потомкомъ миѳическаго брата котораго, Пруса, объявлялся нашъ Рюрикъ, отъ Рюрика же произошелъ Владиміръ Святой, который послѣ войны съ византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ получилъ отъ него часть животворящаго креста и царскій вѣнецъ. Послѣ брака Ивана III съ Софіей Палеологъ эти мотивы соединились съ новымъ элементомъ—указанной сейчасъ теоріей преемства Москвы отъ Константинополя въ дѣлѣ охраны православія. Еще въ 60-хъ годахъ XV в. правительство проводило такую теорію въ особо составленой брошюрѣ «Слово избрано отъ святыхъ писаній еже на латыню». Однимъ изъ литературныхъ предшественниковъ «Слова на латыню» было «Посланіе инока Саввы на жидовъ и на еретики», гдѣ великій князь Василій Васильевичъ названъ «потвердникомъ благочестія» [1]). Въ «Словѣ» онъ именуется «богошественнымъ поспѣшникомъ истиннѣ, высочайшимъ исходатаемъ благовѣрія, мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ божественнаго закона, истинныя вѣры православія, боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси». Но наиболѣе яркимъ выраженіемъ политической теоріи русскаго царства были составленныя въ XVI в. три посланія старца псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея—одно къ великому князю Василію III, другое къ дьяку Мунехину, третье къ царю Ивану IV, написанныя почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Основная идея посланій выражена такъ: «два Рима пали, третій (т.-е. Москва) стоитъ, а четвертому не быть». Здѣсь говорится, по собственнымъ

1) См. „Чтеніе въ Общ. Ист. и Древ. Рос." за 1903 г.

словамъ автора, «о православномъ царствѣ пресвѣтлѣйшаго и великостольнѣйшаго государя нашего, единственнаго во всей поднебесной христіанскаго царя, враздодержателя святыхъ Божіихъ престоловъ, св. вселенской и апостольской церкви, которая просіяла вмѣсто церкви римской и константинопольской и утвердилась въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ и которая одна во всей вселенной и лучше солнца свѣтится. Всѣ другія христіанскія царства исчезли совершенно и соединились въ одно царство нашего государя» [1]).

Такова была теорія московскаго православія и самодержавія, отстаивавшаяся политическими писателями іосифлянской партіи.

Столкновеніе двухъ враждебныхъ силъ выразилось въ нѣсколькихъ вспышкахъ: въ „высокоумничаньи“ князей Ряполовскаго, Ивана и Василія Патрикѣевыхъ при Иванѣ III, при чемъ Василій Патрикѣевъ, постриженный въ монахи подъ именемъ Вассіана, и позднѣе велъ ожесточенную борьбу съ іосифлянами и придалъ возрѣніямъ заволжскихъ старцевъ тотъ политическій характеръ, котораго они первоначально, у Нила Сорскаго, совершенно не имѣли, въ ссылкѣ князя Холмскаго, въ господствѣ боярской олигархіи въ малолѣтство Ивана Грознаго, наконецъ, въ вліятельной роли Сильвестра, Адашева и Курбскаго съ „избранной радой“.

Первый періодъ развитія самодержавія въ Россіи поставилъ враждебныя соціальныя силы другъ противъ друга и намѣтилъ задачи каждой изъ сторонъ. Но, кромѣ того, онъ создалъ и еще многое весьма важное: имъ былъ утвержденъ обычай участія Боярской Думы въ законодательныхъ дѣлахъ [2]), опредѣленъ составъ Думы изъ четырехъ думныхъ чиновъ, установленъ и характеръ земскихъ соборовъ XVI вѣка, такъ какъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что земскій соборъ, 1550 г. по составу своему не отличался отъ соборовъ 1566 и 1598 годовъ, т.-е. состоялъ по преимуществу изъ призванныхъ правительствомъ на совѣщаніе органовъ правительственной власти, вождей служилаго класса [3]). Такимъ образомъ, техника верховнаго управленія въ смыслѣ устройства высшихъ учрежденій, раздѣляющихъ съ государемъ сферу его непосредственной дѣятельности, достигла уже нѣкоторой степени развитія.

---

1) Малининъ, Посланія старца псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея.

2) Ключевскій, Боярская Дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 281 и слѣд.

3) Ключевскій, Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси—въ „Рус. Мысли“ за 1890 г., № 1, и за 1891 г., № 1.

Этотъ періодъ закончался временнымъ торжествомъ боярской олигархіи, выразившимся не только въ томъ опредѣляющемъ вліяніи, какое принадлежало „избранной радѣ“ до шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка, но и въ юридической нормѣ, внесенной въ Судебникъ 1550 года, по которому новые законы должны были устанавливаться „съ государева указа и со всѣхъ бояръ приговора“ [1]). Временная побѣда боярства понятна: денежное хозяйство еще не начинало сколько-нибудь замѣтно развиваться и не требовало сильной объединяющей власти; крѣпостной общественный строй также еще не сложился; подчиненная администрація едва начала организоваться на новыхъ началахъ, при томъ пока непрочныхъ и нежизнеспособныхъ; административная техника и особенно техника высшаго управленія была совершенно не развита. Однимъ словомъ, не было на лицо ни одной изъ необходимыхъ предпосылокъ абсолютизма.

II.

Второй моментъ политической исторіи самодержавія — это царствованіе Ивана Грознаго съ его естественнымъ продолженіемъ — царствованіями Ѳедора и Бориса Годунова. Въ это время намѣтились въ главныхъ чертахъ, хотя и не приняли законченнаго вида, экономическія и соціальныя новообразованія — денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ и крѣпостничество. Понятно, поэтому, что окончательно и рѣзко опредѣлились и противоположности въ политическихъ воззрѣніяхъ. Отраженіемъ этого являются не только знаменитая переписка Грознаго съ Курбскимъ и написанная послѣднимъ „Исторія великаго князя московскаго“, но и политическіе памфлеты Ивана Пересвѣтова. Важны здѣсь не только его „челобитныя“, но и „Повѣсть о турскомъ царѣ Мехметѣ и волошскомъ воеводѣ Петрѣ“, въ которой прямо высказывается, напр., увѣренность въ необходимости, чтобы царство было подъ царемъ не безъ грозы. Насколько опредѣлились отношенія дворянской массы къ политикѣ Грознаго, — это показываетъ „Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа“; здѣсь царя предостерегаютъ отъ чаръ и волхвованія „коварныхъ синклитовъ“.

Въ то же время, благодаря указаннымъ хозяйственнымъ и соціальнымъ перемѣнамъ, сопровождавшимся связанными съ ними другими явленіями, намъ уже извѣстными, становится не только возможной, но и необходимой побѣда самодержавной власти царя надъ олигархи-

1) Акты Историч., т. I, № 153.

ческими тенденціями боярства. Эта побѣда выразилась прежде всего въ знаменитой опричинѣ Ивана Грознаго.

Извѣстна внѣшняя исторія опричнины: неожиданное удаленіе царя въ Александровскую слободу, двѣ его грамоты въ Москву—грозная къ боярамъ и милостивая къ остальному населенію,—отказъ отъ власти и возвратъ къ ней съ особыми полномочіями, учрежденіе войска опричниковъ подъ начальствомъ Малюты Скуратова, отобраніе въ опричнину половины государства. Но смыслъ и значеніе опричнины не одинаково понимаются различными изслѣдователями. Нѣкоторые думаютъ, что опричнина—слѣдствіе личнаго каприза, болѣзненной трусливости Грознаго, бившаго и правыхъ и виноватыхъ, что она—учрежденіе для борьбы съ лицами, а не съ порядками и потому не имѣетъ особенно важнаго значенія [1]). При этомъ обращаютъ вниманіе, главнымъ образомъ, если не исключительно, на казни и пытки, на собачьи головы и метлы на сѣдлахъ у опричниковъ. Все это, конечно, несомнѣнные факты, и опричнина, какъ первая по времени политическая полиція въ Россіи, нерѣдко преслѣдовала людей вмѣсто того, чтобы уничтожать порядки, боролась съ лицами, а не съ учрежденіями и общественнымъ строемъ: такова ужъ участь всякаго проявленія терроризма, всякой власти, не основанной на законѣ, а опирающейся на личное усмотрѣніе. Однако такое пониманіе опричнины, какъ показываетъ ближайшее изученіе вопроса [2]), односторонне и потому невѣрно: она была орудіемъ не только личной, но и политической борьбы, не только губила людей, но и уничтожала враждебные самодержавію порядки. Дѣло въ томъ, что когда извѣстный уѣздъ отбирался въ опричнину, то всѣ землевладѣльцы, не принадлежавшіе къ числу опричниковъ, должны были оставлять свои земли, лишались ихъ, сохраняя право искать себѣ въ другихъ мѣстахъ земли для пожалованія ихъ царемъ. Оставленныя земли раздавались опричникамъ. Такимъ путемъ уничтожались старинныя удѣльныя владѣнія князей и связанныя съ ними обширныя привилегіи, происшедшія не отъ царскаго пожалованья, а унаслѣдованныя отъ удѣльной эпохи: сюда относились и право суда, и право сбора податей, и право дачи жалованныхъ грамотъ. Такъ, опричнина съ корнемъ вырывала остатки феодализма, устраняла дробленіе власти, порывала связь потомства бывшихъ удѣльныхъ князей съ населеніемъ, предки котораго были

1) Ключевскій, Боярская Дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 337—341.

2) Платоновъ, Очерки по исторіи смуты въ Моск. госуд. XVI и XVII вв., Спб., 1899, стр. 152.

подданными предковъ землевладѣльцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же опричнинѣ исчезали и привилегіи, являвшіяся слѣдствіемъ знатности происхожденія: въ опричнинѣ, какъ извѣстно, не было мѣстничества. Наконецъ, подъ вліяніемъ опричнины уменьшилось и политическое значеніе Боярской Думы: опричная территорія, охватывавшая лучшую половину государства, была изъята изъ вѣдѣнія Боярской Думы, которая управляла только земщиной, да и то съ доклада государю; къ тому же, даже когда опричнина исчезла, пріобрѣла бо́льшее, чѣмъ прежде, значеніе комнатная или ближняя дума, развившаяся изъ предшественника опричнины—совѣщанія „самъ третей у постели". Къ этому надо прибавить, что и земскіе соборы—эти совѣщанія съ болѣе обширнымъ, чѣмъ бояре и другіе думные люди, кругомъ лицъ, принадлежащихъ къ служилому сословію,—также содѣйствовали ограниченію политическихъ притязаній боярства: многіе вопросы первостепенной важности стали разсматриваться на соборахъ, а не въ Думѣ. Остается, наконецъ, указать, что опричнина содѣйствовала и перемѣнамъ въ техникѣ высшаго управленія: управляя дѣлами земщины, бояре только по важнѣйшимъ дѣламъ дѣлали докладъ царю; такъ проводилась самой административной практикой демаркаціонная черта между личной дѣятельностью государя и дѣятельностью Боярской Думы.

Понятно такимъ образомъ, какимъ сокрушительнымъ ударомъ для боярской аристократіи была опричнина. Боярство очень хорошо это сознавало. Спрашивается: почему же оно не реагировало на опричнину самымъ рѣшительнымъ образомъ? Почему оно не возстало, не подняло открытаго возмущенія, а или терпѣло, или бѣжало за границу? Отвѣта на этотъ вопросъ, помимо могущества тѣхъ общественныхъ элементовъ, въ интересахъ которыхъ было утвержденіе самодержавія, надо искать въ извѣстныхъ уже намъ хозяйственныхъ условіяхъ московскаго центра. Къ концу шестидесятыхъ и особенно къ семидесятымъ годамъ XVI вѣка относится упадокъ хозяйства въ центральныхъ уѣздахъ, гдѣ расположены были въ большинствѣ своемъ княжескія вотчины, разореніе и запустѣніе ихъ. Это какъ разъ совпало съ господствомъ опричнины, достигшимъ своего высшаго развитія именно въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Разоренные князья не имѣли такимъ образомъ матеріальной силы, на которую они могли бы опереться въ открытой борьбѣ съ царской властью.

Боярство получило при Грозномъ первый рѣшительный ударъ, было поколеблено имъ, но далеко еще не сломлено. Закрѣпить пріі-

обрѣтенія опричнины и было цѣлью Годунова, который продолжалъ лишь въ смягченныхъ формахъ политику Грознаго при Ѳедорѣ и въ свое собственное царствованіе. При Ѳедорѣ онъ рѣшительно устраняетъ знать отъ всякаго политическаго вліянія: онъ постригаетъ въ монахи князя Мстиславскаго; въ 1587 году ссылаетъ князей Шуйскихъ со всѣми ихъ сторонниками и низлагаетъ митрополита Діонисія и крутицкаго архіепископа Варлаама. Въ свое собственное царствованіе Борисъ все время дѣйствуетъ противъ боярства и въ интересахъ средняго и мелкаго дворянства. Такое направленіе его правительственной дѣятельности засвидѣтельствовано цѣлымъ рядомъ данныхъ. О немъ говоритъ и Хронографъ 1616 г., и сказаніе Ивана Тимофеева, и Палицынъ, и Масса, и Флетчеръ, и польскіе послы 1608 года Олесницкій съ товарищами. О томъ же свидѣтельствуетъ возвышеніе назнатныхъ людей въ родѣ Клешнина. Указы 1601 и 1602 годовъ, запрещающіе вывозъ крестьянъ крупнымъ землевладѣльцамъ и разрѣшающіе его землевладѣльцамъ мелкимъ, носятъ на себѣ сразу бросающуюся въ глаза классовую окраску. Въ Псковѣ, Смоленскѣ, на разныя должности въ Москвѣ царь Борисъ, по словамъ Тимофеева, назначалъ своихъ „родныхъ спомогателей“ [1]). Такими средствами Борису удалось оттѣснить знать и въ частности Боярскую Думу отъ политическаго руководства, лишить значенія ея притязанія на участіе въ верховной власти. Рѣшительные успѣхи самодержавія были такимъ образомъ завѣщаны XVI вѣкомъ Смутному времени.

III.

Смутное время еще болѣе дифференцировало общество, опредѣлило и подчеркнуло классовыя противорѣчія и выяснило политическія идеалы борющихся сторонъ. Это, какъ извѣстно, ясно отразилось въ обширной литературѣ повѣстей и сказаній, появившихся въ то время. То были произведенія лишь отчасти историческія, въ гораздо же большей степени публицистическія, политическіе памфлеты. Такъ, въ одномъ изъ нихъ, такъ называемомъ „Иномъ сказаніи“, ярко выражены аристократическія тенденціи, авторъ высказывается противъ самодержавія, противъ Бориса и Лжедимитрія и всецѣло становится на сторону боярскаго царя Шуйскаго. Напротивъ, „Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ“ рѣзко высказывается противъ бояръ: называя ихъ правителями, авторъ прибавляетъ, что ихъ можно

1) Русская Историч. Библіотека, т. XIII, 340.

назвать и кривителями, а вмѣсто „земледержцевъ“ можно бы наименовать и „землесъѣдцами“. Безусловнымъ сторонникомъ самодержавія является и дьякъ Иванъ Тимофеевъ въ своемъ „Временникѣ“. На своемъ витіеватомъ языкѣ онъ выражаетъ свои политическія воззрѣнія слѣдующимъ, напримѣръ, образомъ. „Яко Бога вся купно тварь почитаетъ страхомъ и молчаніемъ, подобнѣ тому повинуяся служи“ и царю; „аще и человѣкъ царь по естеству, властію достоинства привлеченъ есть Богу, иже надо всѣми; не имать бо на земли высочайши себя“ [1]).

Понятно, что уясненіе политическихъ тенденцій, прикрывавшихъ опредѣленныя классовыя вожделѣнія, обострило борьбу, и прежде всего выдвинуло на первый планъ то же олигархически—настроенное боярство. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что первый Лжедимитрій былъ подготовленъ знатью,—Богданомъ Бѣльскимъ, Романовыми, Черкаскимъ, къ которымъ потомъ присоединились Шуйскій и Голицыны, возведшіе Лжедимитрія на престолъ при помощи безпринципнаго карьериста—выскочки Басманова. Всѣ эти князья и бояре лелѣяли, разумѣется, мысль о своемъ участіи въ новой „избранной радѣ“, которая, по ихъ мысли, должна была руководить новымъ царемъ, всѣмъ обязаннымъ боярству. Но въ томъ-то и дѣло, что Лжедимитрій оказался обязаннымъ боярству далеко не всѣмъ. Онъ былъ возведенъ на престолъ не одними боярами, а еще и чернью, бѣглыми холопами и крестьянами, примкнувшими къ нему послѣ его вторженія въ предѣлы Московскаго государства, и вообще народной массой, недовольной государственными тягостями и все туже затягивавшимся узломъ крѣпостной неволи. Это и дало возможность Лжедимитрію занять положеніе, совершенно независимое отъ бояръ: онъ порицаетъ, прямо бранитъ бояръ, возстановляетъ старую опричную аристократію—Нагихъ, Романовыхъ, Щелкаловыхъ,—окружаетъ себя незнатными людьми въ родѣ Басманова Мосальскаго, Татева, Власьева, Сутупова, Молчанова, Микулина. Словомъ, Лжедимитрій I оказался на престолѣ такимъ же самодержцемъ, какими были Иванъ Грозный и Борисъ Годуновъ.

Тогда боярство предприняло новую энергичную попытку уничтожить самодержавіе. Составленный заговоръ увѣнчался, какъ извѣстно, успѣхомъ,—убійствомъ Лжедимитрія и возведеніемъ на престолъ Василія Шуйскаго. Съ него взята была „запись“, содержав-

[1]) Русская Историч. Библіотека, т. XIII, 397, 398.

шая слѣдующія постановленія: 1) „всякаго человѣка, не осуди истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати“, 2) вотчинъ у родственниковъ бояръ—государственныхъ преступниковъ, если эти родственники не принимали участія въ преступленіи, не отнимать; 3) это послѣднее относится и къ гостямъ и торговымъ людямъ; 4) не слушать „доводовъ“ (т.-е. доносовъ).

Въ нашей исторической литературѣ существуетъ мнѣніе, что изложенная запись нисколько ни ограничиваетъ царской власти и не представляетъ собою договора царя съ боярами, а является просто манифестомъ о возстановленіи порядка, существовавшаго до опричнины. Въ доказательство этого мнѣнія приводится то соображеніе, что въ резюме грамоты, помѣщенномъ въ концѣ ея, нѣтъ словъ „съ бояры своими“.[1]) Но, во-первыхъ, надо оцѣнивать грамоту по полному тексту, а не по резюме, а тамъ есть слова „съ бояры своими“; во-вторыхъ, ничего подобнаго тому, что установлено записью Шуйскаго, не было до опричнины: напр., Берсень былъ приговоренъ безъ рѣшенія боярской думы, Патрикѣевы тоже, Шуйскіе и Воронцовъ въ малолѣтство Грознаго—тоже; имѣнія отбирались у ни въ чемъ невиноватыхъ родственниковъ, «доводамъ» вѣрили; въ-третьихъ Шуйскій присягнулъ на своей записи, какъ конституціонный государь присягаетъ на вѣрность конституціи.

Итакъ царь Василій—не былъ самодержцемъ, хотя, конечно, нельзя сказать, чтобы онъ во всѣхъ дѣлахъ былъ юридически ограниченъ записью: въ ограничительной грамотѣ ничего не говорится о способѣ установленія налоговъ и о законодательствѣ.

Положенія Шуйскаго было очень затруднительно: прежде всего онъ долженъ былъ угождать знатнѣйшимъ боярамъ—бывшимъ удѣльнымъ князьямъ, которымъ онъ обязанъ былъ своимъ престоломъ; затѣмъ онъ не могъ слишкомъ раздражать и менѣе знатныхъ людей, а въ особенности опасно было вызывать недовольство въ средѣ рядовыхъ служилыхъ людей, купцовъ и чернаго городского и сельскаго населенія, потому что эти общественные слои и безъ того подозрительно и недовѣрчиво относились къ боярскому царю. Такъ какъ у всѣхъ перечисленныхъ классовъ русскаго общества того времени были различные, часто даже прямо противоположные интересы, то никакой компромиссъ не оказывался возможнымъ. Поэтому Шуйскій ничего реальнаго не предпринялъ и не могъ предпринять по отношенію къ

---

[1]) Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, стр. 303.

народной массѣ – городской и сельской—и къ рядовымъ служилымъ людямъ – столичнымъ и провинціальнымъ. Нельзя же считать реальнымъ дѣломъ разсылку увѣщательныхъ грамотъ съ обличеніемъ самозванства Лжедмитрія I или составленіе политическихъ памфлетовъ въ родѣ „повѣсти 1606 г.“, описанія перенесенія мощей Дмитрія или извѣта старца Варлаама о Гришкѣ Отрепьевѣ: было слишкомъ очевидно, что все это вдохновлялось правительствомъ и тенденціозно окрашивало политическія обстоятельства и событія въ тотъ цвѣтъ, какой угоденъ былъ господствующей партіи, а выгодъ отъ этого для среднихъ и низшихъ слоевъ общества не получалось никакихъ. Уже это создавало ропотъ и недовольство, которые подкапывались подъ тронъ Шуйскаго и скоро повели къ бурѣ. Менѣе знатное боярство Шуйскій не только не привлекалъ къ себѣ, но, бросившись въ объятіе княжеской аристократіи, сталъ его преслѣдовать: Власьева, Бѣльскаго, Мосальскаго, Салтыкова онъ разослалъ по воеводствамъ; къ Романовымъ относился подозрительно, видя въ нихъ претендентовъ на престолъ, и лишилъ ихъ племянника, князя Черкаскаго, должности кравчаго.

Шуйскій былъ и остался царемъ, угоднымъ исключительно одному знатному титулованному боярству, которое и превратило Московскую Русь его времени въ олигархическое государство. Но всякая олигархія имѣетъ ту особенность, что ея участники—олигархи не могутъ ужиться другъ съ другомъ мирно, начинаютъ грызть одинъ другого, интриговать другъ противъ друга, ссориться, потому что обаяніе власти, столь близкой и доступной, заставляетъ ревниво относиться къ соперникамъ и соучастникамъ. Воротынскіе, Голицыны и Куракины своевольничаютъ и сталкиваются между собою, и дѣло кончается тѣмъ, что Воротынскіе и Голицыны принимаютъ, наконецъ, участіе въ низложеніи царя—само-собою разумѣется, въ личныхъ своихъ выгодахъ.

Такимъ образомъ, у Шуйскаго не было опоры въ сущности нигдѣ и ни въ чемъ. Въ такихъ-то обстоятельствахъ началось возстаніе народныхъ массъ, на знамени котораго было написано требованіе не столько самодержавія, сколько соціальныхъ облегченій. Облегченія рисовались массамъ въ видѣ возвращенія къ старому приволью и простору, къ вольному захвату земли, къ соціальному равенству. Къ возставшимъ присоединились средніе землевладѣльцы—провинціальные дворяне, недовольные исключительно одной политической олигархіей, и мелкіе служилые люди, которые были и за самодержа-

віе и за улучшеніе своего экономическаго положенія. Каждая изъ этихъ трехъ группъ имѣла своего вождя; народная масса—казаки, крестьяне и холопы — Болотникова, среднее провинціальное дворянство—Прокопія Ляпунова и Сумбулова, мелкое—Истому Пашкова. Всѣ трое соединились и осадили Москву. Это было, однако, лишь главное ядро возстанія, а кромѣ того подняли еще рядъ болѣе мелкихъ возмущеній мѣстами соціальнаго, но чаще политическаго характера. Политическій характеръ протеста противъ аристократической формы правленія и требованія возврата къ самодержавію имѣли волненія въ Вяткѣ, Перми и вообще на сѣверѣ. По преимуществу соціальную окраску пріобрѣли движенія въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ южныхъ городахъ. Шуйскаго и правящій его именемъ классъ на время спасла рознь его враговъ: Ляпуновъ, Сумбуловъ и Пашковъ разошлись съ Болотниковымъ, потому что соціальныя противорѣчія между представленными каждымъ изъ нихъ классами было слишкомъ велики; впослѣдствіи Болотниковъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Тулѣ и казненъ; враги боярской олигархіи стали истребляться тысячами: начался правительственный терроръ.

Но, какъ и всегда въ революціонныя эпохи, терроръ не могъ задавить общественное движеніе: скоро у Шуйскаго появился новый врагъ въ лицѣ Тушинскаго вора. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ кандидатомъ той же казачьей, крестьянской и холопьей массы, которая выдвинула раньше въ качествѣ своего вождя Болотникова. Ставя себѣ по существу реакціонныя экономическія и соціальныя задачи, имѣя въ виду въ сущности возвратъ къ далекой старинѣ, эта масса въ сущности не имѣла и сознанія необходимости самодержавія. Наиболѣе сознательная въ политическомъ отношеніи часть ея—казачество — стояла не за самодержавіе, а за казацкую раду—подобіе древняго вѣча, т. е. въ сущности за первобытную неорганизованную демократію. Политическая программа Лжедимитрія II отличалась тѣмъ большей неясностью, что на ряду съ этими влеченіями въ сторону первобытной демократіи въ стану самозванца замѣтны были и польскія дворянскія тенденціи съ оттѣнкомъ также олигархическимъ: не даромъ сѣверные города указывали, что тушинцы „всѣ городы отдаютъ паномъ въ жалованье, въ вотчины, какъ и преже сего удѣлья бывали“. По всѣмъ этимъ причинамъ сѣверные города, которые стояли за существующія соціальныя отношенія и въ то же время за возстановленіе самодержавія, скрѣпя сердце, возвратились подъ власть царя Василія, считая ее меньшимъ зломъ

сравнительно съ господствомъ тушинцевъ. Скопинъ-Шуйскій, своей побѣдой надъ тушинцами, и Сигизмундъ польскій, вторженіемъ въ Россію, погубили Лжедмитрія II, но вмѣстѣ погибъ и Шуйскій: его войско разбито поляками, олигархи враждуютъ между собой, противъ царя высказываются средніе классы—дворянство и купечество—и сводятъ Шуйскаго съ престола [1]).

Такъ палъ боярскій царь, исчезла боярская олигархія.

IV.

Олигархія впрочемъ попыталась еще себя спасти, перехвативъ и видоизмѣнивъ въ свою пользу политическій проектъ, исходившій изъ круговъ, ей враждебныхъ. Мы видѣли, что непрочность положенія Тушинскаго вора въ значительной степени опредѣлялась пестротой соціальнаго состава его сторонниковъ. Эта пестрота осложнялась еще примѣсью бывшаго опричнаго боярства и родственной ему по соціальной природѣ группы новыхъ авантюристовъ—карьеристовъ, большею частью очень незначительнаго происхожденія, вышедшихъ изъ общественныхъ низовъ. Сюда принадлежали Романовы, Салтыковы, Вельяминовы, Трубецкіе — все опричная знать; авантюристы, какъ Молчановъ, Грамотинъ и Андроновъ. Эти люди рѣшили предложить престолъ королевичу Владиславу и выработали проектъ особаго договора съ новымъ царемъ—документъ, требующій тѣмъ болѣе внимательнаго анализа, что, какъ надо думать, онъ не остался безъ вліянія и на запись, взятую впослѣдствіи съ перваго царя новой династіи.

Договоръ Салтыкова съ Сигизмундомъ по поводу кандидатуры Владислава носитъ на себѣ рѣзко выраженную классовую окраску. Особенно характерна въ этомъ отношеніи соціальная программа Салтыкова и его товарищей: здѣсь прямо выставляется требованіе запрещенія крестьянскаго выхода и выхода холоповъ на волю; крѣпостническія тенденціи дворянства, диктовавшіяся, какъ намъ уже извѣстно, всѣмъ новымъ складомъ хозяйственныхъ отношеній, выразились здѣсь какъ нельзя болѣе ясно. Другое условіе также указываетъ на классовый эгоизмъ средняго и мелкаго, незнатнаго дворянства, опасавшагося перевѣса знати: Салтыковъ съ товарищами требуютъ, чтобы ихъ не понижали по службѣ, чтобы заслуга имѣла не меньшее значеніе, чѣмъ знатность происхожденія; параллельно

[1]) Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, стр. 303 и сл.

этому, сознавая, что преимущества ихъ заключаются въ способностяхъ и знаніяхъ, незнатные дворяне выговорили себѣ право ѣздить за границу для полученія образованія. Характерна и защита интересовъ купечества—просьба о предоставленіи купцамъ права свободно ѣздить за границу для торговли: это показываетъ, что дворянство чувствовало въ торговомъ классѣ естественнаго своего союзника. Тотъ же классовый интересъ продиктовалъ и остальныя условія—требованіе независимости Московскаго государства отъ Польши и Литвы, сохраненіе его административнаго и соціальнаго строя и религіи, санкціонировавшей существующій порядокъ. Наконецъ, рядовое выслужившееся дворянство почувствовало потребность въ юридическихъ гарантіяхъ своего преобладанія: оно потребовало ограниченія власти Владислава не только Боярской думой, но и совѣтомъ „всея земли“; не надо представлять себѣ это требованіе строго-демократическимъ: извѣстно, что составъ земскихъ соборовъ XVI вѣка былъ почти исключительно дворянскимъ, служилымъ. Нѣкоторые изслѣдователи склонны думать, что «ограниченіе единоличной власти Владислава... вытекало въ договорѣ не изъ какой-либо политической теоріи, а изъ обстоятельствъ минуты, приводившихъ на московскій престолъ иноземнаго и иновѣрнаго государя» [1]). Дѣло, конечно, не въ политической теоріи, а въ классовыхъ интересахъ незнатнаго дворянства, въ наличности которыхъ сомнѣваться совершенно не приходится.

Договоръ Салтыкова съ Сигизмундомъ былъ заключенъ 4 февраля 1610 года. Но онъ не вошелъ въ силу: дворянская и посадская масса не сомкнулась около него, потому что не успѣла еще политически сорганизоваться, а боярская знать его перехватила и исказила, замѣнивъ договоромъ 17 августа, чисто-боярскимъ по тенденціямъ, ограничивавшимъ Владислава только Боярской думой. Такъ произведена была новая попытка утвердить боярскую олигархію. Понятно, что ею были недовольны Салтыковъ съ компаніей, и этимъ объясняется поддерживаемая ими кандидатура самого Сигизмунда. Бояре попрежнему остались одинокими и не могли утвердить свое господство.

Смута, поддерживаемая боярской знатью, казаками, крестьянами и холопами, карьеристами въ родѣ Салтыкова и Андронова, достигла высшей точки своего развитія. Больнѣе всего она отражалась на интересахъ среднихъ слоевъ русскаго общества—средняго и мелкаго

[1]) Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, стр. 425.

дворянства посадскихъ людей, зажиточной части крестьянства, и примыкавшаго къ нимъ духовенства. Денежное хозяйство крѣпостной общественный строй, уничтоженіе боярской олигархіи—вотъ въ чемъ заключались классовые интересы названныхъ общественныхъ группъ. Возстановленіе порядка для нихъ было насущной потребностью. За порядокъ высказались какъ разъ города сѣверные и сѣверовосточные, а также города, расположенные по сѣверной, восточной и южной окраинамъ центра, не подвергшимся экономическому кризису XVI вѣка [1]); таковы Рязань, Нижній-Новгородъ, Ярославль, Галичъ, Кострома, Вологда и т. д. Въ результатѣ и получились двѣ попытки возстановить порядокъ, одна неудачная—попытка Ляпунова, другая успѣшная—попытка Минина и Пожарскаго. Духовенство, сначала въ лицѣ патріарха Гермогена, потомъ главнымъ образомъ черезъ Троицкую Лавру, оказывало дѣятельную духовную поддержку ополченію среднихъ слоевъ населенія.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тотъ фактъ, что хотя побѣдителями оказались средніе слои русскаго общества, но избраніе перваго царя новой династіи было результатомъ компромисса, соглашенія противоположныхъ партій. Не забудемъ прежде всего тѣхъ горячихъ и продолжительныхъ споровъ, которые предшествовали на земскомъ соборѣ избранію царя Михаила. Не забудемъ и того, что самъ Пожарскій былъ сторонникомъ кандидатуры князя Голицына. За компромиссъ говоритъ и наличность записи, взятой съ Михаила. Въ исторической литературѣ сдѣлана попытка истолковать и эту запись въ томъ смыслѣ, что она не ограничивала власти царя [2]). Но не подлежитъ сомнѣнію несостоятельность такого толкованія въ виду категорическаго свидѣтельства Котошихина, что царь Михаилъ „хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего“ [3]). Можно догадываться, что салтыковскій договоръ явился важнымъ прецедентомъ записи Михаила: не даромъ такъ часто созывались въ его царствованіе земскіе соборы.

V.

Намъ остается разсмотрѣть послѣдній моментъ въ политической исторіи происхожденія самодержавія въ Россіи—царствованіе Михаила и начало царствованія Алексѣя.

[1]) См. наше Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 60—63.

[2]) Маркевичъ, въ статьѣ, помѣщенной въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1889 г.

[3]) Котошихинъ, стр. 104.

Царь Михаилъ не былъ самодержавнымъ государемъ. Тѣмъ не менѣе, его царствованіе имѣетъ весьма важное значеніе для политической исторіи самодержавія въ Россіи. Мы видѣли отчасти, въ чемъ состоитъ это значеніе. Если уже предшествующее время выдвинуло важныя перемѣны въ народномъ хозяйствѣ, соціальныхъ отношеніяхъ и отчасти въ административномъ строѣ, то въ царствованіе Михаила, особенно къ сороковымъ годамъ XVII вѣка, слагается въ болѣе систематическомъ видѣ административная техника, поскольку она имѣетъ отношеніе къ непосредственному участію верховной власти въ дѣлахъ управленія. Къ этому надо добавить, что и техника правительственной дѣятельности высшихъ учрежденій—земскаго собора и Боярской думы—сложилась болѣе или менѣе правильно и систематично именно въ царствованіе перваго царя новой династіи. Нижеслѣдующія наблюденія убѣждаютъ въ этомъ.

Что земскіе соборы XVII вѣка превратились въ организованныя учрежденія,—это хорошо выяснено въ спеціальной литературѣ. Установлено, что земскіе соборы сдѣлались представительствомъ тѣхъ именно среднихъ слоевъ русскаго общества, которые все болѣе и болѣе выдвигались на первый планъ реальными условіями русской хозяйственной и соціальной жизни того времени. Представительство это не походило уже на то, которое наблюдалось на земскихъ соборахъ XVI вѣка, а было организованнымъ: производились правильные выборы [1]). Въ послѣдніе время удалось найти документъ, ставящій внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что при выборахъ на земскій соборъ 1648—49 годовъ избиратели снабжали своихъ выборныхъ опредѣленными инструкціями или наказами [2]). Безъ сомнѣнія, это не было новостью, не являлось специфическимъ признакомъ собора 1648—49 гг., а было традиціей, унаслѣдованной отъ прошлаго, обычаемъ, утвердившимся еще въ царствованіе Михаила.

Хорошо извѣстно, какая серьезная и многосторонняя созидательная, творческая работа исполнена была земскими соборами XVII вѣка [3]). Вѣнцомъ этой работы явился и новый кодексъ — Уложеніе 1649 года. Нельзя не признать, что дѣятельность земскихъ соборовъ сильно облегчила положеніе верховной власти и въ то же время

---

[1]) Латкинъ, Земскіе соборы древней Руси, стр. 266 и сл.

[2]) См. сообщеніе г. Алексѣева въ «Трудахъ Археографической Комиссіи Моск. Археологич. Общества», т. II, вып. второй.

[3]) Латкинъ, Земскіе соборы древней Руси, стр. 282 и сл.

удовлетворила не требовавшимъ отлагательства потребностямъ правящихъ классовъ русскаго общества. Дворянство въ главной своей массѣ было удовлетворено и перестало ощущать нужду въ непосредственномъ воздѣйствіи на государственную власть черезъ выборныхъ: оно и такъ оставалось правящимъ классомъ. Съ другой стороны, такъ какъ главные вопросы государственной жизни были разрѣшены земскими соборами въ духѣ господствующихъ въ обществѣ интересовъ, то верховной власти было легко справиться съ текущей законодательной работой, не прибѣгая къ такому чрезвычайному средству, какъ земскіе соборы. Таковъ былъ смыслъ того содѣйствія образованію самодержавной власти русскихъ государей, которое, быть-можетъ и не сознательно, оказывали земскіе соборы. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно перечислить тѣ вопросы, которыхъ касалась дѣятельность соборовъ XVII вѣка. Сюда относились, если не считать выборовъ царей, регулированіе землевладѣльческаго права, дѣла внѣшней политики, кодификація права, распоряженіе о производствѣ переписей, финансовыя дѣла (установленіе налоговъ), торговые договоры, установленіе внутренняго порядка въ государствѣ [1]).

Параллельно тому, какъ организовались и развивали свою дѣятельность земскіе соборы, происходили измѣненія въ техникѣ правительственной работы, совершавшейся въ Боярской думѣ. Основная черта этихъ измѣненій состояла въ томъ, что сложился обычный кругъ дѣлъ, которыя всегда рѣшались съ участіемъ Думы. Само-собой разумѣется, это не исключало возможности обращенія царя къ Думѣ по другимъ вопросамъ, какъ и разсмотрѣнія и рѣшенія въ отдѣльныхъ рѣдкихъ случаяхъ дѣлъ, обычно рѣшавшихся Боярской думой, безъ ея участія, но все это были уже исключенія, нисколько не опровергающія общаго правила, основной тенденціи, установившейся въ правительственной практикѣ [2]).

Въ теченіе всей первой половины XVII вѣка ни одинъ законъ, касающійся холопства, не былъ изданъ безъ участія Боярской думы. Вотъ рядъ фактовъ, подтверждающихъ это положеніе: 16 августа 1603 г. государь указалъ и бояре приговорили: тѣхъ холоповъ, которыхъ въ голодные годы ихъ господа не кормятъ, а отсылаютъ отъ себя, освобождать на волю [3]); 7 января 1606 г. состоялся

---

[1]) Латкинъ, Земскіе соборы, стр. 282 и сл.

[2]) Ср. Ключевскій, Боярская дума, изд. 2-е, стр. 441 и слѣд.

[3]) Акты Историч., т. II, № 44.

боярскій приговоръ о томъ, чтобы отецъ и сынъ, поступающіе въ кабальное холопство, давали каждый на себя особую кабалу, а не писались въ одной общей [1]); въ 1607—1609 годахъ состоялся рядъ приговоровъ Боярской думы по дѣламъ о холопствѣ [2]) и т. д.

Точно такъ же при изданіи новыхъ законовъ, касавшихся землевладѣнія, помѣстнаго и вотчиннаго права, цари Михаилъ и Алексѣй всегда совѣщались съ Боярской думой. Объ этомъ на каждомъ шагу свидѣтельствуетъ прежде всего Указная книга Помѣстнаго приказа: напр., въ 1622 г. „государь.... совѣтовавъ со отцемъ своимъ... и говорилъ о томъ съ бояры [3])"; 20 февраля 1621 года государь и отецъ его указали и бояре приговорили объ отпискѣ вотчинъ на государя у тѣхъ, кто не значится въ осадномъ спискѣ о царя Васильевомъ осадномъ сидѣньѣ [4]); въ 1636 г. государя „докладывалъ думный дьякъ Михаилъ Даниловъ о помѣсныхъ и о вотчинныхъ статьяхъ. И государь... указалъ тѣхъ статей слушать бояромъ; а что о тѣхъ статьяхъ бояре приговорятъ, и о томъ государь велѣлъ доложить себя государя [5])" и т. д. То же подтверждается и новоуказными статьями: рядъ боярскихъ приговоровъ о помѣстномъ владѣніи землей состоялся въ 1649 г. [6]); въ 1650 г. бояре приговорили объ отмежеваніи пустошей, неправильно примежеванныхъ къ помѣстьямъ [7]), и о цѣломъ рядѣ другихъ законодательныхъ вопросовъ, касавшихся помѣстій и вотчинъ [8]); то же наблюдается въ 1651 [9]) и 1652 [10]) годахъ.

Установленіе этихъ прочныхъ нормъ законосовѣщательной компетенціи Боярской думы также содѣйствовало тому, что къ половинѣ XVII-вѣка московскій государь почувствовалъ себя въ силахъ стать дѣйствительно самодержавнымъ, усвоивъ себѣ по преимуществу направляющую и принципіально—опредѣляющую дѣятельность.

Царь Алексѣй занялъ престолъ, не будучи ограниченъ въ своей

---

[1]) Тамъ же, № 63.
[2]) Тамъ же, № 85.
[3]) Сторожевъ, Указная книга Помѣстнаго приказа, стр. 33.
[4]) Тамъ же, стр. 38.
[5]) Тамъ же, стр. 115.
[6]) Полное Собраніе Законовъ, №№ 14, 15, 16, 17, 20.
[7]) Тамъ же, № 25.
[8]) Тамъ же, №№ 27, 30, 31, 32, 33, 42, 45, 46, 53, 54.
[9]) Тамъ же, №№ 59, 73.
[10]) Тамъ же, № 89.

власти никакой записью. Тѣмъ не менѣе, въ первые годы своего царствованія онъ продолжалъ созывать земскіе соборы. Это продолжалось, однако же, недолго: земскій соборъ 1653 года былъ послѣднимъ полнымъ, правильно составленнымъ земскимъ соборомъ въ Московскомъ государствѣ.

Послѣ этого правительство усвоило обычай совѣщаться съ экспертами изъ лицъ, принадлежащихъ къ тому или другому сословію, котораго касался ближайшимъ образомъ обсуждаемый вопросъ. Повидимому, служилое сословіе—эта главная опора установившагося послѣ Смуты государственнаго порядка—было довольно этимъ и не претендовало на новый созывъ земскаго собора. Нѣкоторыя тенденціи въ сторону продолженія соборной практики замѣтны были только въ средѣ посадскихъ людей. Въ 1662 году посадскіе люди города Москвы—всѣ отъ высшихъ до низшихъ разрядовъ,—гости, люди гостиной и суконной сотенъ, а также и люди черныхъ сотенъ и слободъ, по случаю денежныхъ затрудненій, переживавшихся страной въ 50-хъ и 60-хъ годахъ и вызванныхъ попыткой введенія мѣдныхъ денегъ, заявили верховной власти о томъ, что они признаютъ полезнымъ созвать земскій соборъ. Это заявленіе оказалось, однако, безплоднымъ [1]). Московское правительство окончательно вступило на путь абсолютизма. Процессъ происхожденія самодержавія въ Россіи закончился.

Изслѣдованіе политической стороны процесса происхожденія самодержавія въ Россіи приводитъ такимъ образомъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) въ первый моментъ—съ конца XV до половины XVI вѣка—опредѣлились и уяснили свои задачи главныя общественныя силы, вступившія между собою въ политическую борьбу,—боярство и дворянство,—и временно одержало верхъ боярство, ограничившее власть государя; 2) второй моментъ—съ половины XVI до начала XVII в.—характеризуется открытымъ столкновеніемъ враждебныхъ силъ, выразившимся въ опричинѣ, въ казняхъ и конфискаціяхъ Грознаго и въ ссылкахъ Годунова; дворянская самодержавная манархія одержала первую рѣшительную побѣду, которая была подготовлена тѣмъ, что были заложены основы денежнаго хозяйства, крѣпостныхъ соціальныхъ отношеній, новой административной системы; рѣшительное сопротивленіе самодержавію со стороны боярской аристократіи было парализовано постигшимъ центръ страны въ концѣ XVI вѣка эконо-

---

[1]) Платоновъ, Статьи по русской исторіи, Спб. 1903, стр. 160—161.

мическимъ кризисомъ, генетически связаннымъ съ зарожденіемъ денежнаго хозяйства; 3) въ третій моментъ борьбы—въ Смутное время со вступленія на престолъ Лжедимитрія до выбора перваго царя новой династіи—наблюдается ограниченіе царской власти, сопровождавшееся сначала временнымъ торжествомъ боярской олигархіи при Шуйскомъ. потомъ торжествомъ среднихъ классовъ русскаго общества, вынужденныхъ однако вступить въ компромиссъ по поводу избранія Романова на ограничивающихъ его власть условіяхъ; 4) въ четвертый моментъ—при Михаилѣ и въ началахъ царствованія Алексѣя—эти средніе классы, заинтересованные въ установленіи порядка,—преимущественно дворянство—организовали высшее управленіе, подняли на высшую ступень административную технику вообще и развили широкую творческую законодательную дѣятельность въ земскихъ соборахъ, что, на ряду съ экономическими и соціальными предпосылками, создало окончательное торжество самодержавія въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Общіе выводы.

Намъ остается свести воедино результаты предпринятаго изслѣдованія. Предшествующее изложеніе обосновываетъ такіе тезисы:

1. До XVI вѣка въ Россіи не существовало самодержавія: въ древнѣйшей Россіи—до конца XII вѣка—государство было неорганизованнымъ двоевластіемъ вѣча и князя; въ вольныхъ городахъ XIII—XV вѣковъ оно являлось аристократической муниципальной республикой; государственный союзъ сѣверо-восточной удѣльной Руси представлялъ собою типическое вотчинное государство, въ которомъ государственныя функціи разсматривались какъ простые хозяйственные аттрибуты земельнаго владѣнія; Литовско-русское государство было реальной уніей отдѣльныхъ земель, развивавшейся въ унитарное государство съ ограниченіемъ власти государя дворянскими представительными учрежденіями.

2. Такіе политическіе порядки находились въ тѣсной связи съ хозяйственнымъ бытомъ, соціальными условіями и административной техникой: въ древнѣйшей Россіи хозяйство, общество и техника управленія отличались полной аморфностью; въ вольныхъ городахъ

преобладаніе внѣшней торговли въ высшихъ слояхъ общества и связанный съ этимъ переходъ земли въ руки бояръ создали перевѣсъ аристократіи и элементы технической организаціи высшаго управленія; въ сѣверо-восточной Руси XIII—XV вѣковъ господствовало земледѣліе при сохраненіи натуральнаго хозяйства, утвердилось служилое землевладѣніе—вотчинное и помѣстное,—возникли въ зародышѣ классы и сословія, и начало, хотя и весьма слабо, технически преобразовываться высшее управленіе; западная Русь характеризовалась преобладаніемъ земледѣлія при весьма быстромъ движеніи къ денежному хозяйству, господствомъ дворянскаго землевладѣнія, ростомъ классоваго и сословнаго значенія дворянства и постепенной смѣной единоличной дѣятельности князя-вотчинника его совмѣстной работой съ коллегіальными дворянскими учрежденіями—радой и сеймомъ.

3. Въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII вѣка начало утверждаться денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ, причемъ подъ вліяніемъ этой перемѣны наблюдается рѣзко выраженный экономическій кризисъ въ главныхъ областяхъ государства.

4. Для того, чтобы преодолѣть этотъ кризисъ и успѣшно справиться съ переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, разсчитанному на обширный сбытъ, русское общество XVI—XVII вѣковъ сомкнулось въ крѣпостныя сословія, въ средѣ которыхъ перевѣсъ принадлежалъ дворянству.

5. Соотвѣтственно хозяйственнымъ и соціальнымъ условіямъ въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка организованы были органы подчиненнаго управленія—мѣстнаго и центральнаго: въ мѣстномъ управленіи система кормленій была сначала ограничена частичной примѣсью выборныхъ учрежденій со спеціальнымъ назначеніемъ и примѣненіемъ по частямъ хозяйственнаго управленія городовыхъ приказчиковъ, а затѣмъ замѣнена опытомъ земскаго самоуправленія, примѣнявшимся однако далеко неповсемѣстно, и, наконецъ, централизованной бюрократіей въ лицѣ воеводъ, сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ всѣ отрасли областного управленія; въ центральномъ управленіи развились приказы, причемъ въ соотвѣтствіи съ хозяйственными и соціальными потребностями раньше и полнѣе всего организовались управленіе дворцовымъ хозяйствомъ и завѣдываніе службой, землевладѣніемъ и внѣшней политикой, почти одновременно, но отчасти уже позднѣе двинулось впередъ центральное финансовое управленіе; затѣмъ слѣдовала организація центральныхъ судебныхъ учрежденій и военныхъ

приказовъ; еще позднѣе и меньше рквзвивались приказы, вѣдавшіе общественное благоустройство и благосостояніе, и, наконецъ, совершенно отсталой по времени и по степени развитія является контролирующая администрацію дѣятельность высшей власти.

6. Къ половинѣ XVII вѣка техника высшаго управленія постепенно преобразовалась въ смыслѣ усиленія самостоятельности бюрократіи и избавленія верховной власти отъ множества мелкихъ дѣлъ, прежде до нея восходившихъ. Въ разрядныхъ дѣлахъ органы подчиненнаго управленія стали самостоятельно вѣдать запись въ службу главной массы служилыхъ людей, служебные отпуски низшихъ чиновъ въ невоенное время, переводы изъ гарнизонной службы въ полевую, назначеніе на всѣ мелкія должности въ войскѣ, центральномъ и областномъ управленіи, верстанье окладами, назначеніе спеціальныхъ вознагражденій, придачи къ окладамъ низшихъ чиновниковъ, справку придачъ для всѣхъ служилыхъ людей, выдачу инструкцій областнымъ правителямъ, сборъ свѣдѣній о состояніи военныхъ силъ государства и, наконецъ, устройство мелкихъ укрѣпленій. Въ отношеніи къ землевладѣнію органы подчиненнаго управленія успѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ самостоятельное завѣдываніе хозяйствомъ на дворцовыхъ земляхъ, поскольку оно шло нормальнымъ, обычнымъ порядкомъ, сдачу на оброкъ разныхъ доходныхъ статей на черныхъ земляхъ, передачу свободныхъ дворовъ на посадахъ, нотаріальное укрѣпленіе владѣльческихъ правъ на землю, исполнительную дѣятельность по производству статистическихъ описаній и межеваній земли и разборъ поземельныхъ тяжбъ обычнаго характера. Въ финансовомъ отношеніи подчиненныя учрежденія пріобрѣли право отдачи казенныхъ сборовъ на откупъ и сдачи ихъ на вѣру въ тѣхъ случаяхъ, когда откупная или „вѣрная“ система существовала уже въ данной мѣстности и не требовалось перехода отъ одной изъ нихъ къ другой; тѣ же учрежденія отсрочивали на непродолжительное время платежъ податей, получали всѣ доходы государства, выдавали обычное жалованье служилымъ людямъ высшихъ разрядовъ и важнѣйшимъ должностнымъ лицамъ по центральному и областному управленію, а также дворцовымъ слугамъ, наконецъ, производили и другіе расходы, если они были невелики по размѣрамъ. Самостоятельныя судебныя функціи подчиненныхъ учрежденій выражались въ половинѣ XVII вѣка въ производствѣ слѣдствія по государственнымъ преступленіямъ, въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ о преступленіяхъ противъ власти и противъ порядка управленія (за исключеніемъ осо-

бенно важныхъ), исковъ о крестьянахъ и холопахъ, дѣлъ о закабаленіи и закрѣпощеніи свободныхъ людей, о выходѣ служилыхъ и посадскихъ людей изъ ихъ состояній, наконецъ, обыкновенныхъ заурядныхъ дѣлъ объ убійствѣ, о преступленіяхъ противъ здоровья, чести и противъ правъ имущественныхъ и всякаго рода гражданскихъ тяжбъ. Самостоятельныя полицейскія функціи подчиненныхъ учрежденій къ тому же времени слагаются изъ элементарной охраны общественной безопасности, снабженія паспортами купцовъ, завѣдыванія пожарной частью, исполнительной дѣятельности по ямской гоньбѣ и менѣе важныхъ дѣлъ по торговой полиціи. Въ дипломатической части также развивается самостоятельность подчиненныхъ органовъ, выражающаяся въ веденіи переговоровъ безъ непосредственнаго по каждой подробности сношенія съ верховной властью и въ выработкѣ принципіальныхъ основъ для внѣшней политики. Хотя контроль и надзоръ за администраціей былъ неорганизованъ, случаенъ, но многія дѣла по должностнымъ преступленіямъ перешли уже изъ рукъ верховной власти въ самостоятельное вѣдѣніе подчиненныхъ учрежденій: сюда относились дѣла о притѣсненіяхъ подьячихъ воеводами, о превышеніи воеводами своей власти, о неисполненіи воеводами законныхъ требованій равныхъ имъ и низшихъ властей, о злоупотребленіяхъ и должностныхъ преступленіяхъ стрѣлецкихъ, станичныхъ и осадныхъ головъ, о менѣе важныхъ преступленіяхъ по должности, совершавшихся подьячими съѣзжихъ избъ, о должностныхъ преступленіяхъ низшихъ органовъ администраціи, наконецъ такъ же дѣла о менѣе важныхъ служебныхъ проступкахъ служилыхъ людей, составлявшихъ массу московскаго войска.

7. Техника церковнаго управленія и суда постепенно въ половинѣ XVII вѣка достигла того же состоянія, какъ и техника управленія свѣтскаго; въ то же время послѣ нѣкоторой борьбы церковная власть окончательно подчинилась верховной власти московскихъ царей.

8. Самодержавіе въ Россіи окончательно сложилось къ пятидесятымъ годамъ XVII вѣка, причемъ въ его политической исторіи надо различать четыре момента. Въ первый моментъ—съ конца XV до половины XVI вѣка—опредѣлились и уяснили свои задачи главныя общественныя силы, вступившія между собою въ политическую борьбу,—боярство и дворянство,—и временно одержало верхъ боярство, ограничившее власть государя. Второй моментъ—съ половины XVI до начала XVII в.—характеризуется открытымъ столкновеніемъ враж-

дебныхъ силъ, выразившимся въ опричнинѣ, въ казняхъ и конфискаціяхъ Грознаго и въ ссылкахъ Годунова; дворянская самодержавная монархія одержала первую рѣшительную побѣду, которая была подготовлена тѣмъ, что были заложены основы денежнаго хозяйства, крѣпостныхъ соціальныхъ отношеній, новой административной системы; рѣшительное сопротивленіе самодержавію со стороны боярской аристократіи было парализовано постигшимъ центръ страны въ концѣ XVI вѣка экономическимъ кризисомъ, генетически связаннымъ съ зарожденіемъ денежнаго хозяйства. Въ третій моментъ борьбы—со вступленія на престолъ Лжедимитрія до выбора перваго царя новой династіи—наблюдается ограниченіе царской власти, сопровождавшееся сначала временнымъ торжествомъ боярской олигархіи при Шуйскомъ, потомъ торжествомъ среднихъ классовъ русскаго общества, вынужденныхъ однако вступить въ компромиссъ по поводу избранія Романова на ограничивающихъ его власть условіяхъ. Въ четвертый моментъ—при Михаилѣ и въ началѣ царстованія Алексѣя—эти средніе классы, заинтересованные въ установленіи порядка,—преимущественно дворянство,—организовали высшее управленіе, подняли на высшую ступень административную технику вообще и развили широкую творческую законодательную дѣятельность въ земскихъ соборахъ, что, на ряду съ экономическими и соціальными предпосылками, создало окончательное торжество самодержавія.

Если бы, наконецъ, потребовалась единая краткая формула, выражающая процессъ происхожденія самодержавія въ Россіи, эта формула могла бы принять слѣдующій видъ: зарожденіе денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ во второй половинѣ XVI вѣка и сопровождавшій его экономическій кризисъ, выразившійся особенно въ центрѣ страны, вызвали крѣпостной соціальный строй, перевѣсъ среднихъ классовъ общества, особенно дворянства, и ослабленіе боярства, извѣстную степень развитія административной техники, избавившую верховную власть отъ вмѣшательства во всѣ мелочи текущей работы по управленію, и въ результатѣ всего этого сложилась самодержавная власть московскихъ царей. Основной причиной установленія самодержавія является, такимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ зарожденіе и первоначальное развитіе денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ. Надо замѣтить, что такая экономическая перемѣна во всѣхъ странахъ приводила къ усиленію монархической власти: достаточно припомнить хотя бы французскую и англійскую монархію XVI и XVII вѣковъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Если въ

Россіи самодержавіе съ самаго своего утвержденія оказалось сильнѣе, чѣмъ на западѣ Европы, то основной причины этого опять-таки надо искать въ сферѣ хозяйственныхъ явленій: въ этомъ повиненъ катастрофическій характеръ русскаго экономическаго развитія второй половины XVI и начала XVII вѣка—переходъ отъ натуральнаго хозяйства почти непосредственно къ денежному съ обширнымъ рынкомъ.

Мы изслѣдовали процессъ происхожденія самодержавія въ Россіи. Но самодержавіе не было само себѣ равно во все время своего существованія, не было одинаковымъ, неизмѣннымъ явленіемъ. Напротивъ, оно переживало измѣненія, оно развивалось. Изучить этотъ процессъ развитія самодержавія, а также и процессъ его паденія—задачи чрезвычайной научной важности и большого интереса. Но онѣ должны составлять уже предметъ другихъ изслѣдованій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Нѣсколько методологическихъ замѣчаній.

Наименѣе изслѣдованнымъ, можно сказать даже почти совершенно незатронутымъ, являлся въ изучаемой темѣ вопросъ объ административной техникѣ, въ частности о демаркаціонной чертѣ, отдѣлявшей въ первой половинѣ XVII вѣка дѣятельность верховной власти и высшихъ учрежденій отъ дѣятельности учрежденій подчиненныхъ. Разъясненію этого частнаго, но важнаго вопроса и посвящены главы IV, V, VI, VII, VIII и IX нашей работы. Онѣ основаны на изученіи весьма значительнаго матеріала, и если бы разбирать детально каждое изъ относящихся сюда наблюденій надъ источниками, размѣры книги разрослись бы по крайней мѣрѣ вдвое, и она сдѣлались бы совершенно неудобочитаемой. Поэтому мы предпочли сжать изложеніе, приводя въ болѣе или менѣе подробной передачѣ лишь нѣкоторые типическіе факты и ограничиваясь по отношенію къ явленіямъ, имъ подобнымъ, ссылками на источники. По этой же причинѣ въ текстѣ не могли найти себѣ мѣста методологическія замѣчанія, обосновывающія то пониманіе нѣкоторыхъ выраженій источниковъ, какого держался авторъ. Отсюда является необходимость въ допол-

нительныхъ разъясненіяхъ именно этой методологической стороны дѣла. Такія методологическія разъясненія и отнесены въ настоящее приложеніе.

Въ источникахъ мы встрѣчаемъ прежде всего рядъ положеній, не вызывающихъ никакихъ сомнѣній: прямо и опредѣленно указывается, что по тому или другому поводу «государь указалъ», или «государь указалъ и бояре приговорили», или данное рѣшеніе принято такими-то судьями приказовъ или воеводами. Несомнѣнность такихъ указаній совершенно ясна и не требуетъ никакихъ комментарій къ приведеннымъ выраженіямъ.

Есть, однако, выраженія иного рода, — иногда читаемъ: «послать грамоту велѣть сдѣлать то-то». Какъ понимать эти выраженія? Кто тутъ принимаетъ рѣшенія? Тщательное изученіе источниковъ показываетъ прежде всего, что подобныя помѣты не могутъ указывать на рѣшеніе верховныхъ учрежденій и самаго царя: послѣднія сопровождаются всегда формулой «государь указалъ» или «бояре приговорили». Нельзя отнести разбираемыя выраженія и къ дѣятельности воеводъ: это опровергается не только тѣмъ, что помѣты сохранились въ дѣлопроизводствѣ приказовъ, но и прилагаемыми обыкновенно при томъ грамотами, въ которыхъ излагается распоряженіе, при чемъ оно адресуется изъ Москвы областнымъ властямъ. Итакъ, выводъ возможенъ одинъ: это—рѣшеніе приказовъ безъ участія верховной власти и высшихъ учрежденій. Такъ это и принималось въ текстѣ изслѣдованія.

Есть и еще другія, на первый взглядъ еще менѣе ясныя выраженія. Такъ, часто встрѣчается въ разнымъ документахъ помѣта «выписать». Когда говорится «выписать въ докладъ», тогда, конечно, рѣчь идетъ о докладѣ царю. Но просто «выписать»—не значило представить для доклада верховной власти или высшему учрежденію. Это означало просто выписку, дѣлавшуюся въ приказѣ по дѣлу для рѣшенія его судьей приказа. Примѣровъ въ этомъ отношеніи у насъ много (напр., Арх. Мин. Юст., книги записныя вотчинныя Помѣст. приказа, кн. $\frac{5984}{16}$ [illegible] Л №, 5, 45, кн. $\frac{19}{5987}$, дѣло № 44 и др.). Вотъ характерный случай: 9 декабря 1639 г. Григорій Борняковъ и Алексѣй Берестовъ подали въ Помѣстный приказъ челобитныя о записи за однимъ изъ нихъ вотчины другого; на челобитныхъ сдѣлана была помѣта «выписать», но доклада царю и Боярской думѣ не было: выписка была подана думному дьяку, и дѣло рѣшено приказомъ самостоятельно (Арх. Мин. Юст., книги запис. вотч. Пом.

прик., книга $\frac{5984}{16}$, дѣло № 2).

Совершенно аналогичный выводъ получается при анализѣ выраженія «по государеву указу». Не подлежитъ сомнѣнію, что когда-то всѣ дѣла рѣшались при непосредственномъ участіи государя, великаго или удѣльнаго князя. Обломкомъ этихъ временъ и является это выраженіе. Но именно только обломкомъ, а не указаніемъ на дѣйствительное рѣшеніе дѣла царемъ. Это выраженіе пріобрѣло значеніе формулы, символизирующей идею верховной власти государя, подобно тому, какъ теперь судебные приговоры постановляются «по указу его императорскаго величества», хотя императоръ самъ не судитъ. Сдѣланный сейчасъ выводъ доказывается опять-таки рядомъ наблюденій надъ источниками, изъ которыхъ приведемъ для образца одно: въ сороковыхъ годахъ XVII в. въ книгахъ записныхъ вотчинныхъ Помѣстнаго приказа много дѣлъ рѣшено было приказомъ независимо отъ верховной власти, но въ помѣтахъ значилось: «по государеву указу» (см., напр., книгу $\frac{5988}{20}$). Когда участіе государя имѣло мѣсто по докладу приказа, тогда дѣлалась докладная выписка; а когда царь вмѣшивался въ дѣло на основаніи поданной ему челобитной одной изъ сторонъ, то помѣчалась не просто «по государеву указу», а «по государеву указу и по подписной челобитной» (см., напр., ту же книгу зап. вотч. $\frac{5988}{20}$).

Весьма часто на той или другой воеводской отпискѣ дѣлалась въ приказѣ помѣта «къ отпуску». Что это значитъ? Отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ дается слѣдующимъ фактомъ. Въ 1638 г. романовскій татаринъ Булатовъ билъ челомъ на церковныхъ дьячковъ Зубарева, Зарина и Трофимова, что они прикладываютъ руки какъ послухи къ ложнымъ кабаламъ на крестьянъ Булатова и тѣмъ причиняютъ имъ убытки; отвѣтчикамъ было велѣно стать на срокъ въ Москвѣ къ отвѣту, но они въ срокъ не стали; Булатовъ просивъ дать ему другую грамоту къ воеводѣ на Романовъ по тѣхъ дьячковъ, чтобы явились на срокъ въ Москву. На оборотѣ челобитной значится помѣта: «147 года сентября в 29 д. справяся с прежним отпуском, дат другая государева грамота». (Моск. Глав. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, св. 104, № 12). Изъ этого ясно, что «отпускъ»—это рѣшеніе по дѣлу, вызывающее немедленное исполненіе особой грамотой, т.-е. исполненіе по дѣлу неспорному. Ясно,

что всѣ помѣты «къ отпуску» относятся къ дѣламъ, рѣшаемымъ приказами самостоятельно, безъ участія верховной власти и высшихъ учрежденій.

Остается, наконецъ, еще разъяснить смыслъ и значеніе слова «чтена», безъ прибавки «государю», также нерѣдко встрѣчающагося въ источникахъ. Смыслъ и значеніе этого слова удовлетворительно разъясняется слѣдующимъ сопоставленіемъ. Въ 1635 г. прислана была отписка въ Москву о военныхъ вѣстяхъ, и оказалось, что эта отписка была «перед государемъ чтена і то вѣдомо» (Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородскаго стола Разряда, № 68, л. 236 об.). Оказывается, что въ совершенно аналогичныхъ случаяхъ, разрѣшавшихся, очевидно, тѣмъ же порядкомъ, помѣчалось просто «чтена» (см., напр., тамъ же, л. 253 и об.). Очевидно, слово «чтена» и безъ прибавленія «государю» обозначало сообщеніе дѣла верховной власти для свѣдѣнія или рѣшенія.

Таковы важнѣйшія методологическія основанія для пониманія источниковъ, служившихъ для разбора и рѣшенія въ нашемъ изслѣдованіи вопросовъ административной техники.

II.

О значеніи внѣшней политики и войнъ для утвержденія самодержавія въ Россіи.

Въ нашей исторической литературѣ до сихъ поръ большимъ кредитомъ и широкимъ распространеніемъ пользуется мнѣніе о первостепенномъ значеніи внѣшней политики и войнъ для утвержденія самодержавія въ Россіи. Все предшествующее изложеніе, кажется, показываетъ, что въ процессѣ происхожденія самодержавной власти русскихъ государей первенство принадлежитъ внутреннимъ, главнымъ образомъ хозяйственнымъ условіямъ. Но, помимо, этого можно указать и на другія соображенія, не позволяющія приписывать внѣшней политикѣ и войнамъ первенствующее значеніе въ данномъ отношеніи.

Прежде всего войны не менѣе, если не болѣе, занимали и русскихъ князей великихъ и удѣльныхъ — до половины XVI вѣка. И однако они не были тогда самодержавными государями. То же самое надо повторить о всѣхъ средневѣковыхъ государствахъ.

Затѣмъ Литовско-русское государство и Польша, объединившіяся

во второй половинѣ XVI в. въ одно государство — Рѣчь Посполитую, — вынесли съ того времени во всякомъ случаѣ не меньше, если не больше, войнъ, чѣмъ Московское государство; и весьма часто, напр. въ XVII в., эти войны были весьма опасны и требовали напряженія всѣхъ силъ. И однако самодержавія тамъ не было; напротивъ, власть короля уменьшилась до чрезвычайности.

Въ томъ же направленіи даютъ матеріалъ историческія аналогіи съ европейскимъ западомъ въ эпоху возникновенія тамъ самодержавія. Тюдоры и Стюарты въ Англіи XVI и XVII вѣковъ, послѣдніе Валуа и первые Бурбоны во Франціи хотя и вели войны, но эти войны не были главнымъ мотивомъ и основной движущей силой ихъ политики и не являлись также источникомъ ихъ самодержавія, созданнаго соотношеніемъ общественныхъ силъ, которое отражало на себѣ хозяйственный бытъ.

Наконецъ, извѣстно, что буржуазныя конституціонныя монархіи сильнѣйшимъ образомъ развиваютъ милитаризмъ и пускаются въ военныя авантюры, хотя самодержавія, послѣдовательно проведеннаго, въ нихъ не существуетъ.

Многія изъ этихъ соображеній, устраняя, какъ несостоятельную теорію, происхожденія самодержавія отъ напряженной внѣшней политики и войнъ, даютъ уже отчасти основаніе и для правильнаго пониманія отношенія войнъ и внѣшней политики къ самодержавному режиму и его происхожденію. Войны и внѣшняя политика сами являются отраженіемъ соотношенія внутреннихъ общественныхъ силъ и хозяйственныхъ потребностей, устанавливающихъ это соотношеніе. И въ самомъ дѣлѣ: достаточно бросить взглядъ на внѣшнюю политику Россіи съ Ивана Грознаго до Алексѣя, чтобы понять это. Вѣдь завоеванія Волги, Сибири, защита юга и движеніе къ югу по направленію къ Крыму и Кавказу шли навстрѣчу потребностямъ въ колонизаціи, въ землѣ для служилаго класса. Основными мотивами борьбы съ Польшей было пріобщеніе Малороссіи къ хозяйственному вліянію Великой Россіи и особенно стремленіе къ морю, о чемъ свидѣтельствуютъ войны за Ливонію съ Польшей и Литвой, при Грозномъ, и съ Швеціей, при Алексѣѣ. Войны и внѣшняя политика лишь постольку укрѣпляли самодержавіе, поскольку они сами являлись результатомъ соотношенія соціальныхъ силъ, выдвигаемыхъ въ извѣстной перспективѣ процессомъ хозяйственнаго развитія.

Институт ... при Ц.К. ...

Того же автора:

1) *Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія*, часть первая, изданіе второе. Цѣна 1 р.

2) *То же*, часть вторая, выпускъ первый. Цѣна 1 р.

3) *То же*, часть вторая, выпускъ второй. Цѣна 1 р.

4) *Городъ и деревня въ русской исторіи* (краткій очеркъ экономической исторіи Россіи), изданіе второе. Цѣна 40 коп.

5) *Учебникъ русской исторіи*, для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Цѣна 60 коп.

6) *Учебникъ всеобщей исторіи*, для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Цѣна 1 р. 10 коп.

7) *Историческіе и соціологическіе очерки*, часть первая. Цѣна 1 р. 50 коп.

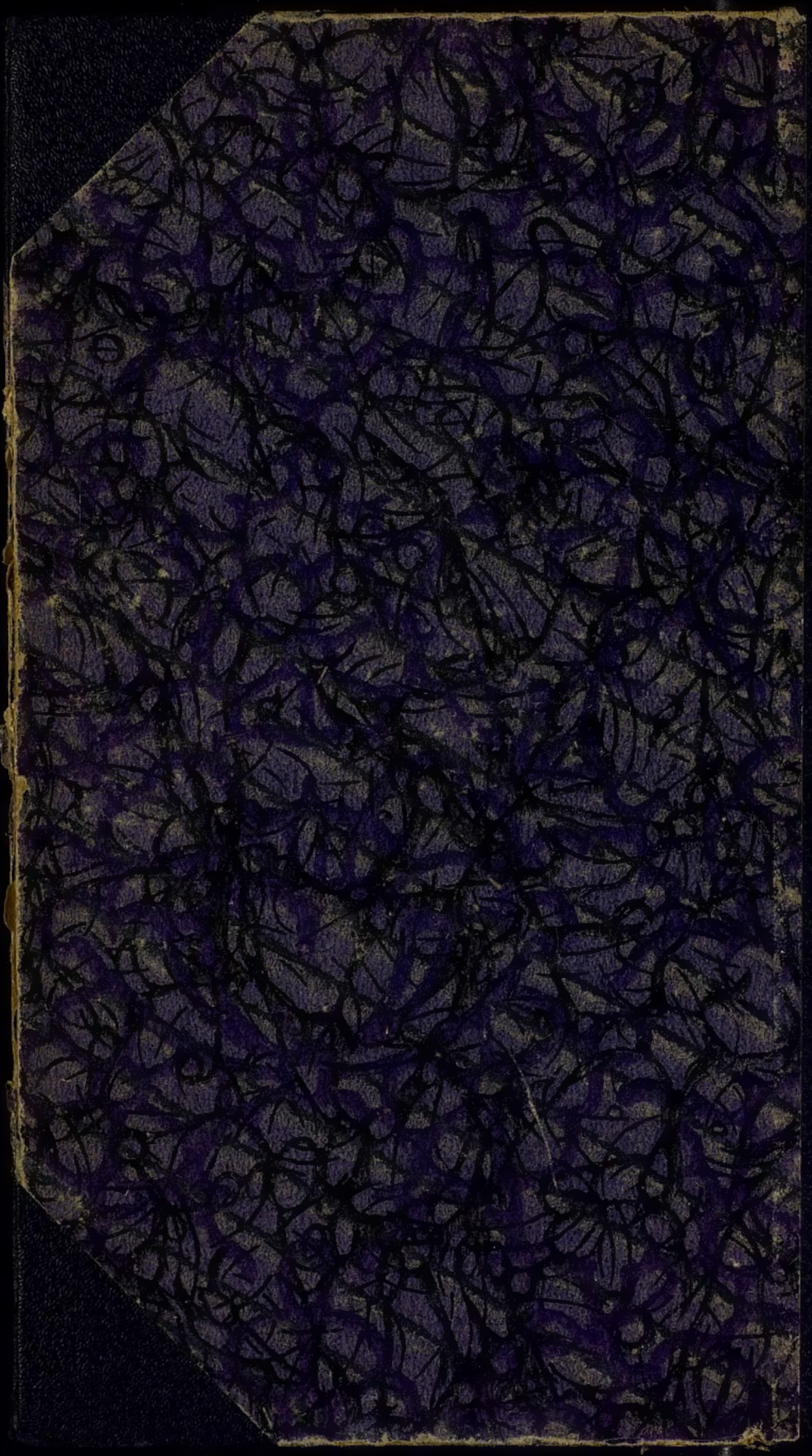
8) *То же*, часть вторая. Цѣна 2 р.

9) *Исторія крѣпостного права въ Россіи*. Цѣна 10 коп.

10) *Къ аграрному вопросу*. Цѣна 5 коп.

11) *О формахъ народнаго представительства*. Цѣна 5 коп.

12) *Эволюція хозяйственныхъ формъ*. Цѣна 6 коп.

Цѣна 1 руб.

Цѣна 1 руб.